

Теоретическая и прикладная лингвистика

Научный журнал

Основан в 2015 году.

Учредитель

ФГБОУ ВПО «Амурский государственный университет» (АмГУ)

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре

Свидетельство ПИ № ФС77-60424

Периодичность 4 раза в год

Выпуск 1, № 4, 2015

Материалы журнала содержат избранные статьи, посвящённые различным языкам (Славянским, Германским, Романским, Тюркским, Тунгусо-маньчжурским, Монгольским, Финно-угорским, Самодийским, Енисейским и Восточным), принадлежащим к различным языковым семьям (Индоевропейской, Балто-славянской, Уральской, Алтайской, Сино-тибетской, Палеоазиатской). Особое внимание уделяется языкам народов России, включая вымирающие языки и смешанные языковые образования (пиджины, креольские языки). Освещается актуальная проблематика многих разделов языкознания: фонетики и фонологии, лексикологии, ономастики, лексикографии, грамматики, стилистики, семантики, социолингвистики, психолингвистики, истории языка, сравнительно-исторического, сопоставительного и типологического языкознания. Затрагиваются аспекты интерференции, различные виды заимствований и калькирования. Обсуждаются вопросы теории и практики устного и письменного перевода. Рассматривается широкий спектр методов изучения языка, в том числе методы сбора и обработки языковых корпусов и построения баз данных, методы акустического и перцептивного анализа, анализа артикуляции, методы компьютерного моделирования языка. Не обходятся вниманием аспекты методики преподавания языков, в частности, особенности отражения результатов современных лингвистических исследований в методике преподавания родного и иностранного языков. Представленные в журнале статьи будут полезны как специалистам в указанных разделах, так и широкому кругу читателей, студентам и аспирантам.

Главный редактор

Андросова Светлана Викторовна д-р филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Заместители главного редактора

Деркач Светлана Викторовна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Морозова Ольга Николаевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Редакционная коллегия

Архипова Нина Геннадьевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Бай Лань доцент (Академия общественных наук Внутренней Монголии, Хух-Хото, КНР)

Баррет Екатерина Викторовна канд. филол. наук (США)

Бурькин Алексей Алексеевич д-р филол. наук (РФ, Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН)

Гусева Светлана Ивановна д-р филол. наук, профессор (РФ, Амурский государственный университет)

Ермакова Людмила Витальевна канд. филол. наук (РФ, Амурский государственный университет)

Лаврилье Александра д-р соц. антропологии, доцент (Франция, Версальский университет)

Манёрова Кристина Валерьевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Наумов Владимир Викторович д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет)

Пирогова Марина Андреевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Поржучек Анджей д-р филол. наук, доцент (Польша, Университет Силезии)

Селютина Ираида Яковлевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Институт филологии Сибирского отделения РАН)

Скрелин Павел Анатольевич д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Становая Лидия Анатольевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

Старыгина Галина Михайловна канд. филол. наук (РФ, Амурский государственный университет)

Тьен Дэвид доцент (Австралия, ун-т Чарльз Стюрт)

Чой Мун-Джеонг доцент (Южная Корея)

Чугаева Татьяна Николаевна д-р филол. наук (РФ, Пермский научный Центр Уральского отделения РАН)

Шамина Елена Анатольевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Шевченко Татьяна Ивановна д-р филол. наук, профессор (РФ, Московский государственный лингвистический университет)

Шуйская Татьяна Викторовна канд. филол. наук (РФ, Амурский государственный университет)

Редакционная коллегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций.
С требованиями к оформлению статей можно ознакомиться на сайте АмГУ www.amursu.ru/lingua

Адрес редакционной коллегии:

675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатъевское шоссе, 21, кор. 7, аудитория 502

e-mail: lingua.amursu.journal@gmail.com

Theoretical and Applied Linguistics

Scientific Journal

Founded in the year 2015

Publisher

Amur State University (AmSU)

Certified by the Russian Federal Service that provides oversight in the sphere of mass media and informational technologies

Certificate ПИ № ФС77-60424

Appears quarterly: 1 volume per year (4 issues)

Volume 1, Issue 4, 2015

The journal contains selected articles devoted to various languages (Slavic, Germanic, Romance, Turkic, Tungus-Manchu, Mongolian, Finnish-Ugric, Samoyedic, Yeniseian, and Oriental) belonging to different language families (Indo-European, Balto-Slavic, Uralic, Altai, Sino-Tibetan, Paleo-Asiatic). Particular attention is paid to the languages of the peoples of Russia including endangered languages and mixed language formations (pidgins, creoles). Current issues of many linguistic fields are viewed: phonetics and phonology, lexicology, onomastics, lexicography, grammar, stylistics, semantics, sociolinguistics, psycholinguistics, historical linguistics and comparative-historical linguistics, cross-language studies, and linguistic typology. Aspects of second language acquisition, various borrowings and replications from a foreign language are addressed. Theory and practice of written and oral translation is observed. Wide range of methods of linguistic studies including data collection and data processing for corpus linguistics, methods of acoustic, perceptual and articulatory study and computer modeling of languages are described. Discussing methods of language teaching and applying results of modern scientific research for teaching native and foreign languages is encouraged. The articles published in this journal might be useful for both specialists in the fields mentioned and a wider audience including students.

Amur State University Press

Room 502, Building 7, 21 Ignatyevskoe Shosse, Blagoveshchensk, Amur Region,
Russian Federation, Zip Code 675027

General Editor

Svetlana V. Androsova Doctor of Philology, professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Associate editors

Svetlana V. Derkach PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Olga N. Morozova PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Editorial Board

Nina G. Arkhipova PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Bai Lan PhD (Chinese Academy of Social Sciences, Inner Mongolia, Hohhot, China)

Ekaterina V. Barrett PhD (the US)

Alexis A. Burykin Doctor of Philology (Linguistic Research Institute at Russian Academy of Science, St. Petersburg, Russian Federation)

Svetlana I. Guseva Doctor of Philology, professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Ludmila V. Ermakova PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Alexandra Lavrillier PhD (University of Versailles, France)

Kristina V. Manerova PhD, associate professor (St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov Doctor of Philology, professor (St. Petersburg State Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation)

Marina A. Pirogova Associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Andrzej Porzuczek PhD, (University of Silesia, Katowice, Poland).

Iraida Ya. Selyutina Doctor of Philology, professor (Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Pavel A. Skrelin Doctor of Philology, professor (St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation)

Lidia A. Stanovaya Doctor of Philology, professor (The Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation)

Galina M. Starigina PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

David Tien PhD, (Charles Sturt University, Australia)

Moon-Jeong Choi PhD (Institute of Humanities of Seoul National University, Republic of Korea)

Tatiana N. Chugaeva Doctor of Philology (Perm Scientific Center of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Perm, Russian Federation)

Elena A. Shamina PhD, associate professor (St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation)

Tatiana I. Shevchenko Doctor of Philology, professor (Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation)

Tatiana V. Shuiskaya PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

The publisher might not share viewpoints of articles authors

Publisher Address:

Room 502, Building 7, 21 Ignatyevskoe Shosse, Blagoveshchensk, Amur Region, Russian Federation, Zip Code 675027; website: www.amursu.ru/lingua
e-mail: lingua.amursu.journal@gmail.com

УДК 81'33
UDC 81'33

Бурыкин Алексей Алексеевич
Институт лингвистических исследований
Российская Академия Наук
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
Alexis A. Burykin
Institute for Linguistic Studies
Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation
e-mail: albury@rambler.ru

**ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЙ
В ОБЛАСТИ РУССКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ И ЛЕКСИКОГРАФИИ
«БИБЛИОТЕКА ЛЕКСИКОГРАФА»: ОПЫТ РАБОТЫ,
ПЕРСПЕКТИВЫ ПОПОЛНЕНИЯ,
ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ELECTRONIC RESOURCE FOR STUDIES IN THE FIELD
OF RUSSIAN LEXICOLOGY AND LEXICOGRAPHY
«LEXICOGRAPHER'S LIBRARY»: EXPERIENCE, OUTLOOK
FOR ENLARGING, POSSIBILITIES OF USING**

Аннотация

Настоящая статья посвящена использованию информационных технологий для обработки филологического материала. Дается обзор доступных электронных библиотек, достоинств и недостатков организации в них текстового материала, подчёркивается необходимость дальнейшей оптимизации работы в области русской лексикологии и лексикографии. Подробно анализируется созданный корпус «Библиотека лексикографа». В Библиотеке насчитывается 3,1 млрд. словоформ из более чем 260 тыс. текстов различных видов. Максимальная полнота охвата материала, открытость и возможности для неограниченного пополнения и редактирования являются достоинствами проекта. Объективным недостатком проекта является его принципиально оффлайн-характер. Рассматривается проблематика приведения текстового материала к единому формату и повышения эффективности поисковых систем, в том числе в связи с вариантностью графико-орфографической репрезентации материала в разные хронологические периоды. Приводится спектр задач, которые можно решать с помощью «Библиотеки лексикографа», включая описание, уточнение, хронологизацию, систематизацию, восполнение материала.

Abstract

The current paper deals with applying information technology for philological material processing. The review of available electronic libraries is given, advantages and disadvantages of arranging texts within those libraries are viewed, the necessity of further optimization of work in the field of Russian lexicology and lexicography is stressed. Detailed analysis of the project «Lexicographer's Library» is presented. The Library holds 3,1 billion

word forms from more than 260 thousand texts of various types. Maximal coverage of the material, open status and unlimited possibilities of enlarging and editing the materials are the advantages of the project. Its natural disadvantage is its intentionally offline status. The problematic issues of format unification and increasing the effectiveness of search systems particularly connected with variance of graphic representation and spelling in different time periods of development of the system of writing are addressed. The range of tasks that can be performed using «Lexicographer's Library» is demonstrated including description, specification, chronological arrangement, systematization, restoring lost or missing segments.

Ключевые слова: прикладная лингвистика, компьютерная лингвистика, электронные ресурсы, корпус текстов, лексикология, лексикография, картотека, тезаурус.

Keywords: applied linguistics, computational linguistics, electronic resources, corpus, lexicology, lexicography, card store, thesaurus.

Компьютеризация филологических и конкретно – лингвистических исследований, однозначно состоявшаяся в 1990-е годы, потребовала и продолжает требовать такой формы исходного языкового материала, которая была бы не только пригодна и доступна, но и удобна для работы в любых условиях и для любого пользователя. Одним из критериев удобства использования в данном случае, как мы полагаем, окажется доступность материала, то есть возможность его использования в каких угодно условиях начиная от Интернета или компьютерной сети крупного научного центра до персонального компьютера студента-первокурсника.

Использование новых информационных технологий для обработки филологического материала привлекло внимание лингвистов самых разных направлений, и, в первую очередь, специалистов по прикладной лингвистике, в недрах которой оформилась самостоятельная дисциплина – корпусная лингвистика. В настоящее время корпусная лингвистика стала предметом описания в специальных статьях и учебных пособиях [Зубов 2004; Захаров 2005; Перцов 2006; Баранов 2007; Белозерова, Чуфистова 2007; Тетакаева 2011; Захаров, Богданова 2011; Грудева 2012; Богданова 2012], проблемы корпусной лингвистики активно обсуждаются на специальных конференциях (<http://www.dialog-21.ru/digest/>, <http://corpora.phil.spbu.ru> (и вкладки на этом сайте), см. также <http://corpora.iling.spb.ru>, <http://corpora.iling.spb.ru/theory.htm>). Значительным достижением отечественной корпусной лингвистики справедливо считается Национальный корпус русского языка [Национальный корпус ...: 2003–2005].

Литература по корпусной лингвистике и отдельным аспектам применения корпусов становится уже труднообозримой. В её рамках теоретические и практические проблемы, которые выглядят вечными проблемами традиционной филологии, а именно – лексикология и лексикография, – как-то теряются в колоссальном объёме отдельных частных типов корпусов, их устройствах, специальных подразделениях корпусов и так далее. Между тем, практическая работа над словарями русского языка, в том числе над «Большим академическим словарём современного русского языка», а также

необходимость критической оценки ранее подготовленных словарей русского языка, словарей русского языка, появляющихся на отечественном книжном рынке, заставляет задумываться над качественным изменением ресурсов для словарной работы. В равной мере сказанное относится к исследованиям по русской лексикологии, будь то описание семантики и истории отдельных слов, хронологического пласта лексики, тематической или лексико-семантической группы лексики. В этой сфере также отчётливо обозначается две задачи: во-первых, дать в распоряжение исследователям ресурсы современного уровня, призванные заменить книжные издания текстов и бумажные картотеки (см. [Рогожникова 2003]), во-вторых, разработать инструмент для верификации выполненных и выполняемых лексикологических исследований. Что касается электронных картотек – это особая и весьма проблемная область прикладной лингвистики, в которой и имеется немало проблем [Захаров 2007]. Вообще, будущее электронных картотек, как нам кажется, непонятно и туманно. Этот продукт прикладной лингвистики будет страдать теми же недостатками, что и бумажные картотеки – ограниченностью объёма источников и субъективностью их подбора, навязываемыми пользователю границами цитаты, прецедентностью толкований (если таковые есть), ограниченными возможностями верификации хронологии появления лексических единиц в языке и тому подобными.

В настоящее время, а именно – в последние 10–15 лет, текстовые ресурсы для работы над корпусами и текстовыми базами данных не являются дефицитом. Наиболее известным и широко доступным источником русских текстов являются электронные библиотеки, доступные в Интернете (Библиотека Мошкова, Альдебаран, и т. д.), те же библиотеки, выпущенные на компакт-дисках (Библиотека «Всемирная литература», та же Библиотека Мошкова с частью ресурсов), сайты, посвящённые творчеству отдельных писателей, электронные собрания сочинений отдельных писателей XIX–XX веков, тематические собрания текстов (так, были выпущены диски с образцами русской драматургии и русской поэзии XIX–XX веков). Однако все эти продукты, несмотря на их полезность и такое немаловажное достоинство, как высокое качество текстов, имеют ряд недостатков технического порядка. Отдельные тексты, извлекаемые из электронных изданий, с большим трудом поддаются объединению в единое собрание, поскольку для этого требуется их дополнительная обработка. Электронные библиотеки, как в ресурсах Интернета, так и на компакт-дисках, сильно разнятся по своему составу, причём объём библиотеки не определяет её качества как электронного ресурса. В таких собраниях переводная художественная литература заметно доминирует количественно над отечественной литературой, а в последней – современные боевики и детективы преобладают над классикой. Единая для диска поисковая система (такая, какая имеется, к примеру, в Библиотеке «Всемирная литература») при применении её к лексическому материалу собрания текстов хотя и действует, но оказывается бесполезной, она не предоставляет возможности ни отобразить нужный фразовый или текстовый материал, ни извлечь его.

Необходимость дальнейшей оптимизации работы в области русской лексикологии и лексикографии, причём как синхронной, ориентированной на тексты и словарный состав современного русского литературного языка, так и исторической (в пределах конца XVII–XX веков) побудила автора настоящей работы приступить к реализации проекта электронной библиотеки русских текстов, которая была бы предназначена специально для филологических исследований и была бы адресована пользователям-филологам.

Данный проект, получивший название «Библиотека лексикографа», реализуется автором в Словарном отделе ИЛИ РАН с начала 2008 года [Бурыйкин 2008, 2010, 2013] по настоящее время и будет продолжаться. Источником для собирания материала являются все доступные в Интернете электронные библиотеки и тематические сайты (в настоящее время обследовано около 1300 ресурсов), а также собрания текстов на компакт-дисках, сыгравшие определённую роль на начальном этапе работы над проектом.

Материал для «Библиотеки лексикографа» (далее – Библиотека) отбирается примерно по тем же принципам, по которым комплектовалась и продолжает комплектоваться Библиотека Словарного отдела ИЛИ РАН, которая в течение многих лет является хранилищем источников для Большой словарной картотеки ИЛИ РАН. Хронология материала в описываемом проекте охватывает период от начала XVIII века до начала XXI века. Автором проекта ведётся собирание древнерусских текстов XI–XVII вв. в электронном виде, но этот материал имеет ограниченное применение по причине разнообразных различий в техническом оформлении оригинального древнерусского текста и передаче графики текста. В соответствии с этим в собрание текстов «Библиотека лексикографа» включаются следующие виды электронных документов:

- художественная литература;
- литературно-художественная критика, публицистика;
- общественно-политическая литература;
- мемуары политических деятелей, деятелей науки, культуры, искусства, военные мемуары;
- материалы из периодики;
- официальные документы, законодательные акты и тому подобное;
- научно-популярная литература и учебные пособия по всем областям знаний.

Какими же достоинствами обладает проект «Библиотека лексикографа» по сравнению с Национальным корпусом русского языка и иными ресурсами русских текстов и лексического материала русского языка?

Прежде всего, это объём ресурса – в «Библиотеке лексикографа» насчитывается 3,1 млрд. словоформ из более чем 260 тыс. текстов (от отдельного стихотворения и газетной заметки до объёмных романов).

Далее, это независимость от подключения к Интернету – отнюдь не везде и далеко не все исследователи имеют возможность часами эксплуатировать Интернет в поисках чьих-либо мемуаров и в течение продолжительного времени работать с Национальным корпусом русского языка. Далее, при составлении «Библиотеки лексикографа» автор проекта ориентируется

на максимальную полноту охвата материала по указанным разделам, и эта задача при изучении десятков и сотен электронных библиотек имеет относительно успешное решение. В сфере художественной литературы тексты писателей русского зарубежья, ставшие доступными как в печатном, так и в электронном виде за последние 30–35 лет – таких, как Б. Зайцев, И. Шмелев, М. Осоргин, Г. Газданов, Н. Берберова, и так далее, а также произведения опальных отечественных писателей (Е. Замятин, Б. Пильняк, А. Веселый и др). Тексты сочинений политических и военных деятелей (Л. Троцкий, П. Врангель, А. Деникин, П. Краснов и т. д.) восполняют лакуны в отечественных лексикографических ресурсах, поскольку сочинения этих авторов ранее никогда не привлекались для пополнения словарных картотек. В рамках нашего проекта имеется возможность разместить в нём в максимально полном виде тексты таких авторов, как М. Булгаков, М. Зощенко, М. Цветаева, А. Ахматова, О. Мандельштам, Б. Пастернак, Б. Окуджава и многих других, чьи тексты в лексикографической работе почти не использовались, или, по крайней мере, их воспроизведение в словарях не приветствовалось. Автором проекта ставится задача не только подготовить качественно новый продукт, предназначенный для лексикографических работ и лексикологических исследований, но и за счёт доступных ресурсов – в идеале или в отдалённой перспективе – воссоздать в электронном виде корпус источников имеющихся словарей и, соответственно, – весь материал Большой словарной картотеки ИЛИ РАН, в том числе и ту его часть, которая не была помечена при разметке источников для пополнения картотеки.

Достоинствами данного проекта являются его открытость и возможность для индивидуального пополнения всеми пользователями, а также возможность редактирования проекта посредством перегруппировки текстов и создания собственных собраний текстов для решения тех или иных задач. «Библиотека лексикографа» по замыслу и по условиям применения – открытый ресурс, в котором пользователь может добавлять в него новые тексты или удалять или временно выводить из оборота ненужные ему тексты (напр., более ранние или более поздние, тексты определённых жанров или тематики), а также заменять одни электронные версии текстов новыми, более качественными и более авторитетными. Закрытые корпуса текстов не позволяют этого делать, а отсеивание неиспользуемых материалов картотеки может производиться только вручную при работе с каждой отдельно взятой словарной единицей. Обновление картотеки при наличии выборки из текстов одного и того же автора даже в небольшом объёме (3–4 тыс. примеров), например, при появлении более совершенного «академического» издания сочинений какого-либо автора, по существу невозможно.

Нетривиальным преимуществом данного проекта является то, что его пользователи не связаны с разрешительным доступом к картотеке и не ограничены в своей работе с проектом какими-то часами работы структурных подразделений ИЛИ РАН – они могут работать с ним индивидуально вне стен Института.

Объективным недостатком проекта для тех, кто знаком с ним, является его принципиально оффлайн-характер и невозможность пользоваться

им при посредстве Интернета. Для подобной позиции у создателей проекта есть свои основания: прежде всего – это довольно жёсткая конкуренция на рынке словарных изданий по русскому языку, это определённые амбиции отдельных лексикографических коллективов в продолжении работы над объёмными словарями русского языка, также придающие работе конкурентный характер, наконец, это некоторая внутренняя конкуренция «картотека против корпуса» в стенах самого Института лингвистических исследований, которая была связана со сменой поколений в Словарном отделе ИЛИ РАН и созданием в Институте иных подразделений со сходными задачами – Лаборатории автоматизации лингвистических исследований (1986–1997), Лаборатории Информационных лингвистических технологий и так далее. Технический недостаток «Библиотеки лексикографа» – отсутствие какой-либо разметки, хотя при предназначенности корпуса исключительно для лексикологии и лексикографии разметка общего характера не является необходимой, а специальная (снятие омонимии, семантическая разметка) – весьма затруднительной для выполнения.

Во второй половине 2000-х годов специалистами по лексикографическим ресурсам в ИЛИ РАН неоднократно поднимался вопрос о качестве электронных текстов и степени их достоверности для разработок в области лексикологии и в особенности для академической лексикографии, предусматривающей в рамках издательского цикла сверку цитат с материалами картотеки. С этой целью было принято решение размещать в Библиотеке произведения, представляющие русскую художественную литературу, в нескольких вариантах – отдельные произведения (при этом такие романы, как «Война и мир» Л. Толстого, или «Тихий Дон» М. Шолохова размещаются и в виде одного файла с полным текстом, и в виде нескольких файлов по отдельным частям) и собрания сочинений по томам: идентичность фрагментов текста в потенциальных цитатах является свидетельством достоверности цитаты и точности передачи текста. Впрочем, текстологические ошибки, опечатки и лексические aberrации, искажающие текст, но не отслеживаемые ни автоматическими корректорами, ни чтением текста, могут присутствовать в любой словарной картотеке. Практика работы со словарными картотеками показывает, что там не всегда учитываются более авторитетные повторные издания текстов, не принимаются во внимание разночтения канонических текстов с первыми изданиями, не ведётся мониторинг текстологических уточнений по позднейшим изданиям текстов или исследованиям соответствующей рубрики «Заметки. Уточнения» в журнале «Русская литература».

Художественная переоценка ценностей и устранение идеологических рамок в области русской литературы XX века приводит к тому, что произведения некоторых авторов, составлявшие основу для первого издания 17-томного словаря современного русского языка – например, романы С. Бабаевского «Кавалер Золотой звезды». М. Бубеннова «Белая берёза» и тому подобные – разыскиваются в электронной форме с большим трудом, но, поскольку они присутствуют на сайтах «патриотической» ориентации и появляются в библиотеках с расширением их объёма, то они все же занимают своё место в

«Библиотеке лексикографа». В ней уже присутствуют – рядом с книгами современных политиков, представляющих самые разнообразные течения и партии, – и «Краткий курс истории ВКП (б)», и работы В. И. Ленина в том количестве, в каком их удаётся отыскать (доступно 5-е издание собрания сочинений в 55 томах), и сочинения И. В. Сталина (всё 16-томное собрание сочинений), сочинения Н. С. Хрущева, изданные до 1964 года, и отдельные сочинения Л. И. Брежнева.

Кстати, выбор текстов из электронных библиотек для пополнения ресурсов «Библиотеки лексикографа» требует основательного знания «советской» литературы 1930–1980 годов, поскольку приоритетными для проекта по ряду соображений являются тексты таких авторов, как Л. Леонов, К. Паустовский, В. Каверин, В. Катаев, Д. Гранин, В. Шефнер, В. Белов, В. Астафьев, В. Липатов, А. Лиханов, Е. Носов и другие – те, чьё творчество представляет русский язык середины и второй половины XX века. Материал современной литературы (Н. Леонов, М. Веллер, А. Маринина, Д. Донцова, Л. Улицкая, Е. Вильмонт, М. Серова и т. п.) пока включается в Библиотеку выборочно, отдельными образцами. Довольно досадно, что произведения некоторых авторов по существу недоступны в электронных версиях – так, из произведений Вс. Кочетова в Интернет-библиотеках представлен только роман «Чего же ты хочешь?», в то время как другие романы этого автора, сохраняющие свою ценность (напр., «Угол падения»), в электронном виде отсутствуют. Из сочинений В. Ажаева во множестве библиотек имеется роман «Вагон» в то время как более ранние и отнюдь не менее известные произведения этого автора (к примеру, роман «Далеко от Москвы») доступны с большим трудом. Не без труда отыскиваются ранние произведения В. Аксенова («Коллеги»), Д. Гранина («Искатели», «Иду на грозу»). Поиск сочинений отдельных авторов занимает длительное время, в основном сопряжённое с ожиданием электронных версий в тех или иных доступных собраниях.

Обработка электронных материалов, извлекаемых из библиотек Интернета, предполагала и предполагает приведение их к единому формату, который облегчал бы и работу поисковых программ, и извлечение фрагментов текстов для работы. В качестве единого рабочего формата для помещаемых в Библиотеке текстов избран формат ТХТ. Для такого выбора было довольно много причин: компактность файлов с текстами, наличие большого числа файлов в этом формате во многих библиотеках, удобство конвертации в данный формат текстов, копирующихся с сайтов, где они выставлены в незаархивированной форме, возможность прямой конвертации файлов, извлекаемых из электронных библиотек, содержащих книги для чтения на карманных компьютерах в формате FB2 и ему подобных. Для пользования Библиотекой нами применяется текстовый редактор Bred (версии 2 или 3), позволяющий работать с txt-файлами любого объёма и решать основную массу проблем с кодировками текста. При технической обработке текстов, в частности, при их конвертации из форматов DOC и RTF в дополнение к текстовому редактору Word используются текстовые редакторы Atlantis, Hieroglyph, Polyedit, Ultraedit и так далее, которые

иногда лучше работают с файлами большого объёма и опции которых могут быть использованы при очистке электронной формы текста от лишних элементов (служебные пометы, реклама, ошибки сканирования и распознавания и т. п.). Единственным ограничением на использование тех или иных ‘электронных копий источников является качество файлов формата PDF или Djvu, не всегда позволяющее получить качественный файл в редактируемом формате (к досаде, не удаётся пока разместить в Библиотеке тома из собрания сочинений Г. Е. Зиновьева, издававшееся в 1920-е годы).

Важной составляющей «Библиотеки лексикографа» являются поисковые программы. Несомненно, самой удобной поисковой программой для «Библиотеки лексикографа» оказывается программа Archivarius3000 в любой доступной версии. Эта программа позволяет просматривать все словоупотребления запрашиваемого слова во всех текстах, помещённых в Библиотеке, причём без ограничения количества просматриваемых цитат, она открывает доступ к каждому конкретному тексту с возможностью скопировать из текста цитату любого объёма, и она также позволяет формировать и копировать пакеты текстов, в которых встречается искомая лексическая единица. Важным достоинством этой программы является возможность её целенаправленного настраивания на данный ресурс так, чтобы при поиске материала ей не захватываются все иные материалы, присутствующие в компьютере. Повторное индексирование ресурса осуществляется по мере пополнения «Библиотеки лексикографа» новыми материалами и не отнимает много времени, хотя требует наличия свободного места на системном диске или иных жёстких дисках компьютера.

Из технических требований к компьютерам для работы с электронными ресурсами, в частности, с отобранными текстами и с самой «Библиотекой лексикографа», наиболее значимыми являются не столько объём жёсткого диска, на котором размещается ресурс, сколько быстродействие процессора и объём оперативной памяти, а также скорость работы самого жёсткого диска.

В дальнейшем предполагается, кроме обобщающего корпуса текстов, выделить в нём отдельные модули – тексты XVIII, XIX и XX веков с внутренним делением по жанрам (поэзия, литературная проза, нехудожественная проза, документы, общественно-политическая литература, научно-популярная литература, историческая литература (труды историков и исторические романы), юмор и сатира. Целесообразно выделить в отдельный модуль произведения современной художественной литературы (без оценки жанров и достоинств отдельных авторов) специально для отслеживания использования новых слов в русском языке. Ещё раз отметим, что важным достоинством «Библиотеки лексикографа» является и то, что она легко может быть откорректирована, настроена и пополнена в соответствии с индивидуальными или коллективными запросами любых пользователей – тех, кто занимается исследованиями лексики русского языка, специалистов по исторической лексикологии, тех, кто изучает лексикостилистику и язык писателей, наконец, данное собрание может быть «настроено» для составления толкового словаря русского языка любого типа, объёма и хронологического диапазона.

Проект «Библиотека лексикографа» задумывался и поначалу действовал как электронная альтернатива Библиотеке словарного отдела ИЛИ РАН, которая служила и служит источником бумажной Большой словарной картотеки. В настоящее время, при насыщении Библиотеки соответствующим объёмом текстов и наличии программного обеспечения – в ней используется поисковая программа Архивариус3000, – функции электронного собрания расширились и могут быть охарактеризованы следующим образом.

1. Собственно **электронная библиотека**, позволяющая обращаться к любому входящему в неё тексту с любыми целями.

2. **Виртуальный тезаурус лексики русского языка**, позволяющий осуществлять выбор текстов, содержащих ту или иную лексическую единицу, и все примеры её употребления. Эта возможность, реализующаяся при необходимости сохранения документации на отдельные конкретные слова, может быть осуществлена при использовании любой поисковой системы, начиная с опции поиска в операционной системе Windows, или поисковых программ наподобие программы Integra, позволяющей просматривать цитаты из текстов.

3. **Виртуальная электронная картотека**, включающая все лексические единицы всех текстов, присутствующих в Библиотеке. В настоящее время общий массив лексики, к которой обеспечивается доступ в виртуальной картотеке, составляет около 3,1 млрд. словоформ, из которых более 7 млн. единиц составляют разные слова (статистические данные содержатся в отчётах программы Архивариус3000 при индексировании текстов Библиотеки). Поисковая программа Архивариус3000 позволяет не только просматривать все употребления любого заданного слова в текстах, но и указывает количество употреблений данного слова в каждом тексте и даёт возможность увидеть их; она же открывает возможность самостоятельного выбора необходимого фрагмента текста, документирующего то или иное слово, и копирования такого фрагмента для размещения в тексте составляемого словаря или исследования.

Наращение объёма текстов, размещаемых в «Библиотеке лексикографа», а также пользование ей при работе над словарями, охватывающими разные периоды истории русского литературного языка, ставит перед создателем проекта и его пользователями новые задачи (см. [Герд, Захаров, 2004; Герд, 2013]), к числу которых относятся хронологическая классификация текстов и распределение текстов по определённым тематическим рубрикам и жанровым и стилистическим формам.

Средством решения этих задач, предусмотренным в рамках модернизации «Библиотеки лексикографа» и оптимизации её использования, является присвоение определённых условных индексов всем документам-файлам Библиотеки, которые включаются в состав имён файлов. Имя файла содержит фамилию и инициалы (или первый инициал) автора и название произведения или собрания произведений (стихи, повести и рассказы, романы и т. п.). К этой информации добавляются сведения о хронологической отнесённости документа, его жанровой форме и предметно-тематической отнесённости. Для этого автором проекта предложено использование букв латинского алфавита, которые отсутствуют в именах файлов или могут быть устранены оттуда при их наличии.

Относительная датировка документа предполагает его привязку к периоду в границах одной трети XVIII, XIX, XX и XXI веков. В качестве кодовых символов для этих периодов использованы четыре последние буквы латинского алфавита в следующих комбинациях:

WW – первая треть 18 века,
 WWW – вторая треть 18 века,
 WWX – последняя треть 18 века,
 XXW – первая треть 19 века,
 XXX – вторая треть 19 века,
 XXY – последняя треть 19 века,
 XYY – первая треть 20 века,
 YYY – вторая треть 20 века,
 YYZ – третья треть 20 века,
 YZZ – первая треть 21 века,
 ZZZ – вторая треть 21 века.

Количественная осложнённая сложность символов позволяет осуществлять автоматически выборку текстов, относящихся к нескольким смежным периодам истории русского языка, и задавать самую различную структуру запросов. Так, поиск по символу W даст тексты, относящиеся к 18 и первой трети 19 века, поиск по символу X – тексты, относящиеся к последней трети 18 века, всему 19 веку и первой трети 20 века, поиск по символам XX позволит сгруппировать тексты, относящиеся к 19 веку, а поиск по символам XY – выделить тексты конца 19 – начала 20 веков. В этой систематике учтена реальная периодизация истории русского литературного языка нового времени, отражающаяся на изменениях в его словарном составе. Эти индексы позволяют автоматически выбирать из объёма Библиотеки тексты, укладываемые по времени создания в периоды, равные трети века, в хронологическом интервале Библиотеки – XVIII – начало XXI вв. в объёмах, равных 30, 60, 100 и 130 годам (треть или две трети любого века, век целиком или век с третьей предшествующего или последующего века, смежные 60-летние периоды двух веков), а также тексты любой жанровой формы и любой тематики. Хронологические и, по необходимости, жанровые или тематические выборки существенно уменьшают объём просматриваемого материала при работе с высокочастотными лексическими единицами, в то же время присутствует возможность обращаться к смежной по времени или иной по жанру выборке текстов.

Жанрово-стилистическая характеристика текстов представлена в Библиотеке в следующей классификации (перед наименованием рубрики здесь и даже приведён литерный индекс):

- a) художественная литература;
- b) публицистика, критика;
- c) мемуары, дневники, переписка;
- d) общественно-политическая литература, научная, научно-популярная литература;
- e) документы, официальные материалы (партийные программы, государственные законы, указы, стенограммы, документация, итоговые документы мероприятий, служебная документация (приказы, циркуляры и т. п.);

f) газетно-журнальная периодика;
 g) переводная литература и иные переводные источники (резервная позиция).

Предметно-тематическая отнесённость источников в предварительной форме (она открыта для обсуждения) имеет следующий вид:

h) гуманитарные науки (философия, религия и религиоведение, правоведение, политология и социология, демография, экономика, культурная антропология и культурология и искусствоведение, литературоведение и языковедение и книговедение, психология и педагогика);

i) история (исторические труды, исторические романы, биографические произведения);

j) науки о земле и человеке (география, геология, биология, антропология, медицина и ветеринария, секс и сексология);

k) путешествия, география, страноведение, этнография, страны мира, народы мира;

l) бытовые практики (быт и повседневные домашние практики, жилище и его устройство, гигиена, пища и её приготовление, одежда и её изготовление и ремонт, ремесло – производство и ремонт предметов, торговля, досуг, хобби, игры и развлечения, спорт, домашние животные и культурные растения – сад, огород, комнатные цветы);

m) точные и естественные науки (математика, физика, химия, астрономия, навигация и т. д.);

n) производство, техника, строительство (промышленное производство и его организация, промышленная техника и её история, промышленное строительство и т. д.);

o) связь, коммуникационные технологии, технологии хранения и обработки информации (почта, телеграф, телефон, компьютеры и т. д.);

p) транспорт (сухопутный транспорт, гужевой, автомобильный, транспорт, водный, морской и воздушный транспорт);

r) военное дело, военное искусство (теория, история, практика военного дела, военные мемуары и биографии, художественная военная литература);

s) морское дело (теория, история, практика морского дела, описания походов, мемуары и биографии, морской и водный транспорт, морская художественная литература);

t) воздухоплавание и авиация, космонавтика (теория и история воздухоплавания и авиации, военная авиация, воздушный транспорт, мемуары и биографии, художественная литература об авиации и космонавтике);

u) переводная научно-техническая литература (резерв).

Отличие предлагаемой классификации от систематики книг в электронных библиотеках и от принятой в библиотечковедении универсальной классификации состоит в том, что она является нежёсткой и не только допускает, но и предполагает включение одного и того же текста в несколько разных тематических групп.

Автоматический поиск текстов по индексам, вставленным в имена файлов, что может осуществляться при использовании опции поиска в Windows без использования других программ, позволит осуществлять вы-

бор источников как по хронологическим, так и по жанровым и тематическим характеристикам и по свойствам текстов в любой комбинации. Внутри тематических рубрик при использовании цифр от 1 до 0 может быть использована более детальная тематическая классификация документов.

Количественная оценка объёма источников, представляющих те или иные предметно-тематические рубрики и области знаний и практики, позволит поставить задачи пополнения «Библиотеки лексикографа» за счёт дополнительных поисков электронных текстов соответствующей тематики и сканирование тех текстов, которые представляются необходимыми для использования в лексикологических исследованиях и лексикографической работе.

В настоящее время «Библиотека лексикографа» существует в двух вариантах – в виде единого собрания файлов, сгруппированных по алфавиту имён файлов (имён авторов или названий документов), и в виде собрания датированных текстов, сгруппированных по годам начиная с 1700 года по 2015 год. Оба варианта – как, впрочем, и неограниченное количество вариантов Библиотеки, созданных пользователем по своему желанию – размещаются под одной программной оболочкой внутри одной копии программы Архиваниус3000 с разными индексами. Последний вариант, позволяющий с большой точностью определять время вхождения тех или иных слов в русский язык, а также устанавливать авторство некоторых неологизмов, востребован в практике составления словарей Новых слов, он позволяет группировать по периодам лексику русского языка XVIII и XIX веков при работе над соответствующими словарями, составление которых осуществляется в Словарном отделе ИЛИ РАН.

Возможности проекта «Библиотека лексикографа» позволяют решать следующие задачи:

1) обобщение и систематизация лексики русского языка, характерной для русского языка нового времени или какого-то периода его истории (напр., XVIII, XIX, XX века и т. п.), описание специфических лексических единиц и особенностей семантики известных лексических единиц, характерные для того или иного периода;

2) изучение динамики в семантике или сочетаемости слов;

3) восполнение лакун ранее изданных словарей русского языка, охватывающих по хронологии данный период: прежде всего – фиксация и описание лексических единиц, отсутствующих в изданиях БАС и других словарях современного русского языка;

4) пополнение объёма иллюстративного материала: уточнение описаний значений и стилистических характеристик слов;

5) уточнение хронологии вхождения отдельных слов в обиходный русский язык;

6) изучение аксиологических характеристик лексических единиц и обозначаемых ими понятий.

По существу рассмотрение аксиологических, ценностных свойств лексических единиц и тех понятий, которые они выражают, на основе словарей русского языка выглядит бесперспективным – в плане аксиологии тут за того современного исследователя, который задумался над ценностными состав-

ляющими тех или иных концептов и констант русской культуры, постарался лексикограф, составлявший ту или иную словарную статью 20, 30 или 60 лет назад, а также выборщик цитат для картотеки. Ресурс «Библиотека лексикографа» даёт возможность исследователю реализовать первооткрывательский доступ к большинству иллюстративных цитат, документирующих ту или иную лексическую единицу или репрезентирующих тот или иной концепт.

Изучение «редких и забытых слов», вылившееся в конце прошлого столетия в составление целого ряда словарей (см. [Сомов, 1996; Рогожникова, 1996; Рогожникова, Карская, 1997; Елистратов, 1997; Глинкина, 1998] и др.) ставил перед специалистами по исторической лексикологии две задачи – во-первых, продолжение исследований в этой сфере на новой и стандартной единой базе, во-вторых, уточнение данных, полученных ранее «вручную» на бумажных картотеках и при чтении текстов ранее. Здесь следует ожидать как увеличения объёма иллюстративного материала, так и уточнения хронологических данных по времени вхождения отдельных слов в русский литературный язык.

Ресурс «Библиотека лексикографа» открывает возможности поиска и описания не только отдельных лексических единиц, но и словосочетаний, в первую очередь устойчивых словосочетаний (коллокаций), а также фразеологических единиц, пословиц и поговорок, крылатых слов. Он позволяет не только с большой точностью и достоверностью учитывать и представлять варианты фразеологизмов и идиом иных типов, но и описывать своеобразную фразеологическую грамматику – ограничения на грамматическое изменение тех или иных идиом, хотя пока в рамках корпусной лингвистики грамматика представлялась как объект статистических наблюдений [Копотев, 2008]. В корпусных исследованиях уже обращалось внимание на возможности изучения статистических характеристик материала [Соловьев, 2011] и на исследования идиоматики [Плисецкая, 2013]. Значительный объём иллюстраций на фразеологизмы позволяет решать такие задачи, как создание Частотного словаря русской фразеологии с использованием словников доступных фразеологических словарей, а также и всесторонних, в том числе и относительно-статистических характеристик таких единиц, как пословицы и поговорки в письменных текстах, и крылатые слова – тут перспективы обещает сравнение данных по «Библиотеке лексикографа» с имеющимися наблюдениями филологов (см. [Русская судьба..., 2010]). Изучение фразеологии и с использованием нашего проекта существенно меняет и представления о времени вхождения тех или иных фразеологических единиц в русский язык.

При просмотре корпуса примеров на отдельные лексические единицы по материалам «Библиотеки лексикографа» наглядно и с большой полнотой вскрываются цитаты из каких-либо текстов в других сочинениях, аллюзии и реминисценции. Такая задача является второстепенной для лингвистов, однако возможные наблюдения в этой области будут иметь существенное значение для изучения топики в перспективе истории русского литературного языка XVIII – начала XXI веков.

Изучение ономастики с его помощью даёт в распоряжение пользователей ономастический тезаурус, поскольку аналогичные источники картотечного типа отсутствуют вообще. Применение «Библиотеки лексикографа» для работы с именами собственными позволяет успешно решать следующие задачи, являющиеся весьма сложными в плане выбора материала:

- 1) поиск редких антропонимов и изучение их истории;
- 2) поиск вариантов гипокористических форм личных имён;
- 3) поиск форм отчеств в формах мужского и женского рода и в нетривиальных формах типа кузьмичи;
- 4) поиск фразеологизмов с антропонимами, этнонимами, топонимами;
- 5) поиск этнонимов в текстах разных жанров;
- 6) изучение различных форм этнонимов, в том числе устаревших, просторечных, региональных;
- 7) изучение различных дериватов от этнонимов (формы женского рода, названия детей);
- 8) поиск топонимов в текстах разных жанров;
- 9) классификация микротекстов с топонимами.

В отличие от словарей и подавляющего большинства картотек, ресурс «Библиотека лексикографа», дающий в распоряжение исследователя практически полную выборку примеров, позволяет изучать аксиологические характеристики лексических единиц и в том числе имён собственных – топонимов, этнонимов, антропонимов. С его помощью можно изучать интертекстуальные связи, выстраиваемые на основе имён собственных, выявлять скрытые цитаты, реминисценции, единицы топики на основе имён собственных разных разрядов.

Работа над любым массивом текстового материала неизбежно сопрягается с вопросами графической репрезентации текста. Понятно, что решение этих вопросов во многом зависит от задач, на решение которых направлен корпус или массив текстов: так, ориентация корпуса на отражение современного состояния языка жёстко требует выдерживания и единообразия графико-орфографических норм современного русского языка. Положение дел ещё сложнее, если корпус, как «Библиотека лексикографа», разрабатываемая в Словарном отделе ИЛИ РАН должна охватывать тексты XVIII – начала XXI веков, при этом для разработчиков оказывается желательным, чтобы в ней учитывалась аутентичная орфография текстов, позволяющая наблюдать процессы изменения в русской орфографии за последние три столетия не по словарям и нормативным сводам правил, а по текстам. Добавим к этому, что для ряда периодов истории русского литературного языка, охватывающих целые десятилетия, нормативные орфографические словари вообще отсутствуют, и как изучать характер норм орфографии, например, в интервале 1918–1955 годов – не вполне понятно. Отдельный вопрос – как получить электронные версии текстов, свободные от приведения орфографии к современным стандартам и пристрастиям внутри этих стандартов, но он здесь выходит за рамки обсуждения.

Проблема «буквы Ё» становится камнем преткновения как для лингвистических исследований с помощью электронных версий текстов, так и для разработок шрифтов и программ для работы с текстами. Венцом всего здесь является «обезьяченный и объёшенный» словарь В. И. Даля в современной версии. Не только в нём, но и, например, в электронных версиях словаря Д. Н. Ушакова и С. И. Ожегова не только расставлена буква «ё», отсутствующая в исходных печатных версиях этих словарей, но и введён новый порядок расположения слов – слова с «Ё» стоят после слов с «Е», а не вперемежку с ними, как традиционно принято в русской лексикографии. Активное внедрение графического знака «Ё» (буквой в строгом смысле слова он не является из-за особенностей функционирования и самого характера действующих норм, провозглашающих факультативность) приводит к следующему: в громадном количестве «объёшенных» текстов знак «Ё» выбивается из кодировки и отражается в виде непонятных символов, которые не идентифицируются при поиске и препятствуют выявлению слов с расставленным «Ё» в тексте. Поисковые инструменты большинства программ «разводят» даже читаемые знаки «Е» и «Ё», в результате чего, например, слово тетя приходится искать в двух вариантах – тетя и тѣтя, при этом ретроспективная расстановка буквы «Ё» в текстах XIX – первой трети XX вв. затемняет аутентичный графический облик этих текстов. По счастью, некоторые поисковые программы не делают разницы между «Е» и «Ё» и выдают по-разному оформленные слова в едином перечне ответов на запрос, но это имеет место лишь тогда, когда знак «Ё» идентифицируется данной программой – а это отмечается не всегда.

Для решения данных проблем при пополнении корпуса и его редактировании нам приходится внимательно просматривать новый текст и заменять нечитаемые символы, проявляющиеся вместо «Ё», или самое «Ё» знаком «Е». Это выполнимо, однако составляет трудности на большом объёме текстов.

Слитные, дефисные и отдельные написания, в особенности первые две названные группы, довольно непротиворечиво выявляются в корпусе при поиске слов и словосочетаний, причём полученные наблюдения оказываются информативными: так, нам удалось выявить более десятка написаний слова подшофе в отдельном, дефисном и слитном оформлении, которые вполне корреспондируют нормам отдельных периодов истории русской орфографии и наглядно иллюстрируют их вариантность.

Другая проблема, приобретающая особую важность в последнее время, – это представление русских текстов в аутентичной графике и орфографии или в графике и орфографии, действовавшей до 1917 года включительно, компенсирующее «обезьяченные» версии XX века или воспроизводящее тексты, не переиздававшиеся после 1918 года. Стремительно растёт число таких текстов в Библиотеке Мошкова, являющейся ценным источником для текстового материала. Такие тексты очень ценны для исследования русской лексики. Однако их появление сопряжено с целым клубком сложностей.

Знаки дореволюционной гражданской кириллицы – «ять», «фита», «ижица», даже если и отражаются аутентично в скопированных и интегрированных в корпус текстах, но не распознаются поисковыми программами, имеющими собственные заданные заранее шрифтовые настройки. Буква «і» распознаётся программами, но возникают проблемы с идентификацией слов и форм со стороны морфологии: ни один известный морфологический анализатор не работает с русской морфологией в старой орфографии (это касается и форм с конечным «ь»). Каждый очередной текст в старой русской орфографии побуждает к размышлениям: заменить отменённые в 1918 году буквы и привести текст к современной орфографии или дождаться появления более совершенной программы, которая будет нивелировать различия между дореформенным и послереформенным написаниями слов. Впрочем, тут встречаются подлинные филологические «шедевры» – например, тексты произведений В. И. Даля, где сохраняются «ять», «ь», «і», и тому подобное, но при этом оказывается расставленным «Ё», отсутствующее в оригинальных текстах¹.

Изучение орфографических вариантов слов, относящихся к периодам 1920–1950 годов по корпусу текстов и по «Библиотеке лексикографа», безусловно, сопряжено с рядом сложностей. Во-первых, далеко не все тексты этого периода существуют в электронном виде в авторской орфографии: априори чаще всего в них представлена орфография последнего издания, хотя есть возможность вводить в корпус отдельные тексты, преобразованные из форматов PDF и Djvu. Во-вторых, для того, чтобы обнаруживать те или иные написания в корпусе, надо иметь их список, который пока в обороте отсутствует. Тем не менее корпус и здесь может составить альтернативу классической словарной картотеке, поскольку мы не располагаем данными, в каком объёме в указанный период пополнялась Большая словарная картотека и сохранялись ли в картотеке авторские написания слов – мы знаем точно, что при составлении словарей написания слов, данные в текстовых источниках и с некоторой вероятностью имеющиеся в картотеке, приводились к нормам действующей на момент издания словаря орфографии.

¹ Только в наши дни понятно, что разработка русских шрифтов вполне могла бы базироваться не на современном русском алфавите, а на дореволюционном алфавите, в который, как известно, реформа 1918 года не добавила ничего, кроме апострофа вместо «Ъ» внутри слова. То есть во всех компьютерах мог бы использоваться комплект знаков, соответствующий современной русской графике, но те же шрифты позволяли бы и читать, и редактировать тексты в дореволюционной орфографии и большинство древнерусских текстов в упрощённой графике, а равно и преобразовывать тексты из одной формы русской орфографии в другую без потери шрифтовой идентичности. В настоящее время составление корпуса древнерусских текстов составляет почти бесперспективную задачу именно в силу того, что представляется нереальным оперативно привести имеющиеся в достаточном количестве тексты XI–XVII веков к единому графическому облику.

Так или иначе исследование графико-орфографических вариантов слов при помощи корпуса текстов или «Библиотеки лексикографа» намного – на несколько порядков – увеличивает объём доступного материала, хотя и оставляет желать много лучшего в отношении исходных данных. Впрочем, исторические словари русской орфографии как жанр в отечественной лексикографической традиции пока отсутствуют.

Параллельное, одновременное использование ресурсов «Библиотеки лексикографа» и классической по форме картотеки – Большой словарной картотеки – вызвало к жизни ряд вопросов, относящихся к сравнению стандартной бумажной картотеки и электронной картотеки в лексикологических исследованиях и лексикографической практике. В первую очередь эти вопросы касаются структуры самих информационных ресурсов, о чём отчасти сказано выше, отчасти в наших предшествующих публикациях. Следующая группа вопросов – это наличие и характер «внешней» информации в ресурсах, относящейся к конкретным источникам либо самим текстам, либо минимальным структурным единицам ресурсов. Если вопросы, связанные со справочным аппаратом и информационным обеспечением вновь создаваемых картотек могут решаться параллельно с работой над самими ресурсами, то положение с информационным обеспечением оказывается особенно сложным и сопряжённым либо с чрезвычайно трудными, либо с попросту нерешаемыми задачами.

Основная единица хранения информации в картотеке – карточка с текстовым или словарным примером. Основная единица хранения в «Библиотеке лексикографа» и любом корпусе текстов – это текст, конкретно текстовый файл. По объёму единиц, представляющих объект внимания составителя и пользователя, корпус текстов оказывается на два порядка компактнее картотеки, и, в то же время, по крайней мере, на три порядка превосходит картотеку по числу присутствующем в нём словоформ (в Большой Словарной картотеке 7 млн. карточек со словами (точнее, словоформами), в «Библиотеке лексикографа» – 3,1 млрд. словоформ, на каждую из которых в идеале при традиционной форме хранения и репрезентации лексикографических ресурсов должна была быть заведена отдельная бумажная карточка. Единицей пополнения корпуса является текст или документ как собрание текстов (напр., номер газеты или журнала), при этом каждый новый текст в корпусе обеспечивает доступ ко всем без исключения словам данного текста. В то же время даже для новых электронных картотек провозглашается принцип выборочности материала, не говоря о том, что в классических картотеках с многолетней историей, последствия работы нескольких поколений выборщиков в аспекте умышленных отбраковок (касающихся источников целиком или отдельных цитат из источников, неконформных в политическом или лингвокультурном отношении) или непредумышленных пропусков ценного материала по существу неустраняемы.

Любая картотека строится по умолчанию на принципе «один источник – один документ на данный фрагмент текста», то есть – одна карточка. В составе «Библиотеки лексикографа» присутствуют тексты одних и тех же авторов в разном составе: отдельные романы, повести, рассказы, под-

борки стихотворений с датами создания и отдельные тома полных собраний сочинений или отдельные тома многотомных собраний сочинений (возможно размещение разных по составу собраний сочинений одного и того же автора, напр., Л. Н. Толстого, В. Г. Короленко и т. д.). Такой подход к источникам примеров обеспечивает надёжность отражения текстов в корпусе и предоставляет возможность давать ссылки либо на отдельное произведение (с указанием даты его создания), либо на том собрания сочинений того или иного автора. При таком подходе к материалу корпус по умолчанию включает, по крайней мере, часть доступных вариантов текстов произведений и позволяет следить за вариантами интересующих исследователя фрагментов текста.

Границы цитаты на бумажной или в электронной карточке жёстко раз и навсегда определены выборщиком: случаи правки текстов цитат в карточках нам неизвестны. Границы извлекаемой цитаты при использовании корпуса или «Библиотеки лексикографа» определяет сам пользователь, копирующий необходимый объём текста, например, при применении программы Архивариус3000.

Ручная выборка иллюстративных материалов неизбежно тенденциозна и пристрастна: это касается как отбора самих источников, так и выбора цитат из них – невозможно выбрать вручную все употребления того или иного слова из одного конкретного текста, и это признается нецелесообразным. Отобранные вручную цитаты в лучшем случае иллюстрируют семантику слова: ни образный, ни аксиологический компоненты содержательной стороны (интенционала) слова не могут быть представлены в объективированном виде ни в картотеке, ни тем более в словаре – в лучшем случае представленная в них картина будет отражать чьи-то субъективные представления, и это нельзя недооценивать (см. [Герд, 2008, 2011]). Корпус текстов и «Библиотека лексикографа», освобождённые от выборки – они могут страдать только от недостатка материалов, который легко компенсируется с течением времени – в этом плане дают максимально объективную картину. То же касается расстановки стилистических помет: по материалам картотек или системы словарей, используемых в работе, стилистическая характеристика слов достаточно субъективна: жанровая и тематическая разметка «Библиотеки лексикографа» позволяет выработать статистические критерии для расстановки стилистических помет и определения терминологического статуса слов.

Расположение иллюстративных материалов, документирующих одно и то же слово, в картотеке по существу ничем не регламентировано: в каких-то случаях расстановка карточек за обозначающим слово разделителем отражает какой-то этап работы над последним по времени словарём и группировку цитат по значениям. В корпусе и в «Библиотеке лексикографа» материал по умолчанию выстраивается по алфавиту авторов. При минимальной модификации рабочей версии Библиотеки была изготовлена новая версия, в которой материал аранжирован по датам создания текстов.

Расстановка дат создания текстов или в случае невозможности установления даты написания текстов – дат жизни их авторов (даже у М. Горько-

го имеется множество рассказов, не имеющих точной даты написания или прижизненной публикации), по опыту работы с «Библиотекой лексикографа» не составляет особого труда: эти даты вносятся в содержание текстового файла или в имя файла. Расстановка даты создания произведений на карточках многомиллионной картотеки – задача нереальная, выставление дат произведений в электронной картотеке – задача достаточно сложная.

Выгодным достоинством картотеки является наличие или возможность создания словника к ней, то есть указателя всех включённых в неё лексических единиц в исходной словарной форме. Однако работа над словником картотеки требует больших затрат сил и впоследствии – дополнительных забот по его пополнению и обновлению. Теоретически создание словника для корпуса текстов или его фрагментов представляет собой несложную задачу при применении широко распространённых программ, преобразующих тексты в списки словоформ (некоторые из программ подсчитывают частоту встречаемости словоформ и могут выдавать частотные или алфавитно-частотные списки словоформ), реально такая задача не имеет большого смысла.

Важный компонент любого источника словарных материалов. будь то картотека или корпус – это список источников материала. Каталог источников бумажной картотеки или «сократитель» словаря – как правило, печатный список названий текстов, обрастающий многочисленными дополнениями при пополнении картотеки. Каталог источников электронной картотеки может легко пополняться, но в любом случае он не столь доступен, как материалы картотеки. Каталог текстов «Библиотеки лексикографа» обновляется при любом её пополнении и извлекается из ресурса при помощи программ-каталогизаторов за одну минуту и несколько кликов мышью. В действующей версии Библиотеки этот каталог содержит даты создания подавляющего большинства текстов, не имеют дат в основном тексты, извлеченные из Интернета на ранних этапах комплектования ресурса.

Основное предназначение ресурса «Библиотека лексикографа» – это лексикология и лексикография. Однако в ресурс включена научная и научно-популярная литература по всем областям знаний и практик, что само по себе позволяет пользоваться им как информационно-поисковой системой по истории, географии, этнографии. Одновременно с реализацией данного проекта автором ведётся также собирание электронных словарей и справочников по всем областям знаний. Добавление в «Библиотеку лексикографа» электронных версий основных энциклопедий и энциклопедических словарей позволит использовать ресурс как информационно-поисковую систему, ориентированную на гуманитарные науки.

Список литературы

1. Баранов, А. Н. Введение в прикладную лингвистику [Текст] / А. Н. Баранов. – 3-е изд., стереот. – М. : Эдиториал УРСС, 2007. – 360 с.
2. Белозёрова, Н. Н. Шекспир и компания, или использование электронных библиотек при лингвистическом исследовании: учеб. пособие [Текст] / Н. Н. Бе-

- лозёрова, Л. Е. Чуфистова ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Тюмен. гос. ун-т. – Тюмень : Издательство Тюмен. гос. университета, 2007. – 296 с.
3. Богданова, С. Ю. Возможности корпусной методологии в решении лингвистических задач [Текст] / С. Ю. Богданова // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2012. – Вып. 2. – С. 47–53.
 4. Бурькин, А. А. О создании электронной библиотеки для исследований в области русской лексикологии и лексикографии «Библиотека лексикографа» [Текст] / А. А. Бурькин // Современные информационные технологии и письменное наследие: от древних текстов к электронным библиотекам. E1'Manuscript-08: материалы Междунар. науч. конф., Казань, 26–30 авг. 2008 г. – Казань : Изд-во КГУ, 2008. – С. 52–55.
 5. Бурькин, А. А. Электронная библиотека для исследований в области русской лексикологии и лексикографии: опыт работы, перспективы пополнения, возможности использования [Текст] / А. А. Бурькин // Информационные технологии и письменное наследие. E1'manuscript-10: материалы Междунар. науч. конф., Уфа, 28–31 октября 2010 г. – Уфа, Ижевск, 2010. – С. 36–41.
 6. Бурькин, А. А. Проблемы и задачи справочного аппарата к корпусам и картотекам [Электронный ресурс] / А. А. Бурькин // Труды междунар. конф. «Корпусная лингвистика-2013», Санкт-Петербург, 25–27 июня 2013 г. – СПб., 2013. – С. 208–216. – Режим доступа : <http://corpora.phil.spbu.ru/Works2013/Бурькин.pdf>
 7. Бурькин, А. А. Электронный ономастический тезаурус: проект «Библиотека лексикографа» в приложении к ономастике [Текст] / А. А. Бурькин // Ономастика Поволжья: материалы XIV Междунар. науч. конф., Тверь, 10–12 сентября 2014 г. – Тверь, 2014. – С. 25–30.
 8. Герд, А. С. Национальный корпус русского языка – словарная картотека – академический словарь [Электронный ресурс] / А. С. Герд // Труды междунар. конф. «Корпусная лингвистика-2008». – СПб., 2008. – С.143–148. – Режим доступа : http://corpora.phil.spbu.ru/Works2008/Gerd_143_148.pdf
 9. Герд, А. С. Академическая лексикография как система корпусов [Электронный ресурс] / А. С. Герд // Труды междунар. конф. «Корпусная лингвистика-2013». – СПб., 2013. – С. 247–249. – Режим доступа : <http://corpora.phil.spbu.ru/Works2013/Герд.pdf>
 10. Герд, А. С. Корпус текстов и источниковедение [Электронный ресурс] / А. С. Герд // Труды междунар. конф. «Корпусная лингвистика-2011». – СПб., 2011. – С.120–124.– Режим доступа : http://corpora.phil.spbu.ru/Works2011/Герд_120.pdf
 11. Герд, А. С. Национальный корпус русского языка в свете проблем современной филологии [Электронный ресурс] / А. С. Герд, В. П. Захаров // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика-2004». – СПб., 2004. – С. 122–131. – Режим доступа : http://corpora.phil.spbu.ru/Works2004/Gerd_Zakharov_art.pdf
 12. Глинкина, Л. А. Словарь забытых и трудных слов из произведений русской литературы XVIII–XIX веков [Текст] / Л. А. Глинкина. – Оренбург : Оренбургское книжное изд-во, 1998. – 277 с.
 13. Грудева, Е. В. Корпусная лингвистика [Текст] / Е. В. Грудева. – 2-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА, 2012. – 165 с.
 14. Елистратов, В. С. Язык старой Москвы: лингвоэнциклопедический словарь [Текст] / В. С. Елистратов. – М. : Русские словари, 1997. – 795 с.

15. Захаров, В. П. Корпусная лингвистика: учеб.-метод. пособие [Текст] / В. П. Захаров. – СПб., 2005. – 48 с.
16. Захаров, В. П. Корпусная лингвистика: учеб. для студентов гуманитар. вузов [Текст] / В. П. Захаров, С. Ю. Богданова. – Иркутск: ИГЛУ, 2011. – 161 с.
17. Захаров, В. П. Словарная картотека Института лингвистических исследований как объект автоматизации [Электронный ресурс] / В. П. Захаров // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды междунар. конф. «Диалог–2007». – М., 2007. – Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2007/materials/html/31.htm>
18. Зубов, А. В. Информационные технологии в лингвистике [Текст]: учеб. пособие / А. В. Зубов, И. И. Зубова. – М.: Академия, 2004. – 208 с.
19. Копотев, М. В. К построению частотной грамматики русского языка [Электронный ресурс] / М. В. Копотев // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика-2008». – СПб., 2008. – С. 207–213. – Режим доступа: http://corpora.phil.spbu.ru/Works2008/Kopotev_207_213.pdf
20. Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Сборник статей [Электронный ресурс]. – М.: Индрик, 2005. Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/>
21. Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы [Текст] / отв. ред. В. А. Плунгян. – СПб.: Нестор-История, 2009. – 502 с.
22. Перцов, Н. В. О роли корпусов в лингвистических исследованиях [Электронный ресурс] / Н. В. Перцов // Труды междунар. конф. «Корпусная лингвистика-2006». – СПб., 2006. – С. 318–331. – Режим доступа: http://corpora.phil.spbu.ru/Works2006/Pertsov_doklad_318_331.pdf
23. Плисецкая, А. Д. Национальный корпус русского языка как один из инструментов анализа фразеологических сочетаний [Электронный ресурс] / А. Д. Плисецкая // Труды междунар. конф. «Корпусная лингвистика-2013». – СПб., 2013. – С. 387–396. – Режим доступа: <http://corpora.phil.spbu.ru/Works2013/Плисецкая.pdf>
24. Редкие слова в произведениях авторов XIX века: слов.-справ.: ок. 3500 единиц [Текст] / отв. ред. Р. П. Рогожникова. – М.: Русские словари, 1997. – 572 с.
25. Рогожникова, Р. П. Практическая лексикография. 100 лет словарной картотеке [Текст] / Р. П. Рогожникова. – М.: 1989. – 126 с.
26. Рогожникова, Р. П. Школьный словарь устаревших слов русского языка: По произведениям русских писателей XVIII–XX вв. [Текст] / Р. П. Рогожникова, Т. С. Карская – М.: Просвещение: Учебная литература, 1996. – 608 с.
27. Рогожникова, Р. П. Сокровищница русского слова: история большой словарной картотеки Института лингвистических исследований РАН [Текст] / Р. П. Рогожникова [отв. ред. Н. Н. Казанский]. – СПб.: Наука, 2003. – 106 с.
28. Русская судьба крылатых слов [Текст] / отв. ред. В. Е. Багно. – СПб.: Наука, 2010. – 664 с.
29. Соловьев, В. Д. Частотность как объект корпусных исследований [Электронный ресурс] / В. Д. Соловьев // Труды междунар. конф. «Корпусная лингвистика-2011». – СПб., 2011. – С. 328–332. Режим доступа: http://corpora.phil.spbu.ru/Works2011/Соловьев_328.pdf
30. Сомов, В. П. Словарь редких и забытых слов [Текст] / В. П. Сомов. – М.: Владос, 1996. – 764 с.

31. Тетакаева, Л. М. Учебно-методический комплекс по дисциплине «Корпусная лингвистика» [Электронный ресурс] / Л. М. Тетакаева. – Махачкала, 2011. – 16 с. – Режим доступа : <http://fia.dgu.ru/Content/files/УМК/Корпусная20%лингвистика.pdf>

References

1. Baranov, A. N. Vvedenie v prikladnuju lingvistiku [Tekst] / A. N. Baranov. – 3-e izd., stereot. – M. : Jeditorial URSS, 2007. – 360 s.
2. Belozjorova, N. N. Shekspir i kompanija, ili ispol'zovanie jelektronnyh bibliotek pri lingvisticheskom issledovanii: ucheb. posobie [Tekst] / N. N. Belozjorova, L. E. Chufistova ; M-vo obrazovanija i nauki Ros. Federacii, Tjumen. gos. un-t. – Tjumen' : Izdatel'stvo Tjumen. gos. universiteta, 2007. – 296 s.
3. Bogdanova, S. Ju. Vozmozhnosti korpusnoj metodologii v reshenii lingvisticheskikh zadach [Tekst] / S. Ju. Bogdanova // Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. – 2012. – Vyp. 2. – S. 47–53.
4. Burykin, A. A. O sozdanii jelektronnoj biblioteki dlja issledovanij v oblasti russkoj leksikologii i leksikografii «Biblioteka leksikografa» [Tekst] / A. A. Burykin // Sovremennye informacionnye tehnologii i pis'mennoe nasledie: ot drevnih tekstov k jelektronnym bibliotekam. El'Manuscript-08: materialy Mezhdunar. nauch. konf., Kazan', 26–30 avg. 2008 g. – Kazan' : Izd-vo KGU, 2008. – S. 52–55.
5. Burykin, A. A. Jelektronnaja biblioteka dlja issledovanij v oblasti russkoj leksikologii i leksikografii: opyt raboty, perspektivy popolnenija, vozmozhnosti ispol'zovanija [Tekst] / A. A. Burykin // Informacionnye tehnologii i pis'mennoe nasledie. El'manuscript-10: materialy Mezhdunar. nauch. konf., Ufa, 28–31 oktjabrja 2010 g. – Ufa, Izhevsk, 2010. – S. 36–41.
6. Burykin, A. A. Problemy i zadachi spravocnogo apparata k korpusam i kartotekam [Jelektronnyj resurs] / A. A. Burykin // Trudy mezhdunar. konf. «Korpusnaja lingvistika-2013», Sankt-Peterburg, 25–27 ijunja 2013 g. – SPb., 2013. – S. 208–216. – Rezhim dostupa : <http://corpora.phil.spbu.ru/Works2013/Burykin.pdf>
7. Burykin, A. A. Jelektronnyj onomasticheskij tezaurus: proekt «Biblioteka leksikografa» v prilozhenii k onomastike [Tekst] / A. A. Burykin // Onomastika Povolzh'ja: materialy XIV Mezhdunar. nauch. konf., Tver', 10–12 sentjabrja 2014 g. – Tver', 2014. – S. 25–30.
8. Gerd, A. S. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka – slovarnaja kartoteka – akademicheskij slovar' [Jelektronnyj resurs] / A. S. Gerd // Trudy mezhdunar. konf. «Korpusnaja lingvistika-2008». – SPb., 2008. – S. 143–148. – Rezhim dostupa : http://corpora.phil.spbu.ru/Works2008/Gerd_143_148.pdf
9. Gerd, A. S. Akademicheskaja leksikografija kak sistema korpusov [Jelektronnyj resurs] / A. S. Gerd // Trudy mezhdunar. konf. «Korpusnaja lingvistika-2013». – SPb., 2013. – S. 247–249. – Rezhim dostupa : <http://corpora.phil.spbu.ru/Works2013/Gerd.pdf>
10. Gerd, A. S. Korpus tekstov i istochnikovedenie [Jelektronnyj resurs] / A. S. Gerd // Trudy mezhdunar. konf. «Korpusnaja lingvistika-2011». – SPb., 2011. – S. 120–124. – Rezhim dostupa : http://corpora.phil.spbu.ru/Works2011/Gerd_120.pdf
11. Gerd, A. S. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka v svete problem sovremennoj filologii [Jelektronnyj resurs] / A. S. Gerd, V. P. Zaharov // Trudy mezhdunarodnoj

- konferencii «Korpusnaja lingvistika-2004». – SPb., 2004. – S. 122–131. – Rezhim dostupa : http://corpora.phil.spbu.ru/Works2004/Gerd_Zakharov_art.pdf
12. Glinkina, L. A. Slovar' zabytyh i trudnyh slov iz proizvedenij russkoj literatury XVIII–XIX vekov [Tekst] / L. A. Glinkina. – Orenburg : Orenburgskoe knizhnoe izd-vo, 1998. – 277 s.
 13. Grudeva, E. V. Korpusnaja lingvistika [Tekst] / E. V. Grudeva. – 2-e izd., ster. – M. : FLINTA, 2012. – 165 s.
 14. Elistratov, V. S. Jazyk staroj Moskvy: lingvojenciklopedicheskij slovar' [Tekst] / V. S. Elistratov. – M. : Russkie slovari, 1997. – 795 s.
 15. Zaharov, V. P. Korpusnaja lingvistika: ucheb.-metod. posobie [Tekst] / V. P. Zaharov. – SPb., 2005. – 48 s.
 16. Zaharov, V. P. Korpusnaja lingvistika: ucheb. dlja studentov gumanit. vuzov [Tekst] / V. P. Zaharov, S. Ju. Bogdanova. – Irkutsk : IGLU, 2011. – 161 s.
 17. Zaharov, V. P. Slovarnaja kartoteka Instituta lingvisticheskikh issledovanij kak ob#ekt avtomatizacii [Jelektronnyj resurs] / V. P. Zaharov // Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii : trudy mezhdunar. konf. «Dialog–2007». – M., 2007. – Rezhim dostupa : <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2007/materials/html/31.htm>
 18. Zubov, A. V. Informacionnye tehnologii v lingvistike [Tekst]: ucheb. posobie / A. V. Zubov, I. I. Zubova. – M. : Akademija, 2004. – 208 s.
 19. Kopotev, M. V. K postroeniju chastotnoj grammatiki russkogo jazyka [Jelektronnyj resurs] / M. V. Kopotev // Trudy mezhdunarodnoj konferencii «Korpusnaja lingvistika-2008». – SPb., 2008. – S. 207–213. – Rezhim dostupa : http://corpora.phil.spbu.ru/Works2008/Kopotev_207_213.pdf
 20. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka: 2003–2005. Sbornik statej [Jelektronnyj resurs]. – M. : Indrik, 2005. Rezhim dostupa : <http://ruscorpora.ru/>
 21. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka: 2006–2008. Novye rezul'taty i perspektivy [Tekst] / otv. red. V. A. Plungjan. – SPb. : Nestor-Istorija, 2009. – 502 s.
 22. Percov, N. V. O roli korpusov v lingvisticheskikh issledovanijah [Jelektronnyj resurs] / N. V. Percov // Trudy mezhdunar. konf. «Korpusnaja lingvistika-2006». – SPb., 2006. – S. 318–331. – Rezhim dostupa : http://corpora.phil.spbu.ru/Works2006/Pertsov_doklad_318_331.pdf
 23. Pliseckaja, A. D. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka kak odin iz instrumentov analiza frazeologicheskikh sochetanij [Jelektronnyj resurs] / A. D. Pliseckaja // Trudy mezhdunar. konf. «Korpusnaja lingvistika-2013». – SPb., 2013. – S. 387–396. – Rezhim dostupa : <http://corpora.phil.spbu.ru/Works2013/Pliseckaja.pdf>
 24. Redkie slova v proizvedenijah avtorov XIX veka: slov.-sprav. : ok. 3500 edinic [Tekst] / otv. red. R. P. Rogozhnikova. – M. : Russkie slovari, 1997. – 572 s.
 25. Rogozhnikova, R. P. Prakticheskaja leksikografija. 100 let slovarnoj kartoteke [Tekst] / R. P. Rogozhnikova. – M. : 1989. – 126 s.
 26. Rogozhnikova, R. P. Shkol'nyj slovar' ustarevshih slov russkogo jazyka: Po proizvedenijam russkikh pisatelej XVIII–XX vv. [Tekst] / R. P. Rogozhnikova, T. S. Karskaja – M. : Prosveshhenie: Uchebnaja literatura, 1996. – 608 s.
 27. Rogozhnikova, R. P. Sokrovishhnica russkogo slova: istorija bol'shoj slovarnoj kartoteki Instituta lingvisticheskikh issledovanij RAN [Tekst] / R. P. Rogozhnikova [otv. red. N. N. Kazanskij]. – SPb. : Nauka, 2003. – 106 s.

28. Russkaja sud'ba krylatyh slov [Tekst] / otv. red. V. E. Bagno. – SPb. : Nauka, 2010. – 664 s.
29. Solov'ev, V. D. Chastotnost' kak ob#ekt korpusnyh issledovaniy [Jelektronnyj resurs] / V. D. Solov'ev // Trudy mezhdunar. konf. «Korpusnaja lingvistika-2011». – SPb., 2011. – S. 328–332. Rezhim dostupa : http://corpora.phil.spbu.ru/Works2011/Solov'ev_328.pdf
30. Somov, V. P. Slovar' redkih i zabytyh slov [Tekst] / V. P. Somov. – M. : Vldos, 1996. – 764 s.
31. Tetakaeva, L. M. Uchebno-metodicheskiy kompleks po discipline «Korpusnaja lingvistika» [Jelektronnyj resurs] / L. M. Tetakaeva. – Mahachkala, 2011. – 16 s. – Rezhim dostupa : <http://fia.dgu.ru/Content/files/UMK/Korpusnaja20%lingvistika.pdf>

УДК 81'11
UDC 81'11

Кравец Татьяна Владимировна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Tatyana V. Kravets,
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
e-mail: t_kravetc@mail.ru

**СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ РЕЧЕВЫХ АКТОВ ПРОЩАНИЯ
В ЭТИКЕТНО-РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ ГЕРМАНИИ
MEANS OF REALIZATION OF SPEECH ACTS
OF PARTING PATTERN IN THE ETIQUETTE-VERBAL
COMMUNICATION OF GERMANY**

Аннотация

Статья посвящена исследованию формул речевого этикета и стереотипных выражений, используемых в коммуникативной ситуации прощания в немецкой культуре. В статье анализируются примеры немецких этикетных формул, демонстрирующих широкий прагматический потенциал языковых средств этикетных высказываний в речевых актах прощания. Рассматривается категория вежливости как основа в речевом этикете и её объективация фонетическими, лексическими, грамматическими и стилистическими средствами языка. Автор статьи пытается представить все разнообразие прагматических средств в речевых актах немецкого прощания.

Abstract

The paper discusses the study of speech etiquette formulas i.e. stereotyped expressions used in the communicative situation of parting in German culture. Examples of language etiquette formulas in German are analyzed, which show the wide pragmatic potential of linguistic means of realization of etiquette statements in farewell speech acts. The politeness category as the basis for verbal etiquette, and its manifestation using phonetic, lexical, grammatical and stylistic means are considered. The author tries to demonstrate the variety of pragmatic means in speech acts of German parting pattern.

Ключевые слова: речевые акты, прагмалингвистика, речевой этикет, фонетические, лексические, грамматические и стилистические средства языка, немецкое прощание.

Keywords: speech acts, pragmalinguistics, speech etiquette, phonetic, lexical, grammatical and stylistic verbal means, German parting pattern.

1. Введение

Речевая коммуникация представляет собой важный вид человеческой деятельности и является предметом изучения прагмалингвистики. Иссле-

дования таких учёных, как Дж. Остин, Дж. Серль, Т. А. ван Дейк, П. Грайс, Н. Д. Арутюнова, В. З. Демьянков, Г. В. Колшанский, Е. В. Падучева, И. П. Сусов и других внесли серьёзный вклад в современные исследования в области прагмалингвистики, объектами которой выступают речевые акты, прагматические маркеры, письменные тексты [Остин, 1990; Серль, 1986; Дейк ван, 2000; Грайс, 1985; Арутюнова, 1989; Демьянков, 2002; Колшанский, 2005; Падучева, 2008; Сусов, 2009].

Любой акт коммуникации, по утверждению И. П. Сусова, – это речевое действие ради воздействия, говорящего на слушающего, которое он считает основой теории речевых актов: «На понятии речевого воздействия и должна, собственно говоря, базироваться прагмалингвистика как лингвистическая теория речевых актов» [Сусов, 1980, с. 8].

Особое место в прагмалингвистических исследованиях занимает речевой этикет, отражающий нравственные отношения между людьми и реализующийся в конкретных ситуациях. Речевой этикет представляет собой регулирующие правила речевого поведения систему национально специфичных стереотипных устойчивых формул общения, принятых и предписанных обществом для установления, поддержания и прерывания контакта собеседников в избранной тональности [Формановская, 2002, с. 75]. В последние годы этикетные стереотипы часто исследуются с точки зрения теории речевых актов [Почепцов, 2001; Шейко, 2001].

В настоящем исследовании речевой этикет рассматривается в рамках антропологического подхода и считается одной из активных сфер языковой реализации, возможности которой отличаются от языка к языку. Антропоцентрическое направление данной статьи предполагает обращение к различным модусам бытия человека и его реализации в языке, и в частности, к Человеку Прощающемуся. Культурный аспект речевого акта прощания напрямую связан с понятием этикета, который является системой устойчивых формул общения, предписываемых обществом для установления и прерывания речевого контакта собеседников [Кравец, 2015 б, с. 56].

В процессе исследования выяснилось, что речевой акт прощания в немецкой культуре включает различные иллокутивные цели. Речевые формулы прощания могут служить либо для отдаления, либо для сближения собеседников. При этом носители немецкого языка предпринимают различные коммуникативные ходы [Кравец, 2015 а, с. 22].

Основной категорией речевого этикета является вежливость, объективируемая средствами практически всех уровней немецкого языка: фонетическими, лексическими, грамматическими, стилистическими. Так как прощальный этикет непосредственно связан с вышеуказанной категорией, то прагматический потенциал средств реализации этикетных высказываний в речевых актах прощания необычайно широк.

2. Фонетические средства

Поскольку все смысловые коннотации передаются с помощью интонационно-просодических средств [Гусева, 2015, с. 18], то фонетический

уровень оформления этикетных формул немецкого прощания представлен интонационными единицами (фразовые акценты, паузы) [Большая ...] и просодическими признаками, такими как тон, громкость, темп, общая тембровая окраска речи, основная функция которых заключается в указании на цель высказывания, или иллокуцию [Языкознание ...]. Таким образом, одна и та же прощальная реплика может нести определённую информацию об эмоциональном состоянии говорящего и актуализировать различное отношение говорящего к содержанию своего высказывания или высказывания собеседника:

Er hatte etwas Ähnliches erwartet und sagte nun in dem sanft überredenden aber unnachgiebigen Ton, in dem ein guter Kinderarzt vor einer Impfung versichert, es werde bestimmt gar nicht weh tun: «Nein, Fischchen, einen Aufschub würde zu nichts führen, nur zu Ärger. Glaub mir. Das einzig Richtige ist: wir bleiben bei unserem Vorsatz. Gerade, weil es heute sehr schön war. So hat es schließlich auch zu sein, wenn man in Freundschaft auseinandergehen will, mi angenehmen Erinnerungen, nicht wahr?»,...«Aber Fischchen, Fischchen, wein doch nicht! Es wird schon wieder gut. Du mußt keine Angst vor der Verlassenheit haben» [Weiskopf, 1955, S. 7–8];

«Ja, aber... aber wenn es so...so...». Sie konnte vor Schluchzen nicht weiterreden. Die Tränen flossen ihr über die Wangen. Sie hätte das Tüchlein benützen können, aber dann wären die Tränen nicht sichtbar gewesen, und die sollten doch gesehen werden. Dabei weinte sie nicht etwa nur deshalb und weil sie es im Allgemeinen gern tat, sondern auch aus echtem Trennungsschmerz. «Wenn es ebenso... schwer ist, Alexander! Plötzlich ganz einsam und verlassen sein. Noch dazu einen Tag vor Silvester!» Sie weinte nun laut und hemmungslos wie ein Kind. Er streichelte sie [Weiskopf, 1955, S. 8].

3. Лексические средства

Наблюдения над лексическим уровнем объективации немецкого прощания позволяют сделать вывод, что для актуализации этикетных формул прощания немецкий язык располагает обширным комплексом лексических средств, в который входят субстантивные, глагольные предикаты, атрибутивные лексемы, адвербиальная лексика, фразеологические единицы, объединённые в группы общностью содержания [Кравец, 2014, с. 41], что даёт возможность говорить о вежливом или невежливом характере прощальных высказываний. Для передачи негативного отношения к объекту или явлению в невежливом прощании используются пожелания директивного характера или эмоциональные выражения проклятия. В качестве невежливых могут рассматриваться в некоторых обстоятельствах прямое и беспелляционное утверждение или откровенный настоятельный приказ: *Die Umwelt möchte Leni am liebsten ab- oder wegschaffen; es wird sogar hinter ihr hergerufen: «Ab mit dir», oder «Weg mit dir», und es ist nachgewiesen, daß man hin und wieder nach Vergasung verlangt, der Wunsch danach ist verbürgt, ob die Möglichkeit dazu bestünde, ist dem Verf. Unbekannt; hinzufügen kann er nur noch, daß der Wunsch heftig geäußert wird [Böll, 2002, S. 11].*

Что касается вежливых прощальных высказываний, то они, благодаря определённым этикетным выражениям часто оставляют положительное впечатление от беседы:

«Dann auf Wiedersehen!» erwiderte ich und wandte mich an die Schwarze. «Tut mir leid, gnädige Frau... Leben Sie wohl.» [Remarque, 2000, S. 185].

4. Грамматические средства

Речевой акт прощания актуализируется грамматическими средствами, реализуясь в различных модусах видения человеком мира: в сфере модуса необходимости и желательности, в эмоциональной сфере, в волюнтаривной семантике. Названные модусы составляют семантику личностной пристрастности говорящего [Малинович, 1996, с. 89], которая проявляется на определённом потенциале языковых, в нашем случае, синтаксических средств (императива, порядка слов) и морфологических средств (модальных глаголов, пассивного залога) [Кравец, 2011, с. 131].

Субъектная семантика внутреннего мира человека при прощании получает выход в сферу объективной семантики языковых значений, коррелирующих с определёнными грамматическими формами.

1. Побудительными предложениями, где проявляется признак воли-тивности, реализуется ситуация проявления воли человека, не желающего видеть своего собеседника, пытающегося его прогнать:

Er hat eingepackt, sie stand wieder mit dem Besen da, drängte: «Nu rasch, raus mit dir!» [Döblin, 2003, S. 40];

Graeber setzte sich in einen der Biedermeiersessel. «Wozu willst du darauf warten? Zieh hier aus! Recht gibt es für dich nicht, das weißt du noch» [Remarque, 2004, S. 125];

Er wollte hinaus. Der Alte schrie: «Nun, Ihr werdet schon sitzenbleiben. Ihr werdet schon hören, was ich sage, junges Blut. Nehmt euch zusammen, Bösewicht.» Und zu dem Roten, der den Mann bei den Schultern griff: «Geht Ihr weg, weg hier. Hab ich Euch gerufen. Ich werd schon mit ihm fertig werden» [Döblin, 2003, S. 20].

2. Повелительными предложениями, передающими дезидеративную семантику в речевом акте прощания:

Die Nonne nickte langsam wie zur Bestätigung. «Geh!» sagte sie zu Fridolin. ... «Hüte dich!» rief die Nonne aus, «du würdest dich verderben, ohne mich zu retten! Geh!» [Schnitzler, 2004, S. 50].

3. Повелительными предложениями в форме утверждений:

Er verabschiedet sich und sagt, was alle zu ihr sagen: «Du wirst es schon schaffen». An der Haustür, als er mit ihr allein ist, wendet er sich ihr noch einmal zu [Brückner, 1990, S. 87].

4. Модальными конструкциями, где с помощью глаголов müssen и wollen выражается необходимость, возможность и желание прощания:

Er stand auf. „Ich muß gehen“, sagte er. „Danke, daß sie mich hereingelassen und mit mir gesprochen haben.“ Er nahm seine Mütze. Pohlmann erwachte. «Sie wollen fort, Graeber?» [Remarque, 2004, S. 66];

Stockmann machte Graeber ein Zeichen und hob die Schultern. Graeber ging zu ihm hinüber. «Mach's gut, Stockmann», flüsterte er. «Ich muß weg.» «Das nicht. Aber ich muß los.» [Remarque, 2004, S. 231];

Ihr Gesicht verschattete sich einen Augenblick. «Das hast du. Ich muß jetzt fort.» [Remarque, 2004, S. 273];

Was wollten diese Leute von ihm. Er wollte hinaus, er drängte hoch, aber der Alte drückte nieder. Da schrie er: «Was macht Ihr mit mir? Schimpft nur, werdet schon noch mehr schimpfen.» «Ihr sollt mich loslassen. Ich muß raus» [Döblin, 2003, S. 20].

5. Предложениями в пассивном залоге, подчёркивающим независимость категории Прощания от воли человека, когда действие происходит без его участия:

Er geleitete mit Herrn von Braunbart die Damen zum Automobil, als die Verabschiedung von den Ärzten und den Schwestern beendet war [Mann, 1997, S. 213];

6. Риторическими вопросами с прямым порядком слов:

«Du willst fort?» fragte ihn Albertine, als er sich rasch zum Fortgehen bereit machte, so ärgerlichen Tons, als füge er ihr mit Vorbedacht zu. Fridolin erwiderte, beinahe verwundert: «Ich muß wohl.» [Schnitzler, 2004, S. 13].

5. Стилистические средства

Стилистический уровень располагает набором реплик, выбор которых зависит от ситуации общения, статуса собеседников, намерений адресанта. В зависимости от ситуации речевой акт прощания обладает большим резервом средств, включающих в себя клишированные фразы, словосочетания и отдельные языковые единицы: *auf Wiedersehen, leb[t] wohl/leben Sie wohl; (ugs.): ciao, tschüs; (bes. südd., bayr, österr.): servus; (landsch., sonst veraltet): ade; guten Abend, guten Morgen, guten Tag; (ugs.): ciao, grüß dich, grüß Gott, [halli] hallo; (salopp): hi; (schweiz. ugs.): salü. (geh.): ich empfehle mich; (ugs.): auf bald, bis bald, machs gut; (südd., österr.): behüt dich/euch/Sie Gott; (landsch.): auf Wiederschauen; (landsch., sonst veraltend): adieu; (scherzh., sonst veraltet): gehab dich wohl/gehabt euch wohl/gehaben Sie sich wohl; addio, (ugs.): bye-bye, cheerio; (bayr., österr. mundartl.): pfiat di, pfiat euch, pfiat Gott [Кравец, 2011, с. 34]. При этом условия использования коммуникантами приведённых выше формул прощания в актах речевого общения включают в себя коммуникативные цели собеседников, время и место речевого акта, уровень знаний коммуникантов, их социальные статусы, психологические и биологические особенности, правила и конвенции речевого поведения, принятые в том или ином обществе [Богданов, 2007, с. 138].*

Выбор заключительных фраз в конце общения определяется степенью близости, доверительности или официальности между коммуникантами. Вербально нейтральное прощание сопровождается словами *Auf Wiedersehen*: *«Wollen wir nicht noch irgendwo einen trinken?», fragte er. «Nein, heute nicht. Morgen. Ich muß jetzt rasch los.» ... «Also danke, Gustav. Lasse dich*

nicht aufhalten. Wiedersehen.» [Remarque, 2000, S. 347]; *Er steckt den Schal in die Tasche, Meyer macht die Tür auf, der Abschied steht bevor. «Auf Wiedersehen.» «Auf Wiedersehen»* [Remarque, 2004, S. 207]. Более официальный стиль предполагает выражение *Ich würde mich gerne verabschieden – Позвольте попрощаться, разрешите откланяться* [Duden, 2008].

Финальные пожелания в этикетной ситуации прощания могут включать высказывания с конструкциями «*Gut Glück!*» и «*Gut Heil!*», характерные для доверительных и близких отношений: *Diese Grußformel hatte ihm Generaladjutant von Hühnemann, nachdem er Erkundigungen eingezogen, im letzten Augenblick; zugeflüstert denn natürlich hätte es störend gewirkt, hätte die schöne Täuschung der Sachkenntnis und ernsten Vorliebe aufgehoben, wenn Klaus Heinrich zu den Schützen «Glück auf!» und zu Bergleuten etwa «Gut Heil!» gesagt hätte* [Mann, 1997, S. 160];

Er gab hierauf mehrere Schüsse auf die Ehrenscheibe ab, von denen in den Berichten nicht gesagt war; wohin sie getroffen hatten, pflog später mit drei aufeinander folgenden Männern ein und dieselbe Unterredung über die Vorzüge des Schützenwesens, die im «Eliboten» als «gemütliche Aussprache» gekennzeichnet war, und verabschiedete sich endlich mit einem herzlichen «Gut Glück!», dem unbeschreiblichen Jubelhervorrief [Mann, 1997, S. 159–160].

Критерием выбора официальной или неофициальной формулы в речевом акте прощания является социокультурный фактор или иерархия партнёров: «*Der Herr Direktor bittet Sie, einen Herrn Dr. Nettleger zu empfangen.*» «*Würdest du einen empfangen, der Nettleger heißt?*» «*Nein.*» «*Zeig mir wie ich hier herauskomme, ohne durch diese Tür zu müssen.*» «*Sie können durch den Speisesaal gehen, Herr Doktor, dann kommen Sie in der Modestgasse heraus.*» «*Auf Wiedersehen, Hugo, bis morgen.*» «*Auf Wiedersehen, Herr Direktor.*» [Böll, 1977, S. 347].

Более того, употребление прощального оборота речи может напрямую зависеть от того, к какой партии принадлежат собеседники и чью идеологию они поддерживают: «*Heil Hitler!*» *Die Frau sah ihn scharf an. «Heil Hitler!», sagte Graeber. Heil den Siegern!* [Remarque, 2004, S. 216].

Кроме того, в Германии учитывается региональное происхождение собеседника (например, проживание в южной части Германии, где формулы прощания отличаются от общепринятых): *Der Vater und der Holzknecht sagten «Grüß Gott!» – dabei hatten sie ihre Stimmen unversehens zurückgestellt. Der Gruß klang lauend, beinahe feindselig* [Becher, 1950, S. 130].

Для завершения контакта друзья или родственники могут использовать неофициальные, нейтральные и экспрессивные выражения: «*Bis morgen*», «*Leb' wohl!*», «*Bis bald*», «*Mach's gut*»: «*Leb' wohl, Vater!*» *sagte ich zu dem messingenen Namensschild und rieb es mit dem Taschentuch blank, bis der Name wieder leuchtete* [Becher, 1950, S. 426];

«*Mach's gut, Ernst! Und immer Kopf hoch! Bis morgen.*» [Remarque 2004, S. 111]; «*Leb' wohl, mein Teuerster! Allen Segen des Himmels über dich! Leb' wohl!*» [Goethe, 2005, S. 181]; «*Wir gehen hinunter, und dann trinken wir etwas. Ich werde euch zusehen, wie ihr trinkt.*» «*...Also, bis morgen, Pat.*» [Remarque, 2004, S. 351].

К наиболее нейтральным прощальным формулам относятся *auf Wiedersehen, leb[t] wohl/leben Sie wohl; Servus; grüß Gott, Wiederschauen*. Как утверждает В. Мёдек, они выполняют три функции. Во-первых, это повседневные приветствия с функцией вежливости, во-вторых, они подтверждают факт договорённости о будущей встрече, и, наконец, они выполняют побуждающую, предупреждающую функцию, то есть напоминают нам о необходимости использовать соответствующую этикетную формулу, чтобы соблюсти правила вежливого поведения [перевод наш – Т. В.] [Miodek, 1994, S. 36].

Чем выше степень доверительности отношений, тем неформальнее речевые акты прощания: «*Franz, ich schrei, was, laß mich los. Karl kommt bald, Karl muß jeden Augenblick kommen. Mit Ida hast du auch so anfangen.*» «*Minna, Minnaken, nu jieb dir doch, ich bin so froh, ich bin doch wieder ein Mensch, Minnaken.*» «*Mensch, du bist verrückt, dir haben sie wirklich in Tegel den Kopf verdreht.*» «*Allens, Franz; allens, Franz! Franz ist wieder lebendig, Franz ist wieder da! Nimm deinen Hut und hau' ab. Wenn er dir trifft und ich hab' n blaues Auge. Und laß dir nicht wieder sehn.*» «*Adjes, Minna.*» [Döblin, 2003, S. 38]. Здесь речевая формула прощания *Adjes* свидетельствует о дружеских отношениях между коммуникантами.

Анализ языковых средств, актуализирующих речевые акты прощального речевого этикета Германии позволяет выделить характеристики немецкого прощания: информативность / неинформативность, официальность / неофициальность общения, зависимость / независимость автора от адресата и наоборот, постоянный / переменный статус говорящего и адресата, констативная/ перформативная ситуация, эксплицитная / имплицитная перформативность, эмоциональное / рациональное воздействие на адресата и другие [Карасик, 2002. с. 33]. В процессе изучения прощального этикета в немецком языке было выявлена специфика отражения прощания в обыденном сознании немцев и обнаружено, что речевой акт немецкого прощания реализуется в сфере речевого этикета, включающего в себя клишированные фразы, словосочетания и отдельные языковые единицы.

Прощание представляет собой важный и чётко оформленный акт коммуникации в немецкой культуре, форма и средства реализации которого определяют перспективу дальнейшего взаимодействия сторон.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. От редактора [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов: сб. ст. / Под ред. Н. Д. Арутюновой. – М. : Наука, –1989. – С. 3–6.
2. Богданов, В. В. Предложение и текст в содержательном аспекте [Текст] / В. В. Богданов. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2007. – 280 с.
3. Грайс, Г. П. Логика и речевое общение [Текст] / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1985. – Вып. 16. – С. 217–237.
4. Гусева, С. И. Реализация немецкого вокализма: семантикоцентрический подход [Текст] / С. И. Гусева // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2015. – Вып. 1. – №1. – С. 16–34.

5. Дейк, Т. А. Ван. Язык. Познание. Коммуникация [Текст] / Т. А. Ван Дейк. – Б. : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
6. Демьянков, В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии [Текст] / В. З. Демьянков // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. – М. : ИНИОН РАН, 2002. – № 3. – С. 32–43.
7. Карасик, В. И. Язык социального статуса [Текст] / В. И. Карасик. – М. : Ин-т языкознания РАН, 2002. – 330 с.
8. Колшанский, Г. В. Контекстная семантика [Текст] / Г. В. Колшанский; Изд. 2-е, стереотипное. – М. : КомКнига, 2005. – 152 с.
9. Кравец, Т. В. Феномен прощания в немецкой лингвокультуре [Текст]: монография / Т. В. Кравец. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2011. – 176 с.
10. Кравец, Т. В. Лексические средства языковой реализации функционально-семантической категории ABSCHIED [Текст] / Т. В. Кравец // Вестник Челябинского государственного университета: Сер. Филология. Искусствоведение. – 2014. – Вып. 92. – № 23 (352). – С. 37–43.
11. Кравец, Т. В. Ситуация прощания в немецкой культуре в свете теории речевых актов [Текст] / Т. В. Кравец // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). – 2015 а. – Вып. 4 (157). – С. 22–26
12. Кравец, Т. В. Типология речевых актов в коммуникативно-прагматической ситуации немецкого прощания (ABSCHIED) [Текст] / Т. В. Кравец // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2015 б. – Вып. 1. – № 1. – С. 54–63.
13. Малинович, Ю. М. Семантика личностной пристрастности как одна из актуальных проблем современной лингвистики [Текст] / Ю. М. Малинович // Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции (Иркутск, 17–20 сентября 1996 года). – Иркутск : ИГПИИЯ, 1996. – С. 87–89.
14. Остин, Дж. Л. Слово как действие [Текст] / Дж. Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. 17. – С. 22–131.
15. Падучева, Е. В. Высказывание и его соотносённость с действительностью [Текст] / Е. В. Падучева. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 296 с.
16. Почепцов, Г. Г. Теория коммуникации [Текст] / Г. Г. Почепцов. – К. : Ваклер; М. : Рефл-бук, 2001. – 656 с.
17. Сёрль, Дж. Р. Классификация иллокутивных актов [Текст] / Дж. Р. Сёрль // Новое в зарубежной лингвистике. – Выпуск 18. – Логический анализ естественного языка. – М. : Прогресс. – 1986. – 392 с.
18. Сусов, И. П. Семантика и прагматика предложения : учеб. пособие [Текст] / И. П. Сусов. – Калинин, 1980. – 52 с.
19. Сусов, И. П. Лингвистическая прагматика [Текст] / И. П. Сусов. – Винница : Нова Книга, 2009. – 272 с.
20. Формановская, Н. И. Речевой этикет и культура общения [Текст] / Н. И. Формановская. – М. : Высшая школа, 2002. – 216 с.
21. Шейко, Е. В. Формулы речевого этикета с точки зрения теории речевых актов [Текст] / Е. В. Шейко // Функционально-семантический аспект единиц русского языка : межвуз. сб. науч. трудов. – Таганрог : Изд-во ТРТУЮ; 2001. – С. 136–139.

22. Becher, J. R. Abschied [Text]: Roman / J. R. Becher. – Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1950. – 427 S.
23. Böll, H. Irisches Tagebuch [Text]: Romane und Erzählungen / H. Böll. – B. 3 Herausgegebenen von Bernd Balzer. – Köln: Verlag Kiepenheuer & Witsch, 1977. – 535 S.
24. Brückner, C. Nirgendwo in Poenichen [Text]: Roman / C. Brückner. – ungekürzte Ausg., 11. Aufl. Frankfurt a. M.; Berlin, Ullstein, 1990. – 317 S.
25. Böll, Heinrich: Gruppenbild mit Dame [Text]: Roman / Heinrich Böll. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH, 2002. – 467 S.
26. Döblin, A. Berlin Alexanderplatz. Die Geschichte vom Franz Biberkopf [Text]: Roman / A. Döblin. – 43 Auflage. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2003. – 454 S.
27. Duden Der deutsche Knigge. Sicher formulieren, sicher kommunizieren, sich auftreten [Text]. – Mannheim: Dudenverlag, 2008. – 479 S.
28. Goethe, J. W. Die Leiden des jungen Werthers (= Страдания юного Вертера) [Text]: роман / J. W. Goethe Избранная лирика: кн. для чтения на немецком языке. – СПб.: Корона, принт, КАРО, 2005. – 256 с.
29. Mann, T. Königliche Hoheit [Text]: Roman / T. Mann. – Frankfurt a/M, S. Fischer Verlag GmbH, 1997. – 360 S.
30. Miodek, Waław Begrüßungs- und Abschiedsformeln im Deutschen und Polnischen [Text] / Waław Miodek // Język. Poznanie. Komunikacja. t. 5 – Warszawa: Wydawnictwo Energeia, 1994. – 85 S.
31. Remarque, E. M. Drei Kameraden [Text] / E. M. Remarque. – M.: НВИ-Тезаурус, 2000. – 400 с.
32. Remarque, E. M. Zeit zu leben und Zeit zu sterben [Text]: Roman. на нем. яз. / E. M. Remarque. – M.: Юпитер-Интер, 2004. – 356 с.
33. Schnitzler, A. Traumnovelle [Text]: Novelle / A. Schnitzler. – München: Süddeutsche Zeitung GmbH, 2004. – 93 S.
34. Weiskopf, F. C. Abschied vom Frieden (1913–1914) [Text]: Roman / F. C. Weiskopf. – Berlin: Dietz Verlag, 1955. – 490 S.
35. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bse.sci-lib.com/article055892.html>
36. Языкознание: энциклопедия языкознания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://jazykoznanie.ru/502/>

References

1. Arutjunova, N. D. Ot redaktora [Tekst] / N. D. Arutjunova // Logicheskij analiz jazyka. Problemy intensional'nyh i pragmaticeskih kontekstov: sb. st. / Pod red. N. D. Arutjunovoj. – M.: Nauka, –1989. – S. 3–6.
2. Bogdanov, V. V. Predlozhenie i tekst v sodержatel'nom aspekte [Tekst] / V. V. Bogdanov. – SPb.: Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 2007. – 280 s.
3. Grajs, G. P. Logika i rechevoe obshhenie [Tekst] / G. P. Grajs // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. – M.: Progress, 1985. – Vyp. 16. – S. 217–237.
4. Guseva, S. I. Realizacija nemeckogo vokalizma: semantikocentricheskij podhod [Tekst] / S. I. Guseva // Teoreticheskaja i prikladnaja lingvistika. – 2015. – Vyp. 1. – №1. – S. 16–34.

5. Dejk, T. A. Van. Jazyk. Poznanie. Kommunikacija [Tekst] / T. A. Van Dejk. – B. : BGK im. I. A. Bodujena de Kurtenje, 2000. – 308 s.
6. Dem'jankov, V. Z. Politicheskij diskurs kak predmet politologicheskoy filologii [Tekst] / V. Z. Dem'jankov // Politicheskaja nauka. Politicheskij diskurs: Istorija i sovremennye issledovanija. – M. : INION RAN, 2002. – № 3. – S. 32–43.
7. Karasik, V. I. Jazyk social'nogo statusa [Tekst] / V. I. Karasik. – M. : In-t jazykoznanija RAN, 2002. – 330 s.
8. Kolshanskij, G. V. Kontekstnaja semantika [Tekst] / G. V. Kolshanskij; Izd. 2-e, stereotipnoe. – M. : KomKniga, 2005. – 152 s.
9. Kravec, T. V. Fenomen proshhanija v nemeckoj lingvokul'ture [Tekst]: monografija / T. V. Kravec. – Blagoveshensk : Izd-vo BGPU, 2011. – 176 s.
10. Kravec, T. V. Leksicheskie sredstva jazykovoj realizacii funkcional'no-semanticheskoy kategorii ABSCHIED [Tekst] / T. V. Kravec // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta: Ser. Filologija. Iskusstvovedenie. – 2014. – Vyp. 92. – № 23 (352). – S. 37–43.
11. Kravec, T. V. Situacija proshhanija v nemeckoj kul'ture v svete teorii rechevyh aktov [Tekst] / T. V. Kravec // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (TSPU Bulletin). – 2015 a. – Vyp. 4 (157). – S. 22–26
12. Kravec, T. V. Tipologija rechevyh aktov v kommunikativno-pragmaticheskoj situacii nemeckogo proshhanija (ABSCHIED) [Tekst] / T. V. Kravec // Teoreticheskaja i prikladnaja lingvistika. – 2015 b. – Vyp. 1. – № 1. – S. 54–63.
13. Malinovich, Ju. M. Semantika lichnostnoj pristrastnosti kak odna iz aktual'nyh problem sovremennoj lingvistiki [Tekst] / Ju. M. Malinovich // Tezisy dokladov i soobshhenij mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Irkutsk, 17–20 sentjabrja 1996 goda). – Irkutsk: IGPIIJa, 1996. – S. 87–89.
14. Ostin, Dzh. L. Slovo kak dejstvie [Tekst] / Dzh. L. Ostin // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. – M. : Progress, 1986. – Vyp. 17. – S. 22–131.
15. Paducheva, E. V. Vyskazyvanie i ego sootnesjonnost' s dejstvitel'nost'ju [Tekst] / E. V. Paducheva. – M. : Izd-vo LKI, 2008. – 296 s.
16. Pohepcov, G. G. Teorija kommunikacii [Tekst] / G. G. Pohepcov. – K. : Vakler ; M. : Refl-buk, 2001. – 656 s.
17. Sjolr', Dzh. R. Klassifikacija illokutivnyh aktov [Tekst] / Dzh. R. Sjolr' // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. – Vypusk 18. – Logicheskij analiz estestvennogo jazyka. – M. : Progress. – 1986. – 392 s.
18. Susov, I. P. Semantika i pragmatika predlozhenija: ucheb. posobie [Tekst] / I. P. Susov. – Kalinin, 1980. – 52 s.
19. Susov, I. P. Lingvisticheskaja pragmatika [Tekst] / I. P. Susov. – Vinnica, Nova Knyga, 2009. – 272 s.
20. Formanovskaja, N. I. Rechevoj jetiket i kul'tura obshhenija [Tekst] / N. I. Formanovskaja. – M.: Vysshaja shkola, 2002. – 216 s.
21. Shejko, E. V. Formuly rechevogo jetiketa s tochki zrenija teorii rechevyh aktov [Tekst] / E. V. Shejko // Funkcional'no-semanticheskij aspekt edinic russkogo jazyka: mezhvuz. sb. nauch. trudov. – Taganrog: Izd-vo TRTUJu; 2001. – S. 136–139.

22. Becher, J. R. Abschied [Text]: Roman / J. R. Becher. – Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1950. – 427 S.
23. Böll, H. Irisches Tagebuch [Text]: Romane und Erzählungen / H. Böll. – B. 3 Herausgegebenen von Bernd Balzer. – Köln: Verlag Kiepenheuer & Witsch, 1977. – 535 S.
24. Brückner, C. Nirgendwo in Poenichen [Text]: Roman / C. Brückner. – ungekürzte Ausg., 11. Aufl. Frankfurt a. M.; Berlin, Ullstein, 1990. – 317 S.
25. Böll, Heinrich: Gruppenbild mit Dame [Text]: Roman / Heinrich Böll. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH, 2002. – 467 S.
26. Döblin, A. Berlin Alexanderplatz. Die Geschichte vom Franz Biberkopf [Text]: Roman / A. Döblin. – 43 Auflage. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2003. – 454 S.
27. Duden Der deutsche Knigge. Sicher formulieren, sicher kommunizieren, sich auftreten [Text]. – Mannheim: Dudenverlag, 2008. – 479 S.
28. Goethe, J. W. Die Leiden des jungen Werthers (= Страдания юного Вертера) [Text]: роман / J. W. Goethe Избранная лирика: кн. для чтения на немецком языке. – СПб.: Корона, принт, КАРО, 2005. – 256 с.
29. Mann, T. Königliche Hoheit [Text]: Roman / T. Mann. – Frankfurt a/M, S. Fischer Verlag GmbH, 1997. – 360 S.
30. Miodek, Waław Begrüßungs- und Abschiedsformeln im Deutschen und Polnischen [Text] / Waław Miodek // Język. Poznanie. Komunikacja. t. 5 – Warszawa: Wydawnictwo Energeia, 1994. – 85 S.
31. Remarque, E. M. Drei Kameraden [Text] / E. M. Remarque. – M.: НВИ-Тезаурус, 2000. – 400 с.
32. Remarque, E. M. Zeit zu leben und Zeit zu sterben [Text]: Roman. на нем. яз. / E. M. Remarque. – M.: Юпитер-Интер, 2004. – 356 с.
33. Schnitzler, A. Traumnovelle [Text]: Novelle / A. Schnitzler. – München: Süddeutsche Zeitung GmbH, 2004. – 93 S.
34. Weiskopf, F. C. Abschied vom Frieden (1913–1914) [Text]: Roman / F. C. Weiskopf. – Berlin: Dietz Verlag, 1955. – 490 S.
35. Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija [Electronic Resource]. – URL: <http://bse.sci-lib.com/article055892.html>
36. Jazykoznanie: jenciklopedija jazykoznanija [Electronic Resource]. – URL: <http://jazykoznanie.ru/502/>

Наумов Владимир Викторович
Санкт-Петербургский государственный политехнический университет,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
Vladimir V. Naumov
St.-Petersburg State Polytechnic University
St. Petersburg, Russian Federation
e-mail: vladimir_naumov@mail.ru

И ДУША С ДУШОЮ ГОВОРИТ ... **AND A SOUL TALKS TO A SOUL ...**

Аннотация

Статья является логическим и содержательным продолжением предыдущей публикации автора «Язык чувств: из жизни животных и людей». Анализируется концепт души в религиозном, философском и лингвокультурологическом аспектах. Рассматривается троичность души как единство разума, воли и чувств. Демонстрируется варьирование морально-этических постулатов в разные эпохи. Приводятся критические замечания относительно гендерного фактора в поведении человека, включая речевое поведение. Отстаивается положение об атипичности речи относительно гендерного фактора и, как следствие, невозможность нахождения речевых коррелятов гендерной принадлежности.

Abstract

The current paper is the logical and profound continuation of my previous article «The language of feelings (from animal and people lives)». The present study aims at analyzing religious, philosophical, and lingual-cultural aspects of the concept «soul». It is viewed as the trinity of mind, will and feelings. The variation of moral and ethical postulates in different epochs is demonstrated. Critical comments concerning the factor of gender in human behavior including speech behavior are made. The idea of speech being indifferent to gender and, as a consequence of that, the impossibility of finding speech correlates of gender is advocated.

Ключевые слова: душа, язык, рассудок, психика, мораль, воля, речевая рефлексия, чувства.

Keywords: soul, language, mind, psyche, morale, will, speech reflection, feelings.

1. Душа как триединая сущность

Концепт души в философии, религии и культурологии освещён достаточно полно, хотя общепринятой дефиниции этого феномена на сегодняшний день нет. Платон говорил, что душа и тело существуют отдельно друг от друга. Аристотель трактовал душу и тело как неразрывно связанное единство.

Иудаизм представляет понятие души как независимой от тела сущности, созданной непосредственно Богом. По своей природе душа непорочна; она одухотворяет тело и управляет им. Подобно тому, как Бог наполняет Вселенную, оставаясь невидимым, так и душа наполняет тело человека, будучи невидимой, неосязаемой.

В Христианстве душа – бессмертная нематериальная сущность человека, носитель разума, чувств и воли (троичность души). После смерти человека душа продолжает сознательное вне телесное существование. Её дальнейшая судьба определяется Богом на суде, имеющим два исхода: негативный (ад), другой – позитивный (рай). Следовательно, Христианство (католицизм и православие) а priori наделяют душу человека латентной склонностью к пороку, и, в зависимости от степени (не)порочности покинувшего бrenную Землю человека, отправляют его душу либо в вечно цветущий райский сад, либо в огненное чистилище, к Сатане и его рогатым подручным.

Почему же душа не способна обеспечить всем людям потенциальную возможность загробного райского существования? Какая из трёх составляющих души в большей степени ответственна за те или иные поступки человека, по которым суд Божий его оценивает и выносит соответствующий вердикт? И, наконец, какую роль в этой триаде играет язык, материализующий проявления разума, чувств¹ и воли человека?

2. Лики души: любовь и ненависть

Господь, наделивший людей разумом, позволил им выражать своё отношение к миру и себе подобным посредством чувств. Воля – это регулятивная основа проявления чувств и разума. Она есть не у всех людей. Волевой человек, как правило, сдержан и не проявляет своих чувств до поры до времени. Разум подсказывает ему, когда и кому он может показать своё расположение или неприязнь. Довольно часто, как уже отмечалось, психика индивида, имеющая рефлексивную природу, противодействует разуму и опережает его, заставляя человека следовать реактивным, надволевым посылам души.

Именно этой особенностью человеческой психики, мы обязаны проявлениям такого высшего чувства, как любовь. Не напрасно народная мудрость гласит: «Любовь зла». А зла любовь потому, что:

а) она неразборчива в определении объекта, который может оказаться впоследствии недостойным этого чувства (*Die Liebe sucht des Ihrigen nicht*);

б) любовь это одно из немногих чувств, способных дезавуировать разум и волю, лишив душу двух слоев защиты, обнажив её. Существует ещё одна, расхожая, но достаточно точная формула любви: «Если ты можешь объяснить, за что любишь эту женщину (этого мужчину), значит ты её (его) не любишь». То есть, чувство любви, таким образом, изначально не предполагает работу разума и какой-либо анализ объекта внимания, помимо его

¹ Подробнее о языке чувств см. в нашей предыдущей работе [Наумов, 2015].

внешних данных. Он (объект) принимается целиком, как полотно художника, сразу и безоговорочно. Оценка качества объекта любви имеет место тогда, когда по каким-либо причинам он (она) начинает не соответствовать представлениям любящего (или влюблённого) человека о своём избраннике (-це). В этом случае душа «подключает» разум и волю, которые выводят отношения двух индивидуумов на такой уровень прагматики, который либо позволяет им адаптироваться друг к другу за счёт чувственной (эмоциональной) составляющей, либо стимулирует дальнейшее нарастание неудовлетворённости и разочарования, приводящее к окончательному разрыву.

Качественные характеристики антипода любви, ненависти, столь же сильного по эмоциональной энергии чувства, формируются исключительно разумом. Не бывает беспочвенной, беспричинной ненависти. За редким исключением, когда неприязнь (ненависть) имеет немотивированную основу, обусловленную внутренним состоянием субъекта, эти чувства поддаются рассудочной, волевой оценке. Значит ли это, что гнев, неприязнь, ненависть – те качества, которые всегда адекватны раздражителю (стимулу)? Отрицательный ответ очевиден и не требует особых пояснений.

Внутривидовая агрессия у животных и людей имеет две основных формы: а) открытая демонстрация физического или интеллектуального превосходства особей с высоким социальным статусом; б) латентная агрессия (исподтишка) более слабых индивидов, занимающих подчинённую позицию, но имеющих перспективу изменить своё социальное положение. Именно вторая форма порождает множество завуалированных, хитроумных комбинаций, посредством которых устраняются препятствия, и объект чувственной оценки становится достигаемым и уязвимым. В антропологии широко известен пример из жизни стада шимпанзе, в котором, имевший невысокий социальный статус, молодой самец, неожиданно занял лидирующую позицию. Он нашёл на территории, принадлежавшей семье приматов, пустую железную канистру. Размахивая ею и производя невероятный шум, молодой шимпанзе привёл всё стадо, включая доминирующего самца, в неопишуемый ужас. Выдерживая паузы, он проделывал эту операцию несколько раз, а затем его появление (уже без канистры!) стало вызывать у самок и детёнышей искомый пиетет и подобострастный трепет. Молодой самец добился своего, в нём признали лидера, носителя высокого уровня пассионарности.

Известная пословица «Сила есть, ума не надо» в данном случае не вполне корректна. Разум не является лишним и при наличии силы; он (разум) управляет силой. Когда говорят: «Он дьявольски силен (хитёр, умён и т. п.)», прежде всего, имеют в виду некую сверхспособность интеллекта (разума) и воли, позволяющую данному субъекту выходить за рамки общепринятых представлений о человеческих возможностях.

Следует, однако, заметить, что такого рода оценки далеко не всегда имеют сугубо отрицательные коннотации, хотя ни в одной из известных лингвокультур дьявол, как символ зла и носитель «чёрной» души, не является характеристиками, способными вызвать симпатию.

Тем не менее, «чёрная душа» – феномен не менее интересный и гораздо более сложный, нежели её антипод, с приятными уху и глазу определениями: чистая, светлая, открытая душа, душа нараспашку, голубиная душа. Кстати, по поводу последней в приведённом ряду разновидностей души, ассоциируемой большинством людей с бескорыстием, нежностью и прочими притягательными качествами голубя – символа мира и добра, – суровая правда жизни требует некоторых, весьма нелестных для этой птички уточнений.

В книге Нобелевского лауреата, австрийца Конрада Лоренца «Кольцо царя Соломона» описывается трагическая история, развенчивающая «ангельский» ореол голубя. К. Лоренц рассказывает, как однажды он забыл закрыть перегородку в клетке с двумя горлицами. Прошло совсем немного времени... Когда зоолог вернулся, одна из горлиц была уже мертва. На её горле зияла кровоточащая рана, а на груди поверженной птицы сидела соседка по клетке и выклёвывала ей глаза.

Потенциал зла, заключённый в «чёрной душе», несопоставим по своей реализации с формами и проявлениями добра. Людям со светлой душой и чистыми помыслами нет необходимости вуализировать свои чувства и намерения. Поэтому их вербализация достаточно однозначна, эксплицитна и прямолинейна. Количественные характеристики и вариативность языковых средств, используемых для признания в любви, например, ограничивается лексемным рядом в 3–5 слов. Выражение таких чувств, как неприязнь, зависть, ненависть и тому подобных может иметь в своём арсенале несравненно больший объём вербальных и параязыковых средств, используемых для реализации коммуникативной задачи (интенции) и создания соответствующего текста, способного привести его автора к цели. Весьма показательным примером здесь может стать басня И. А. Крылова «Ворона и лисица». Хитрая лисица получила вожделенный сыр, используя лесть, как комбинацию эксплицитных и имплицитных средств, усыпивших разум вороны: «Голубушка, как хороша!», «Ну что за шейка, что за глазки», «Какие пёрышки, какой носок, и верно ангельский быть должен голосок». Глупая ворона в устах великого баснописца стала, помимо прочего, ещё и иллюстрацией доселе незамеченного литературоведами факта. Слуховые анализаторы представительниц слабого пола выполняют доминирующую функцию и в анализе объектов внешнего мира, привлекающих их внимание, и в самооценке, формируемой аналогичными приведённым выше речевыми экзерсисами партнёров по коммуникации, желающими произвести на своего *vis a vis* впечатление. В остальном можно согласиться с одной из многочисленных трактовок этой басни, согласно которой здесь имеет место противоречие текста и морали. Мораль гласит, что льстить – это плохо, но лисица, которая себя именно так и ведёт, оказывается победительницей! Автор басни не без симпатии показывает, как игриво и остроумно ведёт себя лисица, не осуждая её поведение, а лишь подчёркивая тот факт, что в каждом возрасте и положении, человек по-разному относится к лести и льстецам. Иногда поведение «лисы» кому-то кажется идеалом, а в другой раз – некрасивым поступком. Единственное, что остаётся неизменным во всех ситуациях и возрастах – это

глупость одураченной вороны, к которой И. А. Крылов не испытывает ни малейшего сочувствия.

Причины появления симпатии и антипатии и, как следствие, чувств любви и ненависти, противоположных по содержанию, но идентичных по затратам душевной энергии, могут быть одни и те же. Раздражитель и соответствующая реакция, как правило, возбуждают чувственную природу индивида, выводят его из нейтрального психического состояния, стимулируя, в случае симпатии / антипатии выход положительных или отрицательных эмоций. Чувство (не)приязни к другому человеку обычно возникает сразу. Психика редко даёт возможность разуму и воле взять таймаут и «присмотреться», многократно протестировать объект внимания. Такая ситуация возникает только в случаях длительного и регулярного контакта сторон. Поэтому первое впечатление в большинстве случаев оказывается самым сильным, но, далеко не всегда, самым верным, а, точнее, адекватным. Многое здесь зависит и от поведения самого объекта. Оценка может быть завышенной в ту и другую сторону, если объект заметил наблюдение и приложил усилия по коррекции своих действий, дабы усилить чувство симпатии и произвести на своего партнёра максимально положительное впечатление, либо как-то нивелировать вызываемые у другого человека негативные ощущения от своей персоны.

Существенное значение в обоих случаях имеет форма проявления чувств. Тихо (молча) любить и ненавидеть значительно сложнее, поскольку на это затрачивается гораздо больше нервной энергии. Эмоциям нужен выход. Если он закрыт по тем или иным причинам, то вероятность «взрыва» более высока в случае неприязненного отношения. Вербализация негатива «очищает» человека, снимает груз с его души в не меньшей степени, чем признание в любви. Разница лишь в производимом эффекте и ответной реакции. Объект любви ограничен двумя формами ответа: «да» и «нет». Объект ненависти, как уже отмечалось, обладает большим потенциалом вербальных и невербальных средств, используемых в ответ на негативный стимул. Вероятно, именно ситуация конфликта чувств породила формулу: «Язык мой – враг мой».

3. «Язык мой – враг мой»

Речевая рефлексия, порождаемая работой неконтролируемых сознанием участков мозга, способна привести участников противостояния к непредсказуемым последствиям. Но язык не является врагом сам по себе; это функция делегируется ему чувствами (психикой), которые минимизируют контроль сознания в реализации вербальных и невербальных средств в ситуациях с повышенным эмотивным фоном.

Известное выражение Ф. И. Тютчева «Мысль изречённая есть ложь» верно лишь отчасти. Ложь – это затратная по времени, энергоёмкая мыслительная операция, требующая подбора соответствующих речевых и паразыковых коррелятов. Однако далеко не всегда участник коммуникации, имеющий намерение обмануть своего визави, способен это сделать. Рече-

вая рефлексия не даёт возможности человеку говорящему (в большей степени) и человеку пишущему (в меньшей) «спрятаться», завуалировать те характеристики своего «Я», которые представляют автора в невыгодном свете. Эгоцентризм коммуникации обнажает языковую личность. Носитель языка, как правило, задумывается над тем, что сказать, но не над тем, как это сделать. Это правило имеет исключения, но они достаточно редки. В речевой деятельности не принято отступать от имеющихся стандартов реализации языковых единиц, имеющих соответствующую шкалу социальных оценок. Перефразируя К. Гирца, можно сказать, что человек – это животное, безнадежно зависящее в упорядочении своего поведения от обстоятельств, которые определяют чувственный фон коммуникации. Чувства в речевой деятельности играют ключевую роль. Воля и мышление второстепенны; они лишь средства достижения цели.

Принципиальное значение в выборе языковых средств и способе реализации коммуникативного намерения имеет форма контакта: слуховой и визуально-слуховой. Речевое поведение с визуальной поддержкой и без таковой в нейтральном эмоциональном фоне может существенно отличаться и по форме и по содержанию. Совместная работа зрительных и слуховых анализаторов упрощает процесс выбора вербальных языковых средств ещё и потому, что довольно часто в качестве заместителей, необходимых для данной речевой ситуации языковых средств, выступают жесты и мимика.

Речевые характеристики собеседников, лишённых возможности видеть друг друга, более развёрнуты и нормативны, поскольку слуховые анализаторы обязаны обеспечить адекватное восприятие и понимание речевого материала, что, в свою очередь, требует строгого и осознанного контроля в отборе и реализации языковых структур. Следует заметить, что данная зависимость в одинаковой мере приложима к истинной и (или) ложной информации. Говорящий, как правило, заинтересован в однозначной интерпретации своего высказывания собеседником. Степень «результативности» речевого посыла здесь всецело зависит от самой личности, её умения найти оптимальное (т. е. максимально приемлемое для партнёра) соотношение плана содержания и плана выражения высказывания. В речевой деятельности не принято отступать от имеющихся стандартов реализации языковых единиц, имеющих соответствующую шкалу социальных оценок. Однако объективность и произвольность речи не мешает каждому человеку отбирать и накапливать свой индивидуальный инвентарь способов и форм речевого производства. Так формируются речевые привычки, характеризующие личность так же, как её антропологические данные. Речевые привычки формируют основу дискурса носителя языка. Именно поэтому в социолингвистике существует ещё одно их название – речевой паспорт. Сходство речевого паспорта с документом, удостоверяющим личность, практически абсолютное. Вербальные и параязыковые средства, используемые индивидом в речевой деятельности, не претерпевают принципиальных изменений в течение всей жизни, несмотря на то, что языковая личность это, все же, многослойный «пирог». Его качества – характеристика переменная, зависящая от вкусовых предпочтений гетерогенной языковой среды, в кото-

рой пребывает индивид и под которую он вынужден подстраиваться. Среднестатистический носитель языка способен использовать в своём дискурсе несколько языковых субкодов, позволяющих ему чувствовать себя «своим» в социально неоднородных группах. С одной стороны это обеспечивает индивиду коммуникативный комфорт, с другой – речевая многоликость порождает конфликт чувств и разума, уродующий душу, выхолащивающий её изначальную непорочность и чистоту.

4. Метаморфозы души

Язык в этом случае адаптируется в соответствии с изменившимися обстоятельствами и следует в указанном направлении, сообразно душевным (чувственным) метаморфозам индивида. Вряд ли можно найти в отечественной литературе лучшую иллюстрацию указанной ситуации, нежели судьба героя романа И. А. Гончарова «Обыкновенная история». Сценическая версия этого произведения в театре «Современник» (режиссёр Г. Волчек, 1973 г.) с феноменальной точностью отражает всю палитру трансформации провинциального мечтателя и романтика – Александра Адуева в бездушного столичного чиновника средней руки. Чувственный коллапс взамен на социальное благополучие – это многоходовая комбинация, требующая коренной перестройки личности, изменения её формы и содержания. Внешность – милые черты лица главного персонажа в исполнении О. Табакова, постепенно приобретающие отталкивающий облик «кувшинного рыла», костюм, поза, язык в вербальной и паравербальной формах, смена круга общения и социальных приоритетов. Всё это полностью соответствует этапам личностного самоуничтожения героя, его превращения в функционера, человека дела и расчёта, мало чем отличающегося от своего наставника – дяди, Петра Адуева, выписанного автором романа с нескрываемой симпатией. Приведём ключевой диалог этих персонажей, раскрывающий механизм взаимодействия составляющих души: «По-вашему, и чувством надо управлять, как паром, заметил Александр, – то выпустить немного, то вдруг остановить, открыть клапан или закрыть... «Да, этот клапан не даром природа дала человеку. Это рассудок».

Младший Адуев принимает эту позицию, осознавая, что таково веление времени. Вечная проблема выбора между чувством и разумом определяла и определяет содержание человеческой жизни.

В другом романе «Обломов» И. А. Гончаров уже не столь явно и однозначно разделяет позицию представителя новой экономической формации – Штольца. Чувственные порывы главного героя вызывают у читателя симпатию. Ирония И. А. Гончарова к душевным порывам молодого Саши Адуева, в отношении Обломова, кажется автору романа неуместной, а напористость и деловая хватка Штольца уже не воспринимается как нечто экстраординарное. Скорее наоборот, Гончаров противопоставляет своих героев, не выказывая явного расположения к одному из них. Оба – достойные представители своих социумов, по-своему управляющие «паром». И «клапаны» у них по-разному работают.

Баланс (или дисбаланс) между рассудком и чувствами обеспечивает волей, третьей составляющей человеческой души. Дефицит воли компенсируется у Обломова чувственностью, душевностью. Ему и в рассудке не откажешь, но это рассудок человека, кредом которого является «*vita contemplativa*» (жизнь созерцательная). Жизненная позиция Штольца базируется на действии, созидании. «*Vita creativa*» без волевого начала не продуктивна. Рассудок в данном случае повинуется воле индивида, хотя далеко не всегда волевой посыл приносит желаемый результат.

5. «Хотеть ещё не значит – мочь»

«Хотеть ещё не значит – мочь» – гласит немецкая поговорка. В жизни каждого человека бывают ситуации и поступки, которые с трудом поддаются объяснению. «Душа просит» – это, пожалуй, единственный и невнятный мотив, заставляющий совершать не только благовидные действия, но и поступки, противоречащие здравому смыслу. Душа просит, а мозг, как правило, выполняет просьбу, не квалифицируя её с позиций нравственности и морали, минуя (или подавляя) волевое начало. Ницше говорил: «Мораль заставляет отдельного человека быть функцией стада и только в качестве такового воспринимать себя как нечто значимое». Аморальный поступок всегда вызывает порицание. Поступок или действие, не выходящие за рамки морали вообще, не замечаются, поскольку они считаются нормой поведения, некими правилами бытия, установленными группой индивидов, посчитавших достойными подражания именно эти (а не другие) этические постулаты. А если это был ошибочный выбор? Кроме того, «нравственное совершенство есть дело личных усилий и личной совести отдельного человека» [Лотман, 1988]. То есть, мораль, нравственность – это категории единичного. Не бывает нравственных и безнравственных социумов, но имеют место: а) общества, в которых морально-этические постулаты являются произвольно сформировавшимися способами бытия, передаваемыми от поколения к поколению, и приобретающими статус менталитета нации; б) общества, в которых мораль насаждается государством и является идеологическим средством реализации государственной политики. В первом случае нравственные правила имеют и общечеловеческую ценность (не убий, не укради, не прелюбодействуй и т. д.) Они не подвергаются ревизии, а их несоблюдение ведёт к распаду общества. Но вот что странно: разложению и нравственной деградации социума в не меньшей мере способствуют попытки создания государством своих, особенных норм общественного бытия. Моральный кодекс строителя коммунизма, на мой взгляд, следует считать одним из наиболее циничных примеров государственного насилия над сознанием и волей нескольких поколений граждан нашей бывшей Родины. Идеологизированные постулаты кодекса, не имевшие ничего общего с действительностью, привели к формированию двойной морали всех слоев общества, государственных институтов, ответственных за внедрение этих правил поведения в общественное сознание людей.

Основой советской (и постсоветской) ментальности становится равнодушие, и безучастность не только в отношении государства, но в межличностных отношениях. Институт семьи претерпевал существенную качественную реструктуризацию и переоценку семейных отношений. Более половины браков в 70–80 г.г. прошлого столетия распались в течение первых пяти лет. Конфликт отцов и детей, как следствие безнравственного, поспешного решения вступить в брак, усугублялся и трансформировался в неприятие духовных ценностей одного поколения другим, безучастное, равнодушное отношение к близким, природе, стране.

Как квалифицировать равнодушие с позиций морали? Можно ли считать равнодушие аморальным состоянием индивида, изъяном его души? Ровная, бесконфликтная душа Обломова не дала ему счастья, но дала ему покой. Карамзин подчёркивал, что бесконфликтность присуща русскому человеку:

«Как в иных землях алчная любовь к корысти, так у нас Христианская любовь к тихой, безмолвной жизни» [Карамзин, 2002].

Да, действительно, равнодушные люди не мешают другим творить добро и зло. А неравнодушие нередко приносит беспокойство и сумятицу. Порывы души желающих Вам помочь людей, могут принести больше вреда, чем пользы. «Не делай добра, не поимеешь зла!» – народная мудрость, не лишённая здравого смысла, хотя и противоречащая советским моральным устоям. Основываясь на личном жизненном опыте, рискну видоизменить приведённую сентенцию: «Не делай добра, пока тебя об этом не попросят». Приведу бытовой пример, показывающий, что сдержанность порывов души иногда полезнее её безудержности. Лето 2014 г. на Северо-Западе выдалось жарким. В июне я ещё был занят на работе в Петербурге и приезжал на дачу, в деревню (Новгородская обл.) только на выходные. Моя соседка, которая в моё отсутствие присматривает за домом и огородом, добрая и отзывчивая женщина, проживает в деревне постоянно. Увидев, как зарос мой огород, она решила его прополоть. На одной из грядок у меня было посажено диковинное для тех мест растение (амарант), салатная культура красноватого цвета. Несложно предположить, что добродушная женщина приняла амарант за сорняк и выдернула его вместе с другой травой.

Есть и более впечатляющие свидетельства душевных и телесных страданий, вызванных «благими» намерениями и желанием прийти на помощь. Вспомним в этой связи ещё одну басню И. А. Крылова «Пустынный и медведь». Медведь, охраняя сон своего приятеля, взял булыжник и убил муху, севшую на лицо несчастного путника. Мораль басни – «Услужливый дурак опаснее врага» – обусловила появление в русской и европейской лингвокультуре фразеологизма «оказать медвежью услугу», то есть вместо желаемой пользы и добра принести вред и зло.

6. Есть ли у души пол?

Очевидно, не всё, что рождается в душе, должно выходить за её пределы и материализоваться рассудком в какие-либо действия. Воля, как сдерживающее начало, способна быть буферной зоной между чувствами и

рассудком, ограничивающей душевную креативность только осмысленными деяниями индивида. Это формальная схема взаимодействия трёх составляющих души. Но её реализация сугубо индивидуальна и ситуативна.

Определить сиюминутное состояние души человека не представляет большого труда. Предугадать динамику душевного состояния практически невозможно вследствие функционального дисбаланса в работе полушарий мозга: одно (левое) из которых управляет разумом, а второе (правое) – эмоциями и чувствами. Речевой центр (зона Брока – речепроизводство и зона Вернике – восприятие речи) локализован в левой части мозга и ответственен за приём, обработку информации и соответствующей (вербальной или невербальной) реакции, которая может быть весьма неоднозначной: от нейтральной до аффектированной. Форма и содержание реакции в значительной мере определяется психотипом личности, предпочитающим более или менее затратный уровень чувственной энергии, необходимой для её трансформации в звуковую или графическую субстанцию. Если видимый (слышимый) результат отсутствует, то и верификация чувственных проявлений часто бывает затруднена. Есть ещё один аспект, имеющий непосредственное отношение к душевным переживаниям, обусловленными гендерными различиями. Распространённое мнение о том, что женская душа тоньше, чувственнее, базируется на известной, но не общепринятой, позиции нейрофизиологов, согласно которой за поведение женщины и мужчины ответственны разные полушария головного мозга. Оппоненты гендерного фактора человеческого поведения в качестве основного аргумента приводят присущую женщинам осторожность и взвешенность в принятии решения, требующие аналитических способностей, реализуемых левой («мужской») частью мозга. Не этим ли обстоятельством объясняется тот факт, что на большинстве сборочных линий автомобильных концернов и предприятий другого профиля, предполагающих последовательную и точную работу, заняты женщины?

Столь же неоднозначно трактуются, якобы, существующие различия в речи женщин и мужчин. Лет 10–15 назад речевая гендерология считалась одной из наиболее актуальных проблем отечественной лингвистики. В головном ВУЗе (МГЛУ) выпускался ежегодный сборник, посвящённый анализу формы и содержания мужского и женского дискурса. Было опубликовано несколько монографий, посвящённых гендерным вопросам речи (см., напр., монографию А. В. Кирилиной «Гендер: лингвистические аспекты» [Кирилина, 1999]). Примечательным является тот факт, что авторами большинства работ со времён Аристотеля в этом направлении были женщины. Сейчас уже мало кто вспоминает об искомой речевой самостоятельности женского и мужского дискурса. Очевидно, что исходная идея была порочной и непродуктивной.

Внутренний механизм языка, представленный взаимодействием психики и мышления, порождает языковую систему, обладающую безграничными возможностями репрезентации рационального и иррационального в речевой деятельности человека. Однако процесс трансформации психической энергии в звуковую субстанцию регламентирован системой языка.

Язык не допускает не санкционированных системой вольностей. Индивидуальные и социальные характеристики речи – это совокупность стереотипов, определяющих характер отношений узуса и нормы и формирующих в языковом коллективе неоднородные группы, представленные носителями различных субкодов (подъязыков). Э. Сепир заметил, что «всякое человеческое поведение включает в себя одинаковые в своей основе типы ментальной деятельности – как сознательные, так и бессознательные» [Сепир, 1993], имея в виду, прежде всего, социальную природу ментальности. Гендер не имеет прямого отношения к менталитету, как социальному феномену. Основой гендерных различий является физиология, формирующая два основных психофизических типа с соответствующим набором релевантных признаков. Речь не может представлять ни один из этих типов особым образом, поскольку она (речь) атипична по определению. Именно поэтому распределять языковые роли по гендерной принадлежности и пытаться наполнять их соответствующими речевыми корелятами представляется а priori невыполнимой задачей.

Речевой портрет носителя языка многолик настолько, насколько это необходимо данному индивиду для той или иной формы социального поведения. Чувственное ощущение языка позволяет его носителю инстинктивно находить нужные речевые структуры и создавать из них высказывание, текст. Аналогичным (бессознательным) способом выстраивается и план выражения языкового знака. Звуковой материал в полном объёме находится в оперативном и повседневном распоряжении носителя языка, считающим этот процесс самоочевидным и таким же естественным, как удовлетворение других бытовых и естественных надобностей. Но пользователь языка даже представить себе не может, насколько сложна и многообразна языковая материя, сколь тонок механизм взаимодействия её элементов, какая продолжительная и, порой, драматическая история становления звукового строя предшествовала его нынешнему состоянию. Сепир очень точно определил различия в статусе носителя и не носителя языка, их отношений к звуковому строю: «Действительно, мы находимся до такой степени во власти своих фонетических навыков, что одной из самых трудных задач для человека, изучающего язык, является выявление истинной звуковой структуры чуждого для него языка» [Сепир, 1993, с 606].

Список литературы

1. Лоренц, К. Кольцо царя Соломона [Текст] / К. Лоренц. – М. : Знание, 1970. – 224 с.
2. Кирилина, А. В. Гендер: лингвистические аспекты [Текст] / А. В. Кирилина. – М., 1999. – 155 с.
3. Крылов, И. А. Басни [Текст] / И. А. Крылов ; вступ. ст. В. Г. Белинского. – Санкт-Петербург : Лениздат : Команда А, 2014. – 256 с.
4. Наумов, В. В. Язык чувств: из жизни животных и людей [Текст] / В. В. Наумов // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2015. Вып. 1. – № 2. – С. 71–84.
5. Ницше, Ф. Веселая наука [Текст] / Ф. Ницше / Пер. с нем. М. Кореновой, С. Степанова, В. Топорова. – СПб. : Издательский Дом «Азбука-классика», 2007. – 352 с.

6. Лотман, Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь : кн. для учителя [Текст] / Ю. М. Лотман. – М. : Просвещение, 1988. – 352 с.
7. Карамзин, Н. М. История государства Российского [Текст] / Н. М. Карамзин. – М. : Эксмо, 2002. – 1024 с.
8. Сепир, Э. Бессознательные стереотипы поведения в обществе [Текст] / Э. Сепир // Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 1993. – С. 594–610.

References

1. Lorenc, K. Kol'co carja Solomona [Текст] / K. Lorenc. – М. : Znanie, 1970. – 224 s.
2. Kirilina, A. V. Gender: lingvističeskie aspekty [Текст] / A. V. Kirilina. – М., 1999. – 155 s.
3. Krylov, I. A. Basni [Текст] / I. A. Krylov ; vstup. st. V. G. Belinskogo. – Sankt-Peterburg : Lenizdat : Komanda A, 2014. – 256 s.
4. Naumov, V. V. Jazyk chuvstv: iz zhizni životnyh i ljudej [Текст] / V. V. Naumov // Teoretičeskaja i prikladnaja lingvistika. – 2015. Vyp. 1. – № 2. – S. 71–84.
5. Nicshe, F. Veselaja nauka [Текст] / F. Nicshe / Per. s nem. M. Korenevoj, S. Stepanova, V. Toporova. – SPb. : Izdatel'skij Dom «Azбуka-klassika», 2007. – 352 s.
6. Lotman, Ju. M. V shkole pojetičeskogo slova: Pushkin, Lermontov, Gogol' : kn. dlja učitelja [Текст] / Ju. M. Lotman. – М. : Prosveshhenie, 1988. – 352 s.
7. Karamzin, N. M. Istorija gosudarstva Rossijskogo [Текст] / N. M. Karamzin. – М. : Jeksmo, 2002. – 1024 s.
8. Sepir, Je. Bessoznatel'nye stereotipy povedenija v obshhestve [Текст] / Je. Sepir // Izbrannye trudy po jazykoznaniju i kul'turologii. – М., 1993. – S. 594–610.

УДК 81'342.9
UDC 81'342.9

Пиотровская Лариса Александровна
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
Larisa A. Piotrovskaya
Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation
e-mail: larisa11799@yandex.ru

**ИНТОНАЦИЯ ТЕКСТА И РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ:
ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
TEXT INTONATION AND LANGUAGE BEHAVIOUR:
THE PSYCHOLINGUISTIC ANALYSIS**

Аннотация

В статье предлагается анализ интонационного оформления текста в процессах порождения и восприятия речи. Основой психолингвистического подхода является теория Н. И. Жинкина, который ввёл понятия внутреннего текста и текстового смысла. Рассматривается роль синтагматического членения фраз, структуры мелодического и темпорального контура, а также акцентного выделения. В процессе порождения устной речи говорящий выбирает интонационное оформление, адекватное смыслу не только внешнего, но и внутреннего текста. Неадекватное интонационное выражение текстового смысла говорящим может создать существенные помехи в процессе восприятия устной речи.

Abstract

The paper is devoted to the analysis of text intonation during speech production and speech perception. The background of psycholinguistic approach is N. Zhinkin's theory, specifically the notions of internal text and text sense. The role of sense-group segmentation, structure of pitch pattern, temporal pattern and specific type of phrasal stress, that is stress shift, are examined in the current paper. The speaker chooses intonation arrangement of text sense during oral speech production that must be adequate not only to external text but to internal text as well. Inadequate intonation arrangement of text sense might create considerable difficulties in the process of oral speech perception.

Ключевые слова: интонация, смысл текста, синтагматическое членение, мелодика, темп, акцентное выделение.

Keywords: intonation, text sense, sense-group segmentation, speech melody, speech tempo, stress shift.

1. Интонация высказывания vs интонация текста

Рассмотрение роли интонации в речевой деятельности предполагает, на наш взгляд, во-первых, обоснование положения о том, что интонация связана именно с текстом, а не с изолированным предложением-высказыванием; во-вторых, исследование роли интонации в процессах порождения и восприятия речи в тесной связи с категорией смысла текста.

Основы изучения интонации во взаимосвязи с речевой деятельностью были заложены Л. В. Щербой в его теории синтагмы. Из определения синтагмы как «фонетического единства, выражающего единое смысловое целое в процессе речи-мысли» [Щерба, 1963, с. 8], следуют два вывода. Во-первых, устная речь не может быть интонационно не оформленной, поэтому определённый смысл выражается просодическими средствами говорящим и декодируется слушающим. Во-вторых, говоря о речевой деятельности, корректнее было бы использовать словосочетание «речемыслительная деятельность».

Цель речемыслительной деятельности говорящего и слушающего обусловлена природой речевого общения, которое, по словам Л. С. Выготского, «основано на разумном понимании и на намеренной передаче мысли и переживаний» [Выготский, 1996, с. 16]. Следовательно, цель говорящего – сделать свои мысли, чувства и волеизъявления достоянием сознания другого человека, а цель слушающего – по возможности адекватно понять их.

Важным считаем вопрос о том, что является основой интонационного оформления речи – предложение-высказывание или текст. В работах интонологов наряду с синтагмой называется предложение-высказывание, то есть минимальная коммуникативная единица. Не отрицая, что интонация делает некий отрезок внешней речи высказыванием, обращаем внимание на ключевое положение в концепции Л. В. Щербы: «Именно ситуативность интонационно-смысловой единицы, её гибкость, минимальность для данного контекста и данной ситуации <...> – революционный момент в теории синтагмы Л. В. Щербы» [Светозарова, 1982, с. 26–27]. Из неразрывной связи синтагмы с контекстом и ситуацией следует вывод, что и синтагма, и предложение-высказывание приобретают смысл только в тексте.

Разные лингвисты обосновывали это положение при обсуждении различных вопросов. В. В. Виноградов обращал на это внимание, выявляя природу вариантного синтагматического членения: «Если взять одно какое-либо предложение, вырванное из контекста, то по отношению к нему можно лишь экспериментально, так сказать, ставить вопрос: как оно может быть расчленено на синтагмы в зависимости от своей семантики, от своего социального назначения и своего осмысления; какие значения и оттенки значений в этом предложении связываются с тем или иным возможным его синтагматическим членением» [Виноградов, 1950, с. 248]. Иными словами, так как синтагма представляет собой минимальную интонационно-смысловую единицу, то просодическое выражение смысла высказывания осуществляется в пределах более крупного целого, чем предложение. В отечественной интонологии это положение последовательно отстаивает Т. М. Николаева: «Будучи даже изолированным, высказывание входит – в своём актуальном воплощении – в некий законченный коммуникативный комплекс – текст» [Николаева, 1977, с. 29]. В. А. Звегинцев делает этот же вывод при обсуждении теоретического вопроса о сущности предложения как единицы языка и речи. Поскольку «речевое» предложение, извлечённое из текста, теряет смысл, В. А. Звегинцев называет его «псевдопредложением», имеющим «псевдосмысл» [Звегинцев, 2001, с. 193].

Итак, **положение о зависимости смысла высказывания от текста** является для нас принципиальным. Ответ на вопрос, что именно следует понимать под текстом, связан с определением специфики категории смысла в сравнении с категорией значения. Разграничение понятий «значение» и «смысл», на котором настаивают многие лингвисты и психологи (напр., А. В. Бондарко, Л. С. Выготский, Н. И. Жинкин, В. Б. Касевич, С. Д. Кацнельсон, Е. С. Кубрякова, А. А. Леонтьев, А. Н. Леонтьев и др.), связано с идеей стратификации семантики в аспекте соотношения языковых и мыслительных категорий: значение определяется как объективная категория, отражающая социально закреплённое содержание конвенциональных языковых знаков, а смысл («речевой смысл», «субъективный смысл», «личностный смысл») – как субъективная категория, характеризующая значимость соответствующего объекта (фрагмента) действительности в деятельности субъекта.

Смысловая несамостоятельность отдельного предложения-высказывания обусловлена тем, что смысл возникает только в процессе установления смысловых связей между различными компонентами, лишь часть которых выражается вербально.

Н. И. Жинкин вскрывает природу смысловых связей с позиций теории универсально-предметного кода. Механизм коммуникации предполагает «перспективу развития мысли»: «...в тексте не только содержится то, что сказано в данный момент, но и должно учитываться то, что было сказано раньше, и предполагается то, о чём следует сказать в дальнейшем. Это и есть операция УПК [универсально-предметного кода. – Л. П.], которая не применима к отдельно взятому предложению, а ведёт к раскрытию текста вперёд и назад до бесконечности» [Жинкин, 1982, с. 94]. Связь внешней и внутренней речи объясняет следующий вывод: «Всякое грамматически правильное предложение содержит смысловые связи. Больше того, нельзя намеренно составить такое грамматически правильное предложение, в котором не было бы смысловых связей» [Жинкин, 1982, с. 100]. Смысл, таким образом, как мыслительная категория, отражая процессуальный характер речемыслительной деятельности говорящего и слушающего, и обеспечивает «перспективу развития мысли».

Из сказанного следует вывод о том, что как выражение смысла в процессе порождения речи, так и понимание смысла в процессе восприятия речи требует «выхода» за рамки внешнего текста, поскольку смысл формируется при погружении внешнего текста в более широкий контекст, который Н. И. Жинкин называет внутренним текстом: «Внутренним текстом можно назвать внутреннюю речь, задумывающую высказывание, или догадку о том, что задумал партнёр» [Жинкин, 1982, с. 109–110]. Иначе говоря, смысл возникает при установлении связей минимум двух высказываний, одно из которых не всегда выражено во внешней речи, но с необходимостью учитывается и говорящим, и слушающим.

Таким образом, изучение когнитивной категории смысла предполагает более широкое понимание текста по сравнению с тем, которое сложилось в лингвистике текста. Вычленение относительно самостоятельных

сверхфразовых единств (ССЦ) основано, прежде всего, на внешних связях с учётом связей внутренних, смысловых. Поэтому под текстом понимается отрезок внешней речи, больший, чем предложение, а основной проблематикой лингвистики текста является изучение «грамматики текста», то есть категории связности текста. Если же учитывать и вторую категорию текста – цельность, связанную с понятием смысла текста, то её специфика требует учёта и внешнего, и внутреннего текста. При этом размеры внешнего текста не являются определяющими, поскольку **любой внешний текст всегда является лишь частью внутреннего текста**, а мыслительная составляющая процессов порождения и восприятия речи состоит в актуализации соответствующих смысловых связей.

Н. И. Жинкин вводит понятие **текстового смысла**: «Текстовый смысл – это интеграция лексических значений двух смежных предложений текста. Если интеграция не возникает, берётся следующее смежное предложение, и так до того момента, когда возникает смысловая связь этих предложений» [Жинкин, 1982, с. 84–85]. Н. И. Жинкин также подчёркивает, что положение о текстовом смысле остаётся в силе и тогда, когда во внешней речи имеет место однословное высказывание: «В речи, обращаясь к партнёру, мы предполагаем, что он поймёт наше обращение без специальных разъяснений, если эти предложения очевидны из наличной обстановки общения или из ранее бывших высказываний» [Жинкин, 1982, с. 88].

Таким образом, текстовый смысл формируется в результате работы интеллекта, интегрирующего в единое смысловое целое некоторую долю внешнего и внутреннего текста; для текста, представляющего собой последовательность предложений, значим и внешний, и внутренний текст; для текста, равного одному предложению, это лишь внутренний текст.

Н. И. Жинкин рассматривает проблему смысла текста в органическом единстве с его интонационным оформлением: «Интонация возникает в самом процессе коммуникации, то есть в тексте, а не в предложении. Нельзя заранее предсказать, какой будет интонация данного предложения. Вот почему акустические записи отдельных предложений, иногда рекомендуемые при обучении иностранному языку, недостоверны» [Жинкин, 1982, с. 110]. Данное положение не противоречит статусу интонации как языкового явления, поскольку речь идёт о выборе говорящим в процессе порождения речи интонационного оформления внешней речи, адекватного текстовому смыслу: «Интонация связывает текстовые компоненты в единый динамический поток, который образует устойчивое равновесие в процессе разговорной [имеется в виду «устной». – Л. П.] коммуникации» [Жинкин, 1982, с. 110]. Более того, Т. М. Николаева, доказывая, что интонационный уровень обладает своими формальными и смысловыми единицами, подчёркивает, что фразовая интонация может исследоваться только в рамках грамматики текста, которая «состоит из трёх компонентов: 1) содержательных текстовых категорий, 2) текстовых единиц, 3) текстовых средств» [Николаева, 1977, с. 30]; при этом среди «текстовых средств» интонации отводится ведущее место. Итак, интонация как составная часть грамматики текста выражает смысловые отношения между синтагмами и фразами.

Говоря об изучении интонационной составляющей процесса порождения речи, Т. М. Николаева отмечает, что описать последовательность процесса «язык – установки – средства – высказывание» и цикличность (рекурсивность) этого процесса» является задачей психолингвистики [Николаева, 1977, с. 29]. Поскольку Н. И. Жинкин рассматривает интонацию текста именно с этих позиций, теоретической основой обсуждения второго аспекта избранной проблемы является именно его концепция.

2. Психолингвистические основы исследования интонации текста

Исходя из положения о том, что **интонация возникает в процессе речемыслительной деятельности говорящего**, Н. И. Жинкин обращается к вопросу контроля интонационного оформления внешней речи: «Трудность регулировки интонации в просодии состоит в том, что говорящий, имея подготовленный замысел [текста. – Л. П.], должен интуитивно учесть двойственность управления и подчиниться только смысловому замыслу, а не автоматической динамике произносительных навыков» [Жинкин, 1982, с. 90].

Данное положение коррелирует с системой уровней осознаваемости, разработанной А. Н. Леонтьевым на основе схемы неврологических уровней, предложенной Н. А. Бернштейном, и дополненной А. А. Леонтьевым [Леонтьев, 1965, с. 123 и сл.]: актуальное сознание, сознательный контроль, бессознательный контроль и неосознанность. Каждому из этих уровней соответствует своя психолингвистическая единица – соответственно предложение-высказывание, в аспекте смысловой связности; «слово-квант» как семантическая (в понимании Л. С. Выготского) единица; «фазическое слово» (также в понимании Л. С. Выготского) и слог как минимальная произносительная единица. То, что Н. И. Жинкин определяет как «автоматическую динамику произносительных навыков», и есть низший уровень – уровень неосознанности. Операции, осуществляемые в процессе порождения речи на данном уровне, – это элементарные речедвижения и системы, обеспечивающие динамику речи, в частности регулировку дыхания. Дыхание, регулируемое автоматически, физиологическое; в процессе же порождения речи синтагматическое членение устной речи должно регулироваться речевым дыханием. Поскольку смысл порождаемого текста актуально сознается, то **«регулировка» интонации в процессе порождения устной речи также должна находиться на высшем уровне осознаваемости** (следует иметь в виду смысл предложения-высказывания как неотъемлемой части внутреннего и внешнего текста). Таким образом, «двойственность управления» в процессе регулировки интонации обусловлена несоответствием между физиологическим и речевым дыханием.

Речевое дыхание определяет деление устной речи на синтагмы, поэтому размер синтагм и интонационное оформление каждой синтагмы зависит от текстового смысла, от перспективы развития мысли. Задача говорящего – выбрать такое интонационное оформление своей речи, которое позволит слушающему адекватно понять текстовый смысл.

Перейдём к анализу некоторых аспектов интонационного оформления внешней речи, значимых с точки зрения выражения текстового смысла.

3. Степень дробности синтагматического членения

В процессе восприятия устной речи слушающий в некоторой степени является «заложником говорящего», который задаёт смысловое квантование внешней речи. Это не умаляет активного характера процесса восприятия речи – формирования текстового смысла. Однако если устная речь говорящего расчленена на синтагмы неадекватно, процесс формирования текстового смысла по объективным причинам затруднён; текстовый смысл может быть понят слушающим, но это потребует от него переструктурирования внешней речи. Главным условием осмысленного синтагматического членения речи говорящим является, на наш взгляд, наличие целостного замысла текста и его расчленённость на «смысловые блоки». Неадекватное синтагматическое членение внешней речи говорящим может быть следствием незавершённости процесса расчленения общего замысла текста или сбоя на этапе контроля.

С точки зрения процесса восприятия речи изложенное понимание роли синтагматического членения речи коррелирует с механизмом смыслового восприятия высказывания, описанным И. А. Зимней [Зимняя, 1976]: понимание смысла высказывания начинается с отождествления слова, после чего принимается решение о смысловом звене, затем – о связях между смысловыми звеньями, наконец, происходит «смыслоформулирование». Думается, что решение о смысловом звене в большой степени предопределяется синтагматическим членением внешней речи говорящим, поскольку понятие смыслового звена соответствует понятию синтагмы как минимального смыслового целого. При выделении смыслового звена (точнее, при объединении той или иной последовательности слов в одно смысловое звено) слушающий опирается на все фонетические признаки синтагмы: единство мелодического, динамического и темпорального контуров. Напомним, что функция синтагматического ударения, располагающегося обычно на последнем слове синтагмы, как об этом писал Л. В. Щерба, состоит в объединении определённой последовательности слов в одну синтагму, поэтому можно говорить и о делимитативной его функции.

Неадекватное выделение смысловых звеньев в процессе смыслового восприятия речевого сообщения, на наш взгляд, не всегда свидетельствует о сбое в смысловом восприятии, так как оно может быть вызвано синтагматическим членением речи говорящего.

4. Мелодический контур и смысл текста

Другая причина, которая может привести к затруднениям в выделении смысловых звеньев, связана со структурой мелодического контура синтагмы.

Сложная структура мелодического контура синтагмы обусловлена наличием не только общего направления мелодической кривой (повышение / понижение тона / относительно ровный тон), но и другими составляющими, незначимыми для смысла: флюктуациями, отличающими естественную речь от синтезированной, и незначительными изменениями частоты основного тона на отдельных фонетических словах [Светозарова,

1982, с. 37 и сл.]. Если же последние изменения станут более выраженными, это может привести к разрушению мелодического контура, вследствие чего слушающий не сможет определить, какая последовательность слов выражает единое смысловое целое.

Роль мелодики в выражении различных смысловых отношений описана в работах интонологов достаточно полно. Прежде всего, речь идёт об отношениях незавершённости / завершённости, связности / несвязности, выражаемых соответственно повышением / понижением тона. Т. М. Николаева считает мелодику «наиболее “синтаксическим” компонентом интонации, ориентированным на демонстрацию связности высказываний в пределах коммуникативного акта» [Николаева, 1977, с. 14]. На материале сложного предложения она доказала, что мелодика играет ведущую роль в выражении таких смысловых отношений, как сопоставление, противопоставление, смысловое равновесие, пояснение, следствие и других [Николаева, 1979].

Ярким подтверждением того, что выбор повышения / понижения тона непосредственно связан с категорией текстового смысла, является неадекватное сочетание мелодических контуров в составе многосинтагменной фразы и текста в целом при ответе студента на экзамене по «списанному» вопросу. Это обусловлено тем, что вербальное выражение получают «чужие мысли», не ставшие достоянием сознания говорящего; при механическом воспроизводстве речи отсутствует мыслительная составляющая.

В естественном процессе порождения речи отношения смысловой связности, по нашим наблюдениям, по-разному выражаются в монологической и диалогической речи.

Смысловая связность в монологической речи выражается не только разными типами повышения тона, но и особой разновидностью понижения тона, называемого неглубоким, которое выражает относительную смысловую завершённость.

Уточним понятие относительной смысловой завершённости с опорой на понятие текстового смысла. Н. И. Жинкин ввёл понятие замысла целого текста и представил процесс порождения текста как развёртывание текстового смысла в виде иерархии подтем и субподтем. Это позволяет сделать вывод, что неглубокое понижение тона в конце предложения-высказывания является показателем более тесных смысловых связей между отдельными предложениями-высказываниями, выражающими одну подтему / субподтему. Поэтому выбор говорящим неглубокого понижения тона выполняет функцию объединения того фрагмента внешнего текста, который развёртывается между «обрамляющими» его двумя глубокими понижениями тона (ср. понятие фонетического абзаца). В процессе же восприятия устной речи слушающий интерпретирует неглубокое понижение тона как «запрет» на переход к фазе «смыслоформулирования». Количество предложений-высказываний между двумя глубокими понижениями не должно превышать объём оперативной памяти человека (7 ± 2). В противном случае слушающий не сможет удержать в оперативной памяти чрезмерно большое количество смысловых блоков, которые на фазе «смыслоформулирования» должны быть переведены во внутреннюю про-

грамму (и говорящий должен удерживать в оперативной памяти соответствующий объём информации).

В диалогической речи, представляющей собой постоянную смену реплик разных участников, смысловые отношения могут выражаться выбором повышения тона вместо понижения. Такая роль мелодического контура не получила освещения, поскольку фонетисты, как правило, анализируют многосинтагменные фразы либо протяжённые отрезки внешнего текста. Мы же имеем в виду внешний текст, равный односинтагменной фразе. Данный тип фраз регулярно используется в качестве этикетных формул.

Приветствие *Здравствуйте!* / *Добрый день!*, произнесённое с восходяще-нисходящим тоном (ИК-4 или ИК-6 по классификации Е. А. Брызгуновой [Русская грамматика, 1980, с. 96–122]), а не с нисходящим (ИК-2а), может выполнять две функции. В одном случае повышение тона в грамматически завершённом невопросительном предложении выражает ожидание ответной реплики, то есть включённость во внешний диалогический текст. Если же второй участник диалогической речи в ответном приветствии использует понижение тона, это будет означать завершённость акта коммуникации. По нашим наблюдениям, именно такое интонационное оформление является социально закреплённым в ситуации приветствия незнакомых людей, встретившихся, например, в лифте. В другом случае реализация приветствия с повышением тона может интерпретироваться слушающим как знак того, что не происходит смены ролей участников диалогической речи и что человек, вступивший в общение первым, использует приветствие в функции обращения (напр., *Здравствуйте! Что нового?*); это используется при встрече хорошо знакомых людей, регулярно общающихся, например, на работе.

Таким образом, повышение тона вместо понижения тона в приветствиях выполняет контактоустанавливающую функцию.

5. Темпоральный контур и смысл текста

Характеризуя смысловую значимость темпорального контура, составной частью которого являются темп и паузы, фонетисты выделяют разные их функции: темп выражает различие более важного / менее важного; паузы, в сочетании с определёнными мелодическими контурами двух смежных синтагм, – степень смысловой связи соседних сегментов (слабая, средняя, тесная), а также смысловые отношения следствия, результата, перечисления и некоторые другие [Николаева, 1977; Светозарова, 1982 и др.]. Остановимся на особой функции темпоральной организации текста, выделенной Т. М. Николаевой, – «показателе абсолютной законченности» [Николаева, 1977, с. 7–8].

Речь идёт об отделении последнего слова фразы. Иллюстрируя данное явление, Т. М. Николаева приводит следующие примеры: *И мангуста шлёпнулась / об пол; А от банана остались на полу одни / шкурки*. Как свидетельствуют её примеры и результаты нашего слухового анализа информационных

программ, тип синтаксических связей между разделяемыми паузой словами не значим. Объясняя природу данного явления, Т. М. Николаева заключает: «...это интонационное выделение последнего слова фразы не есть факт синтаксический, а результат особой установки говорящего на восприятие слушателя, стимулирование его внимания» [Николаева, 1977, с. 8].

Позволим себе уточнить функцию отделения последнего слова с учётом понятий внешнего и внутреннего текста. Абсолютная смысловая завершённость определённого отрезка внешней речи обусловлена несовпадением границ внешнего и внутреннего текста: в одном внешнем тексте объединены достаточно разнородные в тематическом отношении фрагменты, «погружённые» в разные внутренние тексты. Отделение последнего слова, на наш взгляд, может быть результатом резкого замедления темпа в конце повествовательного высказывания, граница которого совпадает с границей внутреннего текста. Оснований для такой интерпретации два. Во-первых, как свидетельствует проведённый нами слуховой анализ, на месте такой паузы не происходит перепада мелодической и динамической кривой, следовательно, нет и синтагматического членения. Во-вторых, к концу повествовательного высказывания темп замедляется [Николаева, 1977; Светозарова, 1982]; в случае же резкого замедления темпа в самом конце фразы возникает лишь эффект отделения последнего слова. Таким образом, особое замедление темпа в конце предложения-высказывания, на наш взгляд, выполняет функцию членения внешнего текста, фрагменты которого являются частью разных внутренних текстов. Для слушающего резкое замедление темпа выражает «запрет» на «перспективу развития мысли».

6. Акцентное выделение

В завершение охарактеризуем смысловую значимость особого типа ударения, названного Т. М. Николаевой акцентным выделением [Николаева, 1982]. Акцентное выделение создаёт вокруг высказывания «коммуникативно-текстовый ореол», существенно обогащая тем самым смысл высказывания: «...основное свойство акцентного выделения – выводить данное высказывание в более широкую прагматическую сферу, сообщать информацию, дополнительную к той, которая непосредственно в этом высказывании содержится. <...> Так, за фразой с акцентным выделением – *Только он не вернулся* – стоит “тень” *Остальные вернулись*, совсем необязательно присутствующая в контексте» [Николаева, 1982, с. 15]. Т. М. Николаева убедительно доказала, что акцентное выделение принципиально отличается от фразового ударения, и определила его природу как коммуникативно-текстового явления: «...акцентное выделение имеет место в том случае, когда смысловая зона передаваемого текста оказывается шире высказывания с акцентным выделением и / или сообщаемое выходит за рамки некоторой усреднённой нормы» [Николаева, 1982, с. 52]. Таким образом, использование акцентного выделения позволяет говорящему более экономно выражать более богатый смысл, используя вместо слов интонационные средства.

Т. М. Николаева выделяет два основных вида смысловой нагрузки акцентного выделения:

1) выражение идеи контраста, например: *Приходите завтра!* (а не послезавтра);

2) значение 'именно', то есть подчёркивание смысла определённого слова без явного или скрытого противопоставления, например: *Ключи не забудь*.

Результаты проведённого нами слухового анализа подготовленной монологической речи (доклад на конференции, лекция, информационные программы) позволяют дополнить анализ данного типа ударения как текстового явления. По нашим данным, акцентное выделение регулярно реализуется в первой синтагме фразы, начинающей сверхфразовое единство (т.е. отрезок внешней речи, выражающий одну тему / субтему): *Выделяются варианты образно-поэтической перцептивности, / о которых и пойдёт речь далее; В Иерусалиме в последние дни / вновь резко обострилась обстановка* (косая линия обозначает границу между синтагмами; одной линией подчёркнуто слово, на которое падает синтагматическое или фразовое ударение, двумя линиями – слово с акцентным выделением).

На наш взгляд, акцентное выделение в подобных случаях используется как маркер «предметной области текста». Это понятие мы заимствуем у Н. И. Жинкина, который подчёркивал, что текстовый смысл возникает только тогда, когда содержание высказывания соотносится с определённой предметной областью. Совпадение предметной области обеспечивает адекватное понимание слушающим мыслительного содержания, выраженного говорящим, при этом предметная область должна быть непременно погружена во внутренний текст. Именно наличие предметной области высказывания, подчёркивает Н. И. Жинкин, обеспечивает перспективу развития мысли. Поэтому по функции акцентное выделение сопоставимо с «именительным темой». Под темой в данном случае понимается смысловой компонент, который во внутренней программе занимает вершинную позицию.

Возможно, однако, и иное место акцентного выделения в составе сверхфразового единства – в последнем предложении-высказывании. В этом случае место выделенного слова в составе той или иной синтагмы не является релевантным: *Железнодорожники поставили перед собой задачу / сократить время движения от Петербурга до Москвы / до 3 часов 40 минут*. В этом случае говорящий «помогает» слушающему построить адекватную иерархическую структуру смысловых блоков на этапе смыслоформулирования.

Место акцентного выделения в двух названных позициях характерно для устной подготовленной монологической речи, что свидетельствует о намеренном его использовании говорящим для управления процессом понимания текстового смысла слушающим.

В устной спонтанной монологической речи место акцентного выделения может быть разным, что обусловлено спецификой спонтанной речи. Приведём пример, записанный во время свободной дискуссии на научной конференции, в котором выделяется слово, входящее в состав вставной конструкции: *То, что Вы сказали, Александр Юрьевич / (я имею в виду цыганский язык), / в принципе не противоречит теории языковых контактов, / предложенной Мэйерс-Скоттон*. Выделение слова *цыганский* вызвано тем, что, начав отвечать на вопрос, в котором шла речь о

двух языках, говорящий осознал, что он не обозначил «предметную область» текста, что могло привести к неадекватному пониманию. Этот же пример иллюстрирует возможность нескольких акцентных выделений в одной фразе, на что указывала Т. М. Николаева, однако природа этого явления осталась нераскрытой. Думается, что наличие нескольких акцентных выделений в одной фразе свидетельствует о её политематичности, если под темой текста понимать предметную область.

7. Выводы

Подводя итог, подчеркнём следующее. Информацию, передаваемую в речевом общении, корректно определять через понятие смысла, природа которого состоит в установлении связей отдельного высказывания с текстом. Любой внешний текст является частью внутреннего текста, смысл которого связан с определённой предметной областью, обеспечивающей разворачивание внутреннего текста вперёд и назад.

Кроме того, анализ роли интонации в процессах порождения и восприятия речи должен базироваться на положении об актуальном сознании интонационного оформления речи говорящим. В процессе порождения устной речи говорящий сознательно (на уровне актуального сознания) выбирает интонационное оформление, адекватное смыслу не только внешнего, но и внутреннего текста.

Активный характер процесса восприятия речи предполагает такую речемыслительную деятельность слушающего, результатом которой будет адекватное понимание текстового смысла, выраженного говорящим. При восприятии устной речи речемыслительная деятельность слушающего в значительной степени «направляется» с помощью просодических характеристик внешней речи говорящего, включающих все основные компоненты интонации – мелодику, темп, паузы, интенсивность, а также синтагматическое членение. Неадекватное просодическое выражение смысла говорящим может создавать существенные помехи в механизме речевой коммуникации.

Список литературы

1. Виноградов, В. В. Понятие синтагмы в русском языке [Текст] / В. В. Виноградов // Вопросы синтаксиса современного русского языка / под ред. В. В. Виноградова. – М. : Учпедгиз РСФСР, 1950. – С. 183–256.
2. Выготский, Л. С. Мышление и речь. Психологические исследования [Текст] / Л. С. Выготский. – М. : Лабиринт, 1996. – 416 с. – (Сер. «Философия риторики и риторика философии».)
3. Жинкин, Н. И. Речь как проводник информации [Текст] / Н. И. Жинкин. – М. : Наука, 1982. – 158 с.
4. Звегинцев, В. А. Предложение и его отношение к языку и речи [Текст] / В. А. Звегинцев. – Изд. 2-е, стер. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 312 с.
5. Зимняя, И. А. Смысловое восприятие речевого сообщения [Текст] / И. А. Зимняя // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации) / отв. ред. А. А. Леонтьев, Т. М. Дридзе. – М. : Наука, 1976. – С. 5–33.

6. Леонтьев, А. А. Слово в речевой деятельности. Некоторые проблемы общей теории речевой деятельности [Текст] / А. А. Леонтьев. – М. : Наука, 1965. – 246 с.
7. Николаева, Т. М. Интонация сложного предложения в славянских языках: опыт экспериментального исследования [Текст] / Т. М. Николаева. – М. : Наука, 1969. – 286 с.
8. Николаева, Т. М. Фразовая интонация славянских языков [Текст] / Т. М. Николаева. – М. : Наука, 1977. – 278 с.
9. Николаева, Т. М. Семантика акцентного выделения [Текст] / Т. М. Николаева. – М. : Наука, 1982. – 103 с.
10. Русская грамматика [Текст] / гл. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Наука, 1980. – Т. 1. – 784 с.
11. Светозарова, Н. Д. Интонационная система русского языка [Текст] / Н. Д. Светозарова. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. – 175 с.
12. Щерба, Л. В. Фонетика французского языка [Текст] / Л. В. Щерба. – М. : Высшая школа, 1963. – 380 с.

References

1. Vinogradov, V. V. Ponjatie sintagmy v russkom jazyke [Tekst] / V. V. Vinogradov // Voprosy sintaksisa sovremennogo russkogo jazyka / pod red. V. V. Vinogradova. – М. : Uchpedgiz RSFSR, 1950. – S. 183–256.
2. Vygotskij, L. S. Myshlenie i rech'. Psihologicheskie issledovanija [Tekst] / L. S. Vygotskij. – М. : Labirint, 1996. – 416 s. – (Ser. «Filosofija ritoriki i ritorika filosofii».)
3. Zhinkin, N. I. Rech' kak provodnik informacii [Tekst] / N. I. Zhinkin. – М. : Nauka, 1982. – 158 s.
4. Zvegincev, V. A. Predlozhenie i ego otnoshenie k jazyku i rechi [Tekst] / V. A. Zvegincev. – Izd. 2-e, ster. – М. : Jeditorial URSS, 2001. – 312 s.
5. Zimnjaja, I. A. Smyslovoe vosprijatie rechevogo soobshhenija [Tekst] / I. A. Zimnjaja // Smyslovoe vosprijatie rechevogo soobshhenija (v uslovijah massovoj kommunikacii) / otv. red. A. A. Leont'ev, T. M. Dridze. – М. : Nauka, 1976. – S. 5–33.
6. Leont'ev, A. A. Slovo v rechevoj dejatel'nosti. Nekotorye problemy obshhej teorii rechevoj dejatel'nosti [Tekst] / A. A. Leont'ev. – М. : Nauka, 1965. – 246 s.
7. Nikolaeva, T. M. Intonacija slozhnogo predlozhenija v slavjanskih jazykah: opyt jeksperimental'nogo issledovanija [Tekst] / T. M. Nikolaeva. – М. : Nauka, 1969. – 286 s.
8. Nikolaeva, T. M. Frazovaja intonacija slavjanskih jazykov [Tekst] / T. M. Nikolaeva. – М. : Nauka, 1977. – 278 s.
9. Nikolaeva, T. M. Semantika akcentnogo vydelenija [Tekst] / T. M. Nikolaeva. – М. : Nauka, 1982. – 103 s.
10. Russkaja grammatika [Tekst] / gl. red. N. Ju. Shvedova. – М. : Nauka, 1980. – Т. 1. – 784 s.
11. Svetozarova, N. D. Intonacionnaja sistema russkogo jazyka [Tekst] / N. D. Svetozarova. – Л. : Izd-vo Leningr. un-ta, 1982. – 175 s.
12. Shherba, L. V. Fonetika francuzskogo jazyka [Tekst] / L. V. Shherba. – М. : Vysshaja shkola, 1963. – 380 s.

Пиотровская Лариса Александровна
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
Larisa A. Piotrovskaya
Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation
e-mail: larisa11799@yandex.ru

МОНОТОННАЯ VS ВЫРАЗИТЕЛЬНАЯ УСТНАЯ РЕЧЬ MONOTONOUS VS EXPRESSIVE ORAL SPEECH

Аннотация

На основе обобщения различных фонетических исследований интонации русского языка автор предлагает дифференцированную характеристику монотонной речи и, с учётом понятия «синтагма» и всех компонентов интонации, формулирует 10 правил интонационного оформления устной речи, направленных на то, чтобы удерживать внимание слушающего и существенно облегчать понимание слушающим смысла сказанного. Для обеспечения интонационной выразительности устной речи следует знать возможности, заложенные в интонационной системе русского языка, и осознанно выбирать соответствующие интонационные средства.

Abstract

The current paper defines the relevant features of monotonous speech based on various phonetic studies in the field of Russian intonation; using the notion of «sense-group» and taking all the intonation components into account 10 rules of intonational arrangement of oral speech are set to keep control of listener's attention and considerably facilitate understanding of sense of the speech uttered. To achieve the expressiveness of oral speech intonation it is necessary to know all the possibilities inherent in the intonation system of the Russian language and to deliberately choose the appropriate means of intonation.

Ключевые слова: интонация, смысл, выразительность речи, монотонная речь.

Keywords: intonation, sense, expressiveness of speech, monotonous speech.

Одним из признаков, отличающих устную речь от письменной, является её интонационная оформленность: «Нельзя представить себе человека, говорящего без интонации, мимики и жеста. Текстовое, устное высказывание всегда связывает в смысловое единство некоторую долю текста. И это достигается не только интеграцией лексических значений, но и в гармонии с ними звуковой культурой просодии» [Жинкин, 1982, с. 89–90]. То, что называют монотонной речью, – это не речь, интонационно не оформленная, а речь, интонационное оформление которой производит впечатление монотонности. В настоящей статье на основе обобщения многочисленных исследований по интонации русского языка ставится задача, с одной стороны, предложить дифференцированное описание моно-

тонной речи, с другой – сформулировать основные правила выразительно-интонационного оформления устной речи, которые, во-первых, позволяют удерживать внимание слушающего, во-вторых, существенно облегчают понимание слушающим смысла сказанного.

Для обеспечения интонационной выразительности устной речи следует знать возможности, заложенные в интонационной системе русского языка, а также правила интонационного оформления и на этой основе осознанно выбирать соответствующие интонационные средства.

Начнём с понятия **синтагмы**. Обращение к этому понятию обусловлено несколькими причинами. Одной из функций интонации является членение устной речи на синтагмы и фразы: Т. М. Николаева называет эту функцию «функцией членения (через оформление)» [Николаева, 1977, с. 9], Н. Д. Светозарова – «функцией организации и членения речевого потока» [Светозарова, 1982, с. 18].

Основы учения о синтагме, как известно, были заложены Л. В. Щербой, предложившим следующее определение: «Фонетическое единство, выражающее единое смысловое целое в процессе речи-мысли» [Щерба, 1963, с. 8]. Ученики Л. В. Щербы выделили ключевое положение: «Именно ситуативность интонационно-смысловой единицы, её гибкость, минимальность и цельность для данного контекста и данной ситуации <...> – революционный момент в теории синтагмы Л. В. Щербы» [Светозарова, 1982, с. 26–27]. Из неразрывной связи синтагмы с контекстом и ситуацией следует вывод, что и синтагма, и предложение-высказывание приобретают смысл только в тексте. А это значит, что синтагматическое членение фраз субъективно и зависит от смысловых связей в тексте, выражаемых конкретным говорящим. В процессе восприятия устной речи слушающий в некоторой степени является «заложником» говорящего, который задаёт смысловое квантование внешней речи. Это не умаляет активного характера процесса восприятия речи – формирования текстового смысла. Однако если устная речь говорящего расчленена на синтагмы неадекватно, процесс формирования текстового смысла по объективным причинам затруднён; текстовый смысл может быть понят слушающим, но это потребует от него переструктурирования внешней речи.

Адекватное **синтагматическое членение** фразы должно одновременно учитывать два фактора: место возможной синтагматической границы и максимальную длину синтагмы.

При осуществлении синтагматического членения фразы значимыми являются два основных принципа.

Первый принцип связан с тем, что синтагма выражает единое смысловое целое, а следовательно, в одну синтагму объединяется не любая последовательность слов, а только те слова, которые наиболее тесно связаны по смыслу. Поскольку смысл – это субъективное содержание, в отличие от значения, представляющего собой общественно закреплённое содержание слов, то одно и то же предложение, в зависимости от его осмысления, может по-разному члениться на синтагмы. Например, предложение, содержа-

шее небольшое количество фонетических слов (как правило, не более семи), может либо члениться, либо не члениться на синтагмы. Ср.:

(1) Я зн *аю*, / что он прид *ёт* //;

(2) Я зн *аю*, что он придёт //.

В варианте (1) говорящий руководствуется тем, что данное предложение сложное, а потому членит его на две синтагмы, при этом в каждой синтагме реализуется нейтральное синтагматическое ударение. В варианте же (2) говорящий хочет подчеркнуть смысл слова *знаю* (возможно, это обусловлено возражением собеседнику), поэтому использует логическое ударение, при этом вся фраза становится односинтагменной.

Таким образом, суть первого принципа синтагматического членения состоит в его вариативности – в зависимости от смысла, выражаемого говорящим.

Правило 1: чтобы обеспечить адекватное понимание слушающим смысла устного текста, следует членить фразы на синтагмы с учётом степени смысловой связи соседних слов.

Второй принцип синтагматического членения состоит в зависимости интонационного (синтагматического) членения от синтаксических связей слов в предложении. Влияние синтаксических связей ярче всего проявляется в предложениях с одинаковым звуковым составом слов, но с разными синтаксическими связями. Сравните следующие высказывания, в которых разное синтагматическое членение обусловлено разными синтаксическими связями слов в предложении:

(3) Очень удивили его / слова брата //;

(4) Очень удивили его слова / брата;

(5) Изучение шумов вообще / не входит в нашу задачу //;

(6) Изучение шумов / вообще не входит в нашу задачу // [Гвоздев, 1949];

(7) Недавно приехавший доктор / сказал //;

(8) Недавно / приехавший доктор сказал // [Николаева, 1977, с. 25].

Зависимость синтагматического членения от синтаксических связей слов накладывает ограничения на вариантное синтагматическое членение. Как отмечал ещё А. М. Пешковский, синтагматическое членение «может происходить не в любом месте, а только там, где это разрешают синтаксические связи. Обычно подлежащее со всеми принадлежащими к нему членами отходит к одной фразе, а сказуемое со всеми его членами – к другой» [Пешковский, 1959, с. 187]. И далее А. М. Пешковский приводит следующие примеры недопустимого синтагматического членения, противоречащего грамматическим связям: *С этими / деньгами ты пойдёшь в булочную; Мой двоюродный / брат уехал в деревню* [там же].

Итак, граница между синтагмами не может проходить между теми словами, которые находятся между собой в сильной синтаксической связи. И наоборот: чем слабее синтаксическая связь между словами, тем вероятнее в этом месте синтагматическая граница.

Е. А. Брызгунова, рассматривая во взаимосвязи вариантность синтагматического членения фразы и зависимость синтагматического членения от синтаксических связей между словами, предложила различать два

понятия: «минимальные синтагмы» и «основные синтагмы»: «Синтагмы, которые внутри себя не могут допускать дальнейшего членения, мы будем называть минимальными. К минимальным синтагмам относятся, например, деепричастные обороты и однородные члены предложения... Понятие минимальной синтагмы необходимо для определения пределов синтагматического членения. Для выявления закономерностей обязательного членения необходимо ввести понятие основной синтагмы. Основные синтагмы выражают в речи основное членение, без которого мысль было бы трудно выразить и понять» [Брызгунова, 1963, с. 168–169].

Т. М. Николаева в этой связи предложила различать «зоны действия жёсткого правила» и «зоны свободного выбора» [Николаева, 1977, с. 34].

Правило 2: синтагматическое членение фраз не должно противоречить синтаксическим связям слов в предложении.

Нарушения этого правила синтагматического членения, по нашим наблюдениям, характерны для ответов студентов на экзамене в том случае, если говорящий механически воспроизводит заученный фрагмент. Как давно установлено в психологии, механическое воспроизведение речи не является осмысленным (см., например: [Жинкин, 1982, с. 79–80]).

Ограничение на длину синтагм обусловлено тем, что восприятие устной речи, в отличие от восприятия письменной речи, осуществляется в режиме реального времени, а следовательно, слушающий не имеет возможности ни вернуться назад, ни «забежать» вперёд, что при восприятии письменной речи обеспечивается благодаря боковому зрению. Поэтому понимание смысла устного текста в большей степени, чем понимание письменного текста, зависит от объёма оперативной памяти человека. По данным американского психолога Дж. Миллера, он составляет 7 ± 2 единицы (человек способен одновременно помнить 7 ± 2 элементов) [Miller, 1956].

Применительно к единицам устной речи это означает следующее: когда мы говорим о длине фразы, её единицами являются синтагмы; единицами, из которых состоит синтагма, являются фонетические слова.

Характеристика объёма оперативной памяти, равного 7 ± 2 единицам, означает, что максимальное количество единиц, которое человек может одновременно удерживать в оперативной памяти, равно девяти. Однако предельные возможности своей памяти человек может использовать крайне редко, в виде исключения. Для обеспечения более комфортных условий восприятия устной речи длина интонационных единиц должна быть не $7+2$, а, скорее, $7-2$. Это означает, что большинство фраз должно состоять не более чем из пяти синтагм, а синтагма – не более чем из пяти фонетических слов. Однако фонетические исследования, в которых анализировалась в этом отношении естественная устная речь (в частности, речь лекторов), свидетельствуют о том, что средняя длина синтагм составляет три фонетических слова.

Из этого не следует, что большинство синтагм состоит именно из трёх слов (хотя, по данным У. Е. Кочетковой, в речи лекторов на французском языке это именно так [Кочеткова, 2007, с. 8]); напротив, одинаковый размер большого количества синтагм может создать у слушающего эффект монотонной речи. Е. А. Брызгунова на основе изучения эмоционально-сти-

лирических различий русской звучащей речи сделала вывод: «Наилучшее восприятие звучащего текста возникает при чередовании синтагм разной длины...» [Брызгунова, 1984, с. 43]. Следовательно, количество слов в разных синтагмах должно быть разным – в зависимости от смысловой связи соседних слов (см. об этом ниже): в одних синтагмах может быть всего одно фонетическое слово, в других – пять, но в тексте в целом среднее значение будет приблизительно равно трём.

Длина синтагм зависит также от того, говорит ли субъект речи отстранённо или эмоционально. Для эмоциональной речи характерно более дробное синтагматическое членение, то есть большее количество синтагм, длина которых меньше трёх фонетических слов.

В то же время слишком большой процент синтагм, состоящих из одного – двух фонетических слов, может разрушить смысловые связи между словами. По данным специальных исследований, дробное синтагматическое членение характерно для речи человека, находящегося в «состоянии эмоциональной напряжённости», в котором говорящий оказывается не в состоянии осуществлять полноценный контроль за своей речью [Носенко, 1981, с. 49–117].

Правило 3: чтобы, с одной стороны, избежать монотонности, а с другой – создать комфортные для слушающего условия восприятия устной речи, следует избегать очень больших (больше семи фонетических слов) и очень маленьких (состоящих из одного – двух фонетических слов) синтагм, а также нескольких синтагм подряд с одинаковым количеством фонетических слов.

Для понимания выразительных возможностей **мелодики** надо знать, что в интонационной системе русского языка существует три разных типа повышения тона и три разных типа понижения тона: соответственно ИК-3, ИК-4, ИК-6 и ИК-1, ИК-2, ИК-5 (в соответствии с классификацией Е. А. Брызгуновой [Русская грамматика, 1980, с. 96–122]). Поскольку публичная речь представляет собой речь монологическую, в ней преобладают повествовательные высказывания, состоящие из нескольких синтагм. Если во всех или в большинстве неконечных и конечных синтагм говорящий использует соответственно лишь один тип повышения и один тип понижения тона, такую речь оценивают как монотонную. Однообразное мелодическое оформление неконечных и конечных синтагм существенно снижает внимание слушающего, а в некоторых случаях может произвести усыпляющее действие.

Для осознанного выбора определённого типа повышения тона при выражении смысловой незавершённости в неконечных синтагмах следует учитывать их семантико-стилистические особенности. Ср.:

(9) *Под звуки фанфар / к трибуне выходит президе¹нт //* ИК-6 в неконечной синтагме выражает торжественность;

(10) *На этом сла³йде / представлены полученные результа¹ты //* ИК-3 в неконечной синтагме регулярно выражает пространственные отношения;

(11) *Ответ на Ваш⁴у жа⁴лобу / Вы получите по по¹чте //* ИК-4 в неконечной синтагме подчёркивает официальные отношения между участниками коммуникации.

Разное интонационное оформление возможно и при одинаковом лексическом составе и синтаксической структуре предложений. Ср.:

(12) *Это очень интере¹сное предложение* – использование эмоционально нейтрального понижения тона (ИК-1) призвано подчеркнуть, с одной стороны, объективный, то есть рациональный, характер оценки, с другой – отстранённость говорящего;

(13) *Это очень интере²сное предложение!* – выбор эмоционально окрашенного понижения тона (ИК-2а), напротив, выражает субъективный, то есть эмоциональный, характер оценки: говорящий искренне выражает своё восхищение;

(14) *Это о⁵чень интере_↓сное предложение!* – оформление этого же высказывания с помощью ИК-5 выражает не только положительную эмоциональную оценку, но и удивление говорящего, обусловленное тем, что увиденное / услышанное превзошло его ожидания.

Правило 4: чтобы речь не была монотонной, для выражения смысловой незавершенности, то есть в неконечных синтагмах, как в одном, так и в разных повествовательных высказываниях, следует использовать разные типы повышения тона с учётом их семантико-стилистических характеристик. При выражении смысловой завершенности надо выбирать тип понижения тона в зависимости от соотношения рациональной и эмоциональной оценки, выражаемой говорящим.

При характеристике выразительных возможностей мелодики следует также учитывать **диапазон**, то есть расстояние между самым высоким и самым низким значением основного тона. Устную речь, для которой в целом характерно сужение диапазона, слушающий оценивает как невыразительную, монотонную, поскольку при существенном сужении диапазона ослабляется противопоставление отдельных типов понижения (прежде всего ИК-1 и ИК-2) и/или повышения тона (прежде всего ИК-3 и ИК-6). Вследствие этого говорящий не может выразить мелодическими средствами соответствующие семантико-стилистические различия [Брызгунова, 1984].

Типичным примером речи человека, характеризующейся суженным диапазоном, является оформление большинства неконечных синтагм повествовательных высказываний с помощью ИК-6, а конечных – с помощью ИК-1 с неглубоким понижением тона. Поскольку ИК-6, по сравнению с другими типами повышения, подчёркивает незавершённость, а ИК-1, то есть эмоционально нейтральное понижение, в варианте неглубокого понижения, выражает относительную смысловую завершенность, воспринимать такую речь крайне сложно: слушающему трудно определить, какие именно фрагменты устной речи выражают общий законченный смысл.

Правило 5: во избежание монотонности и для обеспечения выразительности устной речи следует максимально использовать возможности индивидуального частотного диапазона.

Выразительные возможности **интенсивности** как относительно самостоятельного компонента интонации связаны, во-первых, с акцентным выделением, во-вторых, с изменением уровня интенсивности во фразе.

Термин «акцентное выделение» был предложен в конце XX века Т. М. Николаевой в специальной книге [Николаева, 1982], в которой она убедительно доказала, что акцентное выделение принципиально отличается от фразового ударения, и определила его природу как коммуникативно-текстового явления: «...акцентное выделение имеет место в том случае, когда смысловая зона передаваемого текста оказывается шире высказывания с акцентным выделением и / или сообщаемое выходит за рамки некоторой усредненной нормы» [Николаева, 1982, с. 52].

Акцентное выделение предназначено для выделения говорящим смысла определённого слова во фразе. По образному выражению Т. М. Николаевой, акцентное выделение создаёт вокруг высказывания «коммуникативно-текстовый ореол», существенно обогащая тем самым смысл высказывания: «...основное свойство акцентного выделения – выводить данное высказывание в более широкую прагматическую сферу, сообщать информацию, дополнительную к той, которая непосредственно в этом высказывании содержится. <...> Так, за фразой с акцентным выделением – *Только он не вернулся* – стоит “тень” *Остальные вернулись*, совсем необязательно присутствующая в контексте» [Николаева, 1982, с. 15]. Таким образом, выделение определённого слова средствами акцентного выделения позволяет говорящему более экономно выражать более богатый смысл, используя для этого вместо слов соответствующие фонетические средства.

Т. М. Николаева выделяет два основных вида смысловой нагрузки акцентного выделения:

1) выражение идеи контраста, например: *Приходите завтра!* (а не послезавтра);

2) значение ‘именно’, то есть подчёркивание смысла определённого слова без явного или скрытого противопоставления, например: *Мне очень понравилась презентация*; в этом случае акцентное выделение регулярно падает на слова с оценочным значением; ср. также: *Прекрасный доклад!*; *Яркое выступление!* и подобные.

Результаты проведённого нами слухового анализа подготовленной монологической речи (лекция, доклад на конференции, информационные программы) позволяют дополнить анализ данного типа ударения как текстового явления. По нашим данным, акцентное выделение регулярно реализуется в первой синтагме фразы, начинающей сверхфразовое единство: *Выделяются варианты образно-поэтической перцептивности, / о которых и пойдёт речь далее; В Иерусалиме в последние дни / вновь резко обострилась обстановка* (одной линией подчёркнуто слово, на которое падает синтагматическое или фразовое ударение, двумя линиями – слово с акцентным выделением). Такое акцентное выделение по функции сопоставимо с «именительным темы».

Средствами акцентного выделения может подчёркиваться смысл определённого слова либо во всей фразе, либо в отдельной синтагме многосинтагменной фразы. Поэтому акцентное выделение в одном случае противопоставляется нейтральному фразовому ударению, а в другом – нейтральному синтагматическому ударению.

Нейтральное фразовое ударение и автоматизированное синтагматическое ударение обладают следующими общими признаками.

Во-первых, оба типа нейтрального ударения располагаются на последнем слове фразы и синтагмы (исключение составляет местоимение), выполняя тем самым две функции: обеспечение фонетической целостности фразы и синтагмы (вместе с другими компонентами интонации, прежде всего – мелодикой), а также указание на границу между соседними фразами и синтагмами.

Во-вторых, поскольку нейтральное ударение не связано с намерением подчеркнуть смысл какого-либо слова, говорящий может не осознавать, что он использует фразовое и / или синтагматическое ударение; поэтому такое ударение также называется автоматизированным.

Широкое использование лектором акцентного выделения существенно повышает выразительность его устной речи за счёт того, что фонетическими средствами говорящий создаёт условия для более адекватного понимания слушающим смысла своего высказывания. По сути, средствами акцентного выделения говорящий маркирует ключевые слова в высказывании. Условием осознанного использования лектором акцентного выделения является, с одной стороны, личная заинтересованность в предмете речи, с другой – желание добиться максимально полного и адекватного понимания смысла слушающим.

Следует, однако, иметь в виду, что чрезмерно большое количество акцентных выделений в каждом высказывании может иметь совершенно иные причины и привести к другому эффекту. Такое интонационное оформление речи может быть обусловлено тем, что говорящий находится в «состоянии эмоциональной напряжённости», в котором человек не способен в полной мере контролировать интонационное оформление своей речи: в этом случае в речи отражается эмоциональное состояние говорящего вопреки его намерению [Носенко, 1981]. Образно говоря, в состоянии эмоциональной напряжённости не говорящий управляет своей речью, а эмоциональное состояние говорящего управляет его речью.

Итак, сформулируем **правило 6:** для управления вниманием слушающего и обеспечения максимально полного и адекватного понимания им смысла надо выделять ключевые слова средствами акцентного выделения.

Второй аспект интенсивности связан с изменением уровня интенсивности на протяжении одной фразы.

Общей закономерностью является снижение уровня интенсивности к концу фразы. Однако в устной речи некоторых людей эта общая закономерность выражена утрированно, вследствие чего при восприятии речи такого человека создаётся впечатление, что он «съедает» концовки всех фраз. Слишком низкий уровень интенсивности не позволяет услышать последние слова. В речи оратора это недопустимо.

Правило 7: для обеспечения полноценного восприятия устной речи слушающим надо следить за уровнем понижения интенсивности в конце фраз.

Темп речи конкретного человека, как правило, бывает связан с особенностями темперамента, а следовательно, не всегда поддаётся контролю

со стороны говорящего. Однако в лекторской речи нежелателен быстрый темп, поскольку восприятие устной речи происходит в режиме реального времени: слишком быстрый темп может затруднить понимание смысла слушающим. Кроме того, быстрый индивидуальный темп часто сочетается с более неполным стилем произнесения, при котором «проглатывается» большое количество звуков и слогов; в этом случае слушающему для понимания смысла приходится постоянно восстанавливать большое количество отрезков в устной речи говорящего.

Правило 8: чтобы создать более комфортные условия для слушающего, надо следить за средним темпом, а также варьировать темп отдельных синтагм в зависимости от их смысловой значимости для адресата.

Пауза, то есть перерыв в звучании, как компонент интонации может находиться только между синтагмами и фразами. Такая пауза называется смысловой, так как она, вместе с мелодикой, синтагматическим и фразовым ударением, обеспечивает смысловое членение устной речи. Поскольку синтагма выражает единое смысловое целое, то смысловые паузы внутри синтагмы недопустимы.

Протяжённость паузы зависит от того, насколько тесно связаны по смыслу соседние синтагмы и фразы. В среднем протяжённость паузы между фразами больше, чем между синтагмами внутри одной фразы. Н. Д. Светозарова иллюстрирует это следующими примерами, содержащими одни и те же слова [Светозарова, 1982, с. 19]:

(15) *Брат уезжает в Москву сегодня вечером. // Надо зайти к нему.*

(16) *Брат уезжает в Москву сегодня вечером / – надо зайти к нему.*

С формальной точки зрения в варианте (15) представлены два относительно самостоятельных сообщения, поэтому они разделяются паузой большей длительности и воспринимаются слушающим как два разных предложения; вариант (16), напротив, представляет собой одно сложное предложение, между частями которого выражены причинно-следственные отношения.

Однако в некоторых случаях говорящий намеренно предельно сокращает паузу между фразами, чтобы дать слушающему понять, что следующая фраза тесно связана по смыслу с предыдущей.

Если же пауза возникает внутри синтагмы, то она вызвана каким-либо сбоем в процессе порождения речи: затруднением либо в выборе слова, либо в грамматическом построении предложения, либо в выражении мыслительного содержания в целом. Такие паузы называются хезитационными. Большое количество пауз хезитации существенно снижает выразительность устной речи, поскольку разрывает смысловую целостность синтагм и фраз, а следовательно, затрудняет понимание слушающим смысла сказанного.

Итак, поскольку одной из основных функций пауз является членение устной речи на синтагмы и фразы, применительно к лекторской речи необходимо различать физиологическое и речевое дыхание. Физиологическое дыхание подчинено физиологическим процессам, тогда как речевое дыхание подчинено смысловому членению устной речи. Поскольку паузы используются говорящим для вдоха, то в грамотной, хорошо организованной речи

выдох недопустим в середине синтагмы. В лекторской речи паузы, а следовательно, выдох и вдох должны регулироваться не физиологическим, а речевым дыханием и осуществляться только в местах, разрешённых смыслом и синтаксическими связями между словами. Поэтому одним из приёмов постановки речи лекторов является развитие речевого дыхания.

Правило 9: необходимо, во-первых, умело варьировать протяжённость пауз между синтагмами и фразами в зависимости от степени их смысловой связанности, во-вторых, следить за тем, чтобы одна синтагма произносилась на одном выдохе.

Второй аспект характеристики темпа связан с разной смысловой нагрузкой отдельных фраз или синтагм в составе одной фразы. Замедление темпа свидетельствует о большей смысловой нагрузке соответствующей фразы или синтагмы для слушающего с точки зрения говорящего и наоборот. Этим, в частности, обусловлено ускорение темпа при реализации различных пояснительных конструкций, например:

(17) *В детстве/ (мне тогда было лет десять) / больше всего я любил зиму, / потому что можно было прыгать с крыши в сугробы //*

Вторая синтагма представляет собой вставную конструкцию, то есть эта часть высказывания имеет характер попутного замечания; поэтому она произносится в более быстром темпе, чем все остальные (такие синтагмы часто оформляются относительно ровным тоном).

Правило 10: увеличивая или, наоборот, замедляя темп отдельных синтагм, говорящий даёт слушающему понять, какую информацию он считает более важной, а какую – менее важной; таким образом, для понимания той части высказывания, которую говорящий считает существенной, он создаёт для слушающего более комфортные условия.

Итак, чтобы устная речь не была монотонной, следует варьировать количество фонетических слов в разных синтагмах, а также тип повышения и понижения тона, особенно – в пределах одной фразы. Кроме того, необходимо задействовать весь индивидуальный диапазон. Чтобы слушающий лучше понимал смысл сказанного, следует, с одной стороны, членить фразы на синтагмы с учётом грамматических связей слов в предложении и выражаемого говорящим смысла, а с другой – выделять ключевые слова средствами акцентного выделения (логического ударения). Выразительность устной речи зависит также от общего темпа речи и варьирования темпа в разных синтагмах в зависимости от их смысловой нагрузки. В лекторской речи недопустимо резкое падение интенсивности к концу фразы. Наконец, желательно свести к минимуму паузы колебания внутри синтагм.

Список литературы

1. Брызгунова, Е. А. Практическая фонетика и интонация русского языка [Текст] / Е. А. Брызгунова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1963. – 308 с.
2. Брызгунова, Е. А. Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи [Текст] / Е. А. Брызгунова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 116 с.

3. Гвоздев, А. Н. О фонологических средствах русского языка [Текст] / А. Н. Гвоздев. – М. ; Л. : Госучпедгиз, 1949. – 168 с.
4. Жинкин, Н. И. Речь как проводник информации [Текст] / Н. И. Жинкин. – М. : Наука, 1982. – 158 с.
5. Кочеткова, У. Е. Просодические характеристики лекторской речи (на материале французского языка) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Кочеткова Ульяна Евгеньевна ; Санкт-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2007 – 20 с.
6. Николаева, Т. М. Семантика акцентного выделения [Текст] / Т. М. Николаева. – М. : Наука, 1982. – 103 с.
7. Николаева, Т. М. Фразовая интонация славянских языков [Текст] / Т. М. Николаева. – М. : Наука, 1977. – 278 с.
8. Носенко, Э. Л. Эмоциональное состояние и речь [Текст] / Э. Л. Носенко. – Киев; Одесса : Вища школа, 1981. – 195 с.
9. Пешковский, А. М. Интонация и грамматика // Избр. труды [Текст] / А. М. Пешковский / подгот. к печ., вступ. ст. и примеч. И. А. Василенко, И. Р. Палей. – М. : Госучпедгиз, 1959. – С. 177–191.
10. Русская грамматика [Текст] / гл. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Наука, 1980. – Т. 1. – 784 с.
11. Светозарова, Н. Д. Интонационная система русского языка [Текст] / Н. Д. Светозарова. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. – 175 с.
12. Щерба, Л. В. Фонетика французского языка [Текст] / Л. В. Щерба. – М. : Высшая школа, 1963. – 380 с.
13. Miller, George A. The Magical Number Seven, Plus or Minus Two: Some Limits on our Capacity for Processing Information [Text] / George A. Miller // Psychological Review. – 1956. – Vol. 101. – No 2. – P. 343–353.

References

1. Bryzgunova, E. A. Prakticheskaja fonetika i intonacija russkogo jazyka [Tekst] / E. A. Bryzgunova. – М. : Izd-vo Mosk. un-ta, 1963. – 308 s.
2. Bryzgunova, E. A. Jemocional'no-stilisticheskie razlichija russkoj zvuchashhej rechi [Tekst] / E. A. Bryzgunova. – М. : Izd-vo Mosk. un-ta, 1984. – 116 s.
3. Gvozdev, A. N. O fonologicheskikh sredstvah russkogo jazyka [Tekst] / A. N. Gvozdev. – М. ; Л. : Gosuchpedgiz, 1949. – 168 s.
4. Zhinkin, N. I. Rech' kak provodnik informacii [Tekst] / N. I. Zhinkin. – М. : Nauka, 1982. – 158 s.
5. Kochetkova, U. E. Prosodicheskie harakteristiki lektorskoj rechi (na materiale francuzskogo jazyka) [Tekst]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.19 / Kochetkova Ul'jana Evgen'evna ; Sankt-Peterb. gos. un-t. – SPb., 2007 – 20 s.
6. Nikolaeva, T. M. Semantika akcentnogo vydelenija [Tekst] / T. M. Nikolaeva. – М. : Nauka, 1982. – 103 s.
7. Nikolaeva, T. M. Frazovaja intonacija slavjanskih jazykov [Tekst] / T. M. Nikolaeva. – М. : Nauka, 1977. – 278 s.
8. Nosenko, Je. L. Jemocional'noe sostojanie i rech' [Tekst] / Je. L. Nosenko. – Kiev; Odessa : Vishha shkola, 1981. – 195 s.

9. Peshkovskij, A. M. Intonacija i grammatika // Izbr. trudy [Tekst] / A. M. Peshkovskij / podgot. k peč., vstup. st. i primech. I. A. Vasilenko, I. R. Palej. – M. : Gosuchpedgiz, 1959. – S. 177–191.
10. Russkaja grammatika [Tekst] / gl. red. N. Ju. Shvedova. – M. : Nauka, 1980. – T. 1. – 784 s.
11. Svetozarova, N. D. Intonacionnaja sistema russkogo jazyka [Tekst] / N. D. Svetozarova. – L. : Izd-vo Leningr. un-ta, 1982. – 175 s.
12. Shherba, L. V. Fonetika francuzskogo jazyka [Tekst] / L. V. Shherba. – M. : Vysshaja shkola, 1963. – 380 s.
13. Miller, George A. The Magical Number Seven, Plus or Minus Two: Some Limits on our Capacity for Processing Information [Text] / George A. Miller // Psychological Review. – 1956. – Vol. 101. – No 2. – P. 343–353.

Трифонов Александр Сергеевич
Дальневосточный Федеральный Университет
г. Владивосток, Российская Федерация
Alexander S. Trifonov
Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russian Federation
e-mail: aleksander.s.t@live.com

**КРИТЕРИИ ОТБОРА ТЕРМИНОВ ДЛЯ СЛОВНИКА
ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ
CRITERIA FOR TERMINOLOGY SELECTION
FOR THE LSP DICTIONARY**

Аннотация

В данной статье рассматриваются критерии отбора лексических единиц для терминологического словаря, а также критерии включения терминологических единиц в словарь терминологического словаря. Автор анализирует основные группы источников терминологических словарей, а также основные требования, предъявляемые к их количеству и качеству. Исследуются принципы отбора специальной лексики, принятые как в российской, так и зарубежной терминографии, а также влияние авторской установки словаря на отбор терминов.

Abstract

The article deals with the criteria for selection of lexical units for the LSP dictionary as well as the criteria for their integration into the LSP dictionary. The author analyzes the main groups of sources of LSP dictionaries and specifies the main requirements for their quantity and quality. The principles of terminology selection, shared both in the Russian and foreign terminography, are investigated. The author also pays attention to the impact of author's paradigm on the selection of terminology.

Ключевые слова: терминологический словарь, терминография, отбор терминов, источники терминов.

Keywords: LSP dictionary, terminography, terminology selection, terminology sources.

1. Введение

Проектирование словарей терминологической лексики – сложный процесс, и первоначальными этапами разработки терминологического словаря являются отбор специальной лексики и составление словника словаря. Содержание терминологического словаря в значительной мере определяется характером работы по отбору его источников, основными этапами которой являются отбор типов источников и отбор конкретных материалов [Гринев-Гриневиц, 2009, с. 78; Кудашев, 2007, с. 312].

Среди основных требований к информации и, как следствие, к источникам словарей, выделяются такие, как достоверность, общепринятость, универсальность, актуальность и адекватность затрат для получения и обработки информации. По мнению авторов, данные позиции являются основными для оценки источников словаря [Кудашев, 2007, с. 312–313]. Отмечается также, что источники словарей редко могут соответствовать всем требованиям одновременно.

2. Источники терминов

Источники терминов принято делить на первичные и вторичные. К первым относится сфера функционирования терминологии, ко вторым – сфера её фиксации [Герд, 1986, с. 12; Гринев-Гриневич, 2009, с. 78–79; Кудашев, 2007, с. 314]. Среди основных источников терминологического словаря авторы выделяют следующие наиболее общие типы источников:

1) терминологические издания, к которым относят терминологические словари, отраслевые энциклопедии и монографии и статьи по данной предметной области, касающиеся решения терминологических проблем;

2) нетерминологические издания, к которым относят наиболее значимые учебные пособия, используемые в сфере высшего образования, энциклопедии, коммерческие каталоги и статьи;

3) классификационные издания, под которыми подразумеваются классификационные перечни понятий и предметов данной области, а также справочники и рубрикаторы [Герд, 1986, с. 12; Гринев-Гриневич, 2009, с. 79].

В качестве основного типа источников терминологической лексики называются уже существующие терминологические словари, из которых наиболее важными считаются толковые словари, так как именно они, в первую очередь, служат средством упорядочения терминологии и основой создания любого другого типа словаря. Особую ценность, в целях упорядочения терминологии, имеют толковые специальные словари, содержащие в данной и смежных областях предметного знания терминологические стандарты и сборники рекомендуемых терминов [Гринев-Гриневич, 2009, с. 79].

И. С. Кудашев приводит, в частности, доказательства того, что по степени актуальности информации учебник по специальности для вузов стоит на одном из последних мест среди текстов научного подстиля. В то же время авторы отмечают, что по таким основным критериям, как надёжность, степень общепринятости и понятности информации, а также доступность самого учебного пособия, учебник занимает важное место. Несомненным достоинством учебника, как источника терминологического словаря, является наличие дефиниций и другой информации о терминах, а также то, что система терминов и понятий представлена в них предельно точно. Это связано с их направленностью на системное изложение знаний. Большую важность имеют и такие критерии, как изложение наиболее важных фактов из всего объёма тематики и построение самого учебника, и полиграфическое выделение его элементов. В связи с этим, считается, что наиболее значимые учебные пособия должны обязательно включаться в список источников терминов [Герд, 1986, с. 12; Гринев-Гриневич, 2009, с. 82; Кудашев, 2007, с. 313].

В отношении составления словника терминологического словаря И. С. Кудашев утверждает, что основным лексикографическим фактором должны выступать информационные потребности адресатов словаря в отношении языковых единиц исходного языка [Кудашев, 2007, с. 170]. Под словником принято понимать совокупность входных (заголовочных) единиц, отобранных для представления в словаре и подлежащих определению и описанию [Герд, 1986, с. 24; Ловцевич, 2009, с. 160; Ловцевич, 2009, с. 16–17]. Важно отметить, что словник является одним из центральных понятий как лексикографии, так и терминографии и в значительной мере определяет не только объём словаря, но и его качество. Необходимо учитывать, что состав словника в значительной мере предопределён тематикой отношений входного и выходного языков [Денисов, 1993, с. 241].

В то же время, ещё до начала работы по формированию словника терминологического словаря, его автор должен определить хронологические рамки будущего словаря. Это связано со стремительным изменением и развитием языка науки и техники и с тем, что нередко тексты этих наук развиваются уже сотни лет [Герд, 1986, с. 24; Новое в зарубежной лингвистике..., 1983, с. 6]. Если для новых областей знания этот вопрос стоит не столь остро, то для естественных наук и для большинства гуманитарных наук этот вопрос представляется особенно актуальным. В связи с этим, нельзя не учесть замечание В. В. Дубичинского о том, что применительно к терминологическим словарям никогда не ставилась цель выделить его хронологические рамки [Дубичинский, 1998, с. 91].

3. Принципы отбора словарной лексики

Говоря о важной роли авторской установки в процессе создания терминологического словаря, некоторые авторы относят к ней и принципы отбора лексики, которую предстоит включить в словарь. Применительно к словарям специальной лексики считается, что вопрос отбора лексических единиц для словаря всё ещё остается нерешённым и зачастую словник словаря составляется достаточно эмпирически и субъективно. В таком случае включение основных терминов происходит лишь с точки зрения отдельных специалистов. Несмотря на то, что некоторые лингвисты, в частности М. А. Нассими, утверждают, что отбор терминологической лексики должен основываться на эмпирической материальной базе, чаще такое положение дел признается недостатком. Как следствие, многие терминологические словари содержат в себе серьёзные недостатки в отношении состава словника. Отмечается, что для решения этого вопроса лексикографам необходимо сосредоточиться также на рассмотрении нескольких основных вопросов [Герд, 1986, с. 24; Гринев-Гриневиц, 2009, с. 33; Fuertes-Olivera, 2009, p. 173; Nassimi, 2004, S. 27].

Систематический метод выявления принципов отбора лексики и конечного объёма лексических единиц включает в себя, как правило, следующие шаги [Lovtsevich, 2001, p. 834; Tarp, 2008, p. 177]:

- 1) определение предполагаемой ситуации использования словаря;
- 2) определение характеристик предполагаемой группы пользователей;

- 3) определение первичных нужд пользователей;
- 4) определение вторичных нужд пользователей;
- 5) определение рамок лексикографически релевантного материала;
- 6) определение критериев отбора в соответствии с первичными нуждами;
- 7) определение критериев отбора в соответствии с вторичными нуждами;
- 8) определение конечного объёма лексического материала.

Однако отмечается, что нередко составители словарей игнорируют частично или полностью перечисленные процедуры. В большинстве случаев они обращаются к комбинации трёх методов отбора лексических единиц: 1) интроспекция¹; 2) доступные словари и справочные пособия; 3) корпуса. Правильное сочетание этих методов, с одной стороны, позволяет достичь вполне приемлемых лексикографических результатов. С другой же стороны, их использование является, очевидно, недостаточным, так как в результате происходит следующее – словари продолжают издаваться, не адаптируясь к изменяющейся лингвистической и экстралингвистической реальности. Доказано, что при отсутствии анализа, предшествующего отбору леммы и эквивалентов, и наличии смысловых противоречий значительно повышается вероятность включения в словарь избыточной и/или неверной информации. Составителям педагогических специализированных словарей предлагается не обращаться к уже имеющимся словарям, а уделять больше внимания критерию релевантности, определению ситуаций использования словаря, характеристик групп пользователей и их нужд [Fuertes-Olivera, 2009, p. 174; Tarp, 2008, p. 177].

В отношении процесса отбора лексики для терминологического словаря ставятся следующие вопросы. Прежде всего, при составлении словаря нужно задаться вопросом о предполагаемом объёме лексических единиц. Далее, ставится вопрос о критериях и принципах отбора лексических единиц. Выделяется также вопрос об отношении к различным пластам лексики. Наконец, возникает не менее важный вопрос о том, на каком эмпирическом основании должен происходить отбор терминологической лексики. Сам процесс отбора должен представлять собой результат систематической процедуры, направленной на поиск информации в соответствии с первичными (связанными с функциями словаря) и вторичными (связанными с процессом использования) нуждами потенциальных пользователей, а также с основными характеристиками профиля и наиболее распространёнными ситуациями, возникающими при использовании словаря [Герд, 1986, с. 24; Ловцевич, 2009, с. 161; Fuertes-Olivera, 2009, p. 173].

Более подробно, к принципам отбора относят вопросы выбора источников отбора специальной лексики и критерии её выделения, а именно:

- 1) критерии включения лексических единиц в терминологический минимум;
- 2) вопросы отделения терминов от нетерминов;
- 3) вопросы отделения терминов данной области знания от терминов смежных областей, общенаучных и общетехнических терминов;

¹ Интроспекцией в лексикографии принято называть ситуацию, при которой составитель словаря полагается лишь на собственные суждения относительно содержания словарной статьи [Bowker, 2010, с. 160].

4) вопросы отделения терминов от номенклатурных единиц;

5) вопросы включения в словник определённых частей речи и установления оптимальной протяжённости лексических сочетаний.

В качестве примера приведём учебную терминографию, в которой особую важность представляют проблемы разработки терминологических минимумов, под которыми понимаются функционально связанные лексические минимумы, представляющие собой фрагмент словарного состава, связанный с определённым подязыком. Учащемуся крайне необходимо полностью овладеть системными основами терминологии конкретной специальности. Важность этого процесса заключается в следующем. Во-первых, терминологический минимум представляет собой лексический материал для обучения. Во-вторых, терминологический минимум является содержательной основой обучения с точки зрения формирования потенциального словаря будущего специалиста в данной области знания [Дубичинский, 1998, с. 97].

Итак, к критериям включения лексических единиц в словарь относят ценность термина для целей специальной коммуникации с точки зрения тематической ориентации словаря, частотность употребления термина в текстах по данной специальности, системность, способность к терминообразованию, тематическую принадлежность, а также синхронность, под которой понимается принадлежность к одному временному пласту, и нормативность. В качестве наиболее важных критериев выделяются тематическая принадлежность, употребительность термина и системность, так как именно эти параметры имеют важнейшее значение для всех видов специальных словарей, тогда как остальные могут зависеть от временной ориентации и функции словаря. Нельзя также забывать о том, что часто одним из основных критериев включения термина в словник называется наличие и употребление данного термина в учебных пособиях по данной специальности [Гринев-Гриневиц, 2009, с. 33–34; Дубичинский, 1998, с. 96–97].

Все же, некоторые исследователи отмечают меньшую важность такого критерия ценности термина как частотность его употребления. Причина заключается в том, что нередко для важных в смысловом отношении лексические единицы характерна низкая употребительность. В результате предлагается использовать данный критерий лишь как вспомогательный, опираясь на более точные критерии определения ценности, так как список частотности не должен в полной мере представлять собой список базовой лексики по данной специальности, хотя и является для него важной основой. Нижним порогом употребительности термина в лексикографии является подтверждение лексической единицы тремя источниками [Кудашев, 2007, с. 171; Zöfgen, 1991, p. 2891].

Назначение, функция и предполагаемый объём словаря значительным образом влияют и на отделение терминов определённой области знания от терминов смежных областей или общенаучных терминов. В учебных, переводных, информационных и справочных словарях часто кроме терминов данной области употребляются и термины смежных областей.

Вопрос отделения терминов от номенклатурных единиц решается выбором верного назначения словаря. Так, редки включения номенклатур-

ных единиц в переводных словарях, а в учебных они полностью отсутствуют. Тем не менее, существуют отдельные виды нормативных и справочных словарей, состоящие в основном из номенклатурных единиц. Вместе с тем, определённый интерес может представлять утверждение А. С. Герда о том, что если в определённой области специального знания количество номенов относительно невелико, можно включить их в словник терминологического словаря. Если же количество номенов превышает определённую черту, предлагается включить их в приложение к терминологическому словарю. В то же время, Г. Н. Ловцевич отмечает, что в терминографии данный вопрос не представляется особенно актуальным, поскольку при составлении терминологического словаря вопрос о включении или невключении определённого типа лексических единиц в словарь решается с позиции важности данной единицы для профессионального общения, что, тем не менее, не исключает определённого субъективизма в практике создания терминологических словарей [Герд, 1986, с. 9; Гриневич-Гринева, 2009, с. 34; Ловцевич, 2009, с. 170; Ловцевич, 2009, с. 17].

Среди прочих, не получили окончательного решения и вопросы относительно включения в словник терминологического словаря тех или иных частей речи. Причиной этому является тот факт, что в терминоведении продолжают споры по поводу того, какой частью речи представлен термин. Всё же, по мнению большинства терминоведов, термин должен выражаться исключительно существительным или словосочетанием, содержащим существительное в качестве опорного слова. О. С. Ахманова основывает данное утверждение тем, что система существительных в европейских языках является чрезвычайно развитой и предоставляет настолько широкие возможности образовывать отглагольные существительные и отвлечённые существительные, образованные от основ прилагательных, что основной состав терминологической лексики этих языков может полностью основываться на существительных [Ахманова, 1966, с. 11]. Часть терминоведов придерживается мнения, что также и прилагательные, и глаголы и, в отдельных случаях, наречия могут быть терминами. В. В. Дубичинский, в частности, говорит о терминологичности глаголов, прилагательных и наречий и считает, что относительно полный терминологический словарь включает в себя максимальное количество различных частей речи. По этой причине в отдельных терминологических словарях наряду с существительными и номинативными сочетаниями могут встречаться глаголы и прилагательные. Как правило, глаголы и прилагательные включаются в переводные, справочные и учебные словари [Гриневич-Гринева, 2009, с. 31, 34; Дубичинский, 1998, с. 92].

По вопросу об оптимальной лексической протяженности словосочетаний включаемых в терминологический словарь также нет единого решения. Здесь можно встретить абсолютно противоположные точки зрения – из-за того, что в научно-технической литературе встречаются обозначения новых понятий, состоящие из более протяженных сочетаний (порой включающих 10–12 слов), некоторые исследователи говорят о необходимости расширения словарей за счёт многокомпонентных образований, превыша-

ющих по объёму 2–3 компонентные единицы. Вместе с тем, по мнению ряда авторов, употребление в терминологических словарях, наряду с однословными терминами, терминов-словосочетаний является методически обоснованной тенденцией. По этой причине было бы неверным отрицать такой подход, при котором в терминологических словарях необходимо ограничивать количество слов в терминологических сочетаниях тремя единицами. В терминологических словарях всё больше стали появляться сочетания терминов-существительных с другими частями речи. Однако даже в этом случае допускается употребление 4–5 компонентных единиц, но с тем условием, что они будут составлять не более 10% от общего объёма единиц и их включение будет детально обосновано. Таким образом, вопрос о максимальной протяженности продолжает решаться эмпирическим путём и чаще всего зависит от функции словаря, так, в инвентаризационных словарях допускаются сочетания большой протяженности, а в нормативных они, наоборот, недопустимы. В. М. Овчаренко, основывая своё утверждение критерием семантической целостности знака, считает, что необходимым условием структурно-семантической членимости слова является повторяемость каждого его компонента, а также способность к сохранению своего значения в сочетаниях с другими компонентами или совокупностями компонентов [Овчаренко, 1970, с. 144]. Выделяются два основных типа сочетаний, употребляемых в терминологических словарях.

1. Словосочетания, в которых каждый отдельный элемент является частью понятийного тезауруса, например, термин *aquatic ecosystem*. В подобных словосочетаниях осуществляется терминологическая сочетаемость термина.

2. Словосочетания, в которых каждый отдельный элемент не входит в понятийный тезаурус. Такие словосочетания иллюстрируют нетерминологическую сочетаемость заголовной терминологической единицы, например, *fur dealer*; [Гринев-Гриневиц, 2009, с. 33; Дубичинский, 1998, с. 98; Овчаренко, 1970, с. 148].

4. Выводы

Итак, становится очевидным, что процесс отбора специальной лексики представляет собой два последовательных этапа, предполагающих переход от частного к общему, то есть переход от отбора типов источников терминологической лексики к собственно отбору необходимых терминологических единиц. Количество и качество терминологических источников, а также самих терминологических единиц в значительной мере определяются как типом конструируемого терминологического словаря, так и предполагаемым типом пользователя, для которого предназначается тот или иной терминологический словарь.

Список литературы

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О. С. Ахманова. – М.: Сов. Энциклопедия, 1966. – 607 с.

2. Герд, А. С. Основы научно-технической лексикографии: как работать над терминологическим словарем [Текст] / А. С. Герд. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. – 73 с.
3. Гринев-Гриневиц, С. В. Введение в терминографию: как просто и легко составить словарь: учебное пособие [Текст] / С. В. Гринев-Гриневиц. – М.: Либроком, 2009. – 224 с.
4. Денисов, П. Н. Лексика русского языка и принципы ее описания [Текст] / П. Н. Денисов. – М.: Рус. яз., 1993. – 245 с.
5. Дубичинский, В. В. Теоретическая и практическая лексикография: учебной пособие [Текст] / В. В. Дубичинский. – Вена – Харьков: Wiener Slawistischer Almanach; Харьковское лексикографическое общество, 1998. – 160 с.
6. Кудашев, И. С. Проектирование переводческих словарей специальной лексики [Текст] / И. С. Кудашев. – Хельсинки: Helsinki University Print, 2007. – 443 с.
7. Ловцевич, Г. Н. Кросскультурный терминологический словарь как средство репрезентации терминологии гуманитарных наук [Текст] / Г. Н. Ловцевич. – Владивосток: Издательство Дальневосточного Университета, 2009. – 264 с.
8. Ловцевич, Г. Н. Отбор словника кросскультурного терминологического словаря [Текст] / Г. Н. Ловцевич // Вестник Университета Российской академии образования, 2009. – № 5 (48) – С. 16–21.
9. Новое в зарубежной лингвистике. Прикладная лингвистика. – Вып. 12. Сост. В. А. Звегинцева. Переводы с английского языка под ред. и с предисловием Б. Ю. Городецкого [Текст]. – М.: Радуга, 1983. – 462 с.
10. Овчаренко, В. М. Концептуальная, семантическая и семиотическая целостность термина [Текст] / В. М. Овчаренко. – М.: Наука, 1970. – С. 139–153.
11. Bowker, L. The contribution of corpus linguistics to the development of specialized dictionaries for learners [Text] / L. Bowker // Specialized dictionaries for learners, P. A. Fuertes-Olivera (ed.). – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2010. – P. 155–168.
12. Fuertes-Olivera, P. A. Specialised lexicography for learners: specific proposals for the construction of the pedagogically-oriented printed business dictionaries [Text] / P. A. Fuertes-Olivera // Hermes, Journal of Language and Communication Studies, 2009. – N 42 – P. 167–188.
13. Lovtsevich, G. The concept of a cross-cultural TESOL dictionary [Text] / G. Lovtsevich, S. Ryan / Conference handbook. PAC at JALT 2001: A Language Odyssey. November 22–25, 2001. – Kitakushu, Japan. – P. 832–837.
14. Nassimi, M. A. Zweisprachige Lexikographie des Sprachenpaares Deutsch und Dari / Persisch: Dissertationsarbeit zur Erlangung des akademischen Grades eines Doktors der Philosophie (Dr. phil): vorgelegt den 21.07.2004: Tag der mündl. Prüfung: 28.01.2005 [Text] / Mohammad Aslam Nassimi // Universität Duisburg-Essen, Standort Essen, 2004. – 330 S.
15. Tarp, S. The third leg of two-legged lexicography [Text] / S. Tarp // Hermes – Journal of Language and Communication Studies, 2008. – N 40 – P. 117–130.
16. Zöfgen, E. Bilingual learner's dictionaries [Text] / E. Zöfgen // Dictionaries. An international encyclopedia of lexicography. Handbook of linguistics and communication science, Hausmann et al. (eds.). – Berlin/New York: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 1991. – Vol. 3. – P. 2888–2903.

References

1. Ahmanova, O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov [Tekst] / O. S. Ahmanova. – M.: Sov. Jenciklopedija, 1966. – 607 s.
2. Gerd, A. S. Osnovy nauchno-tehnicheskoy leksikografii: kak rabotat' nad terminologicheskim slovarem [Tekst] / A. S. Gerd. – L.: Izd-vo LGU, 1986. – 73 s.
3. Grinev-Grinevich, S. V. Vvedenie v terminografiju: kak prosto i legko sostavit' slovar': uchebnoe posobie [Tekst] / S. V. Grinev-Grinevich. – M.: Librokom, 2009. – 224 s.
4. Denisov, P. N. Leksika russkogo jazyka i principy ee opisaniya [Tekst] / P. N. Denisov. – M.: Rus. jaz., 1993. – 245 s.
5. Dubichinskij, V. V. Teoreticheskaja i prakticheskaja leksikografija: uchebnoj posobie [Tekst] / V. V. Dubichinskij. – Vena – Har'kov: Wiener Slawistischer Almanach; Har'kovskoe leksikograficheskoe obshhestvo, 1998. – 160 s.
6. Kudashev, I. S. Proektirovanie perevodcheskikh slovarej special'noj leksiki [Tekst] / I. S. Kudashev. – Hel'sinki: Helsinki University Print, 2007. – 443 s.
7. Lovcevich, G. N. Krosskul'turnyj terminologicheskij slovar' kak sredstvo reprezentacii terminologii gumanitarnyh nauk [Tekst] / G. N. Lovcevich. – Vladivostok: Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo Universiteta, 2009. – 264 s.
8. Lovcevich, G. N. Otbor slovnika krosskul'turnogo terminologicheskogo slovarja [Tekst] / G. N. Lovcevich // Vestnik Universiteta Rossijskij akademii obrazovanija, 2009. – № 5 (48) – S. 16–21.
9. Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Prikladnaja lingvistika. – Vyp. 12. Sost. V. A. Zveginceva. Perevody s anglijskogo jazyka pod red. i s predisloviem B. Ju. Gorodeckogo [Tekst]. – M.: Raduga, 1983. – 462 s.
10. Ovcharenko, V. M. Konceptual'naja, semanticheskaja i semioticheskaja celostnost' termina [Tekst] / V. M. Ovcharenko. – M.: Nauka, 1970. – S. 139–153.
11. Bowker, L. The contribution of corpus linguistics to the development of specialized dictionaries for learners [Text] / L. Bowker // Specialized dictionaries for learners, P. A. Fuertes-Olivera (ed.). – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2010. – P. 155–168.
12. Fuertes-Olivera, P. A. Specialised lexicography for learners: specific proposals for the construction of the pedagogically-oriented printed business dictionaries [Text] / P. A. Fuertes-Olivera // Hermes, Journal of Language and Communication Studies, 2009. – N 42 – P. 167–188.
13. Lovtsevich, G. The concept of a cross-cultural TESOL dictionary [Text] / G. Lovtsevich, S. Ryan / Conference handbook. PAC at JALT 2001: A Language Odyssey. November 22–25, 2001. – Kitakushu, Japan. – P. 832–837.
14. Nassimi, M. A. Zweisprachige Lexikographie des Sprachenpaares Deutsch und Dari / Persisch: Dissertationsarbeit zur Erlangung des akademischen Grades eines Doktors der Philosophie (Dr. phil): vorgelegt den 21.07.2004; Tag der mündl. Prüfung: 28.01.2005 [Text] / Mohammad Aslam Nassimi // Universität Duisburg-Essen, Standort Essen, 2004. – 330 S.
15. Tarp, S. The third leg of two-legged lexicography [Text] / S. Tarp // Hermes – Journal of Language and Communication Studies, 2008. – N 40 – P. 117–130.
16. Zöfgen, E. Bilingual learner's dictionaries [Text] / E. Zöfgen // Dictionaries. An international encyclopedia of lexicography. Handbook of linguistics and communication science, Hausmann et al. (eds.). – Berlin/New York: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 1991. – Vol. 3. – P. 2888–2903.

УДК 81'34; 81'371
UDK 81'34; 81'371

Шамина Елена Анатольевна
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация
Elena A. Shamina
St.-Petersburg State University
St.-Petersburg, Russian Federation
 e-mail: elena_shamina@hotmail.com, e.shamina@spbu.ru

**ФОНЕТИЧЕСКАЯ МОТИВИРОВАННОСТЬ КАК ОСНОВАНИЕ
 ЛИТЕРАТУРНОГО СЛОВОТВОРЧЕСТВА
 (НА МАТЕРИАЛЕ СКАЗКИ Р. ДАЛА “THE BFG”)
 PHONETIC MOTIVATION AS A FOUNDATION
 FOR LITERARY NEOLOGISMS
 (BASED ON R. DAHL’S FAIRY TALE “THE BFG”)**

Аннотация

Изобретение особого языка для литературного персонажа ставит во многих случаях перед автором задачу создания слов, которые были бы понятны читателю без объяснений или перевода. Чтобы понять содержание текста, наполненного неологизмами, читателю приходится полагаться на разные виды мотивированности языкового знака, в том числе и на звуковую форму слов, которая может иметь коннотативные ассоциации. Фонетическая мотивированность литературных неологизмов включает как специфические для данного (английского) языка фонотактические модели слов и звуко-семантические отношения, так и черты универсальной звукоизобразительности. Контекстуальный и фонетический анализ неологизмов в сказке Р. Дала показывает, что данное предположение верно, в частности относительно звукоизображений размера, итеративности, эмоционального отношения и звукоподражаний. Иконический характер изученных неологизмов подтверждается в серии психолингвистических перцептивных экспериментов с носителями английского и русского языков в качестве информантов.

Abstract

Inventing a literary character’s language entails a task of creating new words that may be understood by the reader without explaining or defining them. To correctly perceive the content of the text full of new words, the reader has only the motivated sound shape of the words to rely on, and the connotative associations the sound shapes may have. The phonetic motivation of a new word should involve both (English) language specific word formation strategies and (English) language specific sound – meaning relations, as well as universally understandable sound symbolism. The analysis of the sound form and the contextual meaning of neologisms in R. Dahl’s fairy tale show the assumption to be true, especially in respect to depicting size, iteration and emotional attitude, as well as to imitating sounds. Iconicity of the literary neologisms is further established in a series of psycholinguistic perceptual experiments with speakers of English and Russian as informants.

Ключевые слова: литературные неологизмы, фонетическая мотивированность, звуковой символизм, звукоподражание, перцептивный эксперимент.

Keywords: literary neologisms, phonetic motivation, sound symbolism, sound imitation, perceptual experiment.

1. Введение

Иногда авторы литературных произведений ставят перед собой очень сложную задачу: ввести в действие персонаж, который говорит на своём особом языке, что, естественно, сразу выделяет его из ряда других персонажей. По всей вероятности, именно такую попытку предпринял и блестяще осуществил британский писатель Роалд Дал [Dahl, 1982] при написании сказки “The BFG”, что является аббревиатурой английского словосочетания *the Big Friendly Giant*, то есть *большой дружелюбный великан*, и одновременно именем одного из главных действующих лиц книги (далее – БДВ). БДВ родился и воспитывался среди злобных великанов, что рыщут по ночам в поисках пищи, которой им обычно служат маленькие дети, которых они воруют прямо из тёплой постели. Соплеменники презирают БДВ за его доброту, так как он не только отказывается есть людей, но и старается сделать их жизнь лучше, посылая им приятные сны. Когда за этим занятием его случайно замечает маленькая девочка Софи, они знакомятся, заводят дружбу и договариваются положить конец бесчинствам других великанов.

Прежде чем их план сработает, БДВ и Софи надо научиться общаться, а это трудно, так как БДВ говорит на особом великаньем языке и родной для Софи и читателей сказки Р. Дала английский для него – язык иностранный, которому он немножко научился, странствуя по Англии в ночное время. Для того чтобы речь БДВ была понятна, она должна быть мотивирована.

2. Первичная (фонетическая) и вторичная мотивированность литературных неологизмов

Поскольку в сказке Р. Дала нет объяснений грамматических правил и лексики великаньего языка и нет словаря, в котором бы были приведены английские соответствия выражений, которые использует БДВ, они должны быть сделаны понятными читателям при помощи одного из видов мотивированности языкового знака. При том что в современных языках существуют слова немотивированные или утратившие мотивировку, большая часть вокабуляра мотивирована. Под вторичной (секундарной) мотивированностью понимают такое положение дел, когда одна лингвистическая единица мотивирована другой лингвистической единицей. Например, русское название цветка *подснежник* мотивировано семантически словом *снег* и морфологически аффиксами *под-* и *-ник*, а название цветка *колокольчик* – метафорически, так как его форма напоминает форму маленького колокола. Под первичной (примарной) мотивированностью понимают собственно фонетическую мотивированность, когда звуковая форма слова неконвенциональным образом коррелирует с его значением.

Вполне возможно, именно такой вид мотивированности лежал в основе номинации на ранних этапах становления языка [Леонтьев, 1969; Журавлев, 1974]. Примерами могут служить русское название птицы *кукушка*, основанное на подражании звукам, ею издаваемым, и обозначение куклы для маленьких детей *пупс(ик)*, артикуляционно имитирующее типичное для взрослых выражение лица при общении с младенцами [Шамина, 2008].

Понятие фонетической мотивированности напрямую соотносится с понятием иконических знаков, введенным Ч. Пирсом [Peirce, 1994]. Следует предполагать также, что она базируется на таком нейрофизиологическом явлении, как синестезия, то есть «со-ощущение», возникающее вследствие иррадиации возбуждения с нервных структур одной сенсорной модальности на другую как реакция на одно и то же событие. Лингвистическими примерами этому могут служить такие метафорические выражения как *блестящая карьера*, *холодный взгляд* и даже термины *мягкие* и *твердые согласные*. Дополнительно к понятию синестезии, С. В. Воронин ввёл в научный обиход понятие синестэмии, подчеркивающее тот факт, что зачастую синестетические явления сопровождаются эмоциональными реакциями [Воронин, 1982].

Поскольку предметом исследования является не отдельное слово, а речь персонажа в целом, то рассмотрению необходимо подвергнуть все языковые уровни, включая фонетический, лексический и грамматический аспекты. Высказывания БДВ анализировались с точки зрения вида их мотивированности, особое внимание при этом уделялось фонетической мотивированности, использованной Р. Далом в процессе авторского словотворчества.

3. Материал исследования

Прежде чем можно было установить характер мотивированности литературных неологизмов Р. Дала, необходимо было определить их значение. Этот процесс включал контекстуальный анализ, а также проверку схожих по форме слов по целому ряду англоязычных словарей. Так, неологизм *skididdle* употребляется в тексте сказки в следующем контексте:

(1) The giants is clever. They is careful not to be *skididdling* off to the same country too often. They is always switchfiddling around.

Это слово явно напоминает глагол *skedaddle* со значением «улепетывать» («to leave a place very quickly»), как указывают словари Longman Dictionary of Contemporary English и Merriam-Webster Dictionary. Оно легко распадается на части *skid* и *diddle*. Первая, как следует из словаря Longman Dictionary of English Language and Culture, функционирует в английском языке как глагол со значением «бесконтрольно скользить по поверхности» («to slide along a road or other surface in an uncontrolled way»), а вторая – как глагол-сленгизм со значением «обманывать» («to cheat»). Контекст однозначно указывает употребление этого слова в качестве глагола, обозначающего неоднократное и преднамеренное пересечение границ. Эти наблюдения приводят к выводу, что литературный неологизм *skididdle* имеет значение «быстро и скрытно проникать на территорию с нечестными намерениями».

За контекстуальным и семантическим анализом при рассмотрении текста сказки следовал морфологический и фонетический анализ литературных неологизмов. Таким образом было обнаружено 463 неологизма, 43 из которых представляют собой идиоматические выражения (и далее не исследуются), 49 могут быть истолкованы как неправильные написания реальных английских слов, а 371 являются непосредственным результатом авторского словотворчества.

4. Фонетический аспект речи БДВ

Собственно фонетический уровень языка БДВ полностью мотивирован фонетическими законами английского языка (видимо, в его британском национальном варианте). Все примеры неправильного написания реально существующих английских слов, обнаруженные в тексте сказки, будучи произнесены согласно типичным звуко-буквенным соответствиям этого языка, имеют исходный фонемный состав и легко опознаются на слух, например:

(2) *Your brekfust is redy.*

Это предложение звучит точно так же, как и написанное в соответствии с правилами орфографии *Your breakfast is ready*, что означает «Завтрак готов».

Фонетический анализ неологизмов в сказке Р. Дала показывает, что фонотактические закономерности английского языка при их построении не нарушаются, запрещённые звуко сочетания не используются. Единственным исключением может считаться прилагательное *scrumdiddlyumptious* (см. пример (8)), длина которого явно превышает типичную для английского слова длину: в его звуковом составе насчитывается 21 фонема.

5. Грамматический аспект речи БДВ

Также как и фонетический уровень языка БДВ, грамматический уровень языка главного персонажа сказки Р. Дала мотивирован системными закономерностями английского языка. Об этом свидетельствует как типичный для английских утвердительных предложений прямой порядок слов, так и вполне соответствующее правилам употребление артиклей, предлогов, союзов и единиц других служебных частей речи. Отклонениями от современной грамматической нормы английского языка следует признать упрощение парадигмы глагола *to be*, включающей в речи БДВ только форму *is* для всех лиц и чисел в настоящем времени, а также образование форм множественного числа существительных исключительно при помощи суффикса *-(e)s*, что демонстрирует следующий пример: для всех лиц и чисел в настоящем времени, а также образование форм множественного числа существительных исключительно при помо

(3) *And you is an insult to the giant peoples!*

Отклонения от грамматически правильной английской речи в исполнении БДВ включают также чрезмерно частое употребление форм настоящего продолженного времени (the Present Continuous Tense) вместо других глагольных временных форм, например, простого настоящего времени (the Present Simple Tense), как в данном высказывании:

(4) Just because we happen not to have actually seen something with our own two little winkles, we think it *is not existing*.

Анализ морфологической структуры авторских неологизмов также указывает на предпочтительное использование автором характерных для английского языка способов словообразования. Их можно продемонстрировать следующими примерами:

(5) They would be putting me into the zoo or the *bunkumhouse* with all those squiggling *hippodumplings* and *crockadowndillies*...

(6) We is having an interesting *babblement* about the taste of the *human bean*.

(7) Just because I is a giant, you think I is a *man-gobbling cannybull*!

(8) Turks is tasting oh ever so much juicier and more *scrumdiddlyumptious*.

Аффиксация используется в 13% неологизмов (*babblement*, *man-gobbling*), словосложение – в 37% неологизмов (*bunkumhouse*, *man-gobbling*). Таким образом, около половины всех неологизмов в сказке построены с применением таких типичных английских словообразовательных приемов, как аффиксация и словосложение. Это значит, что при их создании была использована вторичная мотивированность.

Однако вторая половина неологизмов в сказке демонстрирует такие способы словообразования, как словослияние и редупликация, а также фонетическое и орфографическое искажение формы слова. Такие словообразовательные модели не являются типичными для нормативного английского языка; они встречаются в сленге, и самой яркой их чертой является семантическая экспрессивность, тесно связанная с экспрессивностью формы [Fudge, 1970].

Неологизмы, образованные при помощи словослияния, называют также словами-слитками (*fusions*, *blendings*) или телескопическими словами (*telescopic words*) [Arnold, 1973, 88–90]. В речи БДВ они встречаются часто: в 25% всех слов его языка. В приведённых выше примерах они представлены словами *hippodumplings* и *crockadowndillies*, в которых легко можно узнать крокодилов и гиппопотамов (*crocodiles* и *hippopotamuses*). Однако эти большие и страшные животные в устах БДВ предстают довольно жалкими, в силу того, что их названия оказались соединены со словами *dumplings* «вареники» и *dillies*, скорее всего, образованного от *dilly-dally* «прохлаждаться».

Орфографические искажения (*spelling corruptions*), такие как неоднократно встречающееся в сказке слово *cannybull* от общепринятого *cannibal* «каннибал, людоед», хотя, как уже отмечалось выше, не влияют на произношение и легко опознаются, могут усиливать общую экспрессивность текста и некоторым образом модифицировать семантику слова. Так, в данном примере происходит сближение слова *cannibal* «людоед» со словом *bull* «бык», которому предпослано определение *canny* «ушлый».

Фонетические искажения (*phonetic corruption*), например, *human bean* в речи БДВ, совпадающее по форме со словосочетанием «человеческий боб» и образованное от *human being* «человек», и слова, образованные при помощи редупликации, например, *thingalingaling* «что-то маленькое» достаточно регулярно встречаются в эмоционально-окрашенных, стилисти-

чески сниженных видах речи, характеризующихся высокой экспрессивностью и часто негативной оценочностью.

6. Лексический аспект речи БДВ

6.1. Общие замечания

Как было показано в разделах 4 и 5, на фонетическом и грамматическом уровнях языковые единицы речи главного героя сказки Р. Дала мотивированы соответствующими закономерностями нормативного английского языка, то есть секундарно. Впрочем, такое положение дел вполне оправдано, так как для обеспечения понятности иноязычного текста, встроенного в повествование на английском языке, его основополагающие языковые структуры, такие как фонотактика и синтаксис, должны быть сходными с теми, что привычны для читателя. Лексика же искусственного языка может быть мотивирована примарно. Уже на уровне морфологии в половине слов БДВ наблюдаются определённые отклонения, которые привлекают внимание читателя к их форме. Отношения же этой формы со значением могут быть иконическими, то есть такими, которые предполагают неконвенциональную, безусловную связь означающего и означаемого. Восприняв форму такого слова, реципиент (читатель) способен воспринять и ассоциативное значение звуков, составляющих его экспоненту. Понятие первичной мотивированности языкового знака обусловлено тем, что определённые виды звучаний связаны с определёнными видами значений.

6.2. Обозначение итеративности

Сонанты в силу своей сонорности, то есть тоновых составляющих высокой интенсивности, обычно ассоциируются с чем-либо длинным, гладким и плавным. Особенно это касается латерального сонанта [l], который в русскоязычной фонетической традиции называется «плавный», а в англоязычной – *liquid* «жидкий». Кроме того, в английском языке в определённых фонетических позициях, например, на конце слова после ненапряженных монофтонгов, фонема /l/ представлена своим долгим аллофоном. Сонант [r] во многих языках реализуется как дрожащий согласный, при произнесении которого кончик языка вибрирует в потоке выдыхаемого воздуха. В силу особенностей артикуляции он легко ассоциируется с повторяющимися действиями, (ср., напр., русское и английское обозначение звуков удовольствия, издаваемых кошкой: *мур, purr*).

Г. Марчанд первым обратил внимание на суффиксоподобные вставки согласных /l/ и /r/, которые придают английским словам значение итеративности, то есть длительного или повторяющегося действия, и множественности [Marchand, 1969]. Он назвал их RL-формантами. Английские глаголы с RL-формантами изучались Н.В. Бартко [Бартко, 2001], а С.В. Воронин провёл сопоставительное исследование итеративного значения, ассоциированного со звуками [l] и [r], на материале нескольких языков [Voronin, 2005 b].

В тексте сказки Р. Дала было обнаружено авторских 47 неологизмов с RL-формантами, как глаголов, так и существительных. Можно утверждать, что семантика каждого из них так или иначе связана с итеративностью. При этом общее значение итеративности выражается в обозначениях повторяющегося действия, как в примере (9), длительного действия, как в примере (10), и множественности, как в примере (11):

(9) «Words,» he said, «is such a *twitch-kickling* problem to me all my life... I know exactly what words I am wanting to say, but somehow or other they is always getting *squiff-squiddled* around.»

(10) «Now close your eyes and *grittle* your teeth and look up to heaven and say your prayers while I is taking out the teeth of the venomsome viperst» the BFG said.

(11) «That was only one titchy little bite,» the BFG said. «Is you having any more of this delunctious *grubble* in your cupboard, Majester?»

Необходимо отметить, что подобные примеры словотворчества Р. Дала содержат в основном L-формант, а именно в 96% случаев. Объяснение этому факту, как представляется, кроется в артикуляторных и акустических свойствах фонемы /r/ современного нормативного английского языка, которая в ходе исторического развития утратила дрожащий характер и в настоящее время реализуется как щелевой сонант, при этом довольно краткий. Следовательно, её звуковое воплощение более не годится для обозначения повторяющихся или длительных процессов.

6.3. Обозначение размера

Ещё одной типичной сферой действия примарной мотивированности языкового знака является звукоизображение размера. Как было показано в известной работе О. Есперсена [Jespersen, 1933], чьи идеи затем были развиты Е. Фишер-Йоргенсен [Fischer-Jørgensen, 1978], эту функцию обычно выполняют гласные.

В артикуляторном отношении, гласные переднего ряда, оставляющие при произнесении очень немного места для резонанса в передней части ротовой полости, обычно ассоциируются с маленькими предметами и действиями с небольшой амплитудой движения. С другой стороны, гласные низкого подъёма и/или заднего ряда, при произнесении которых образуется широкий проход для выдыхаемой воздушной струи и полость большого объёма, могут быть использованы для указания на большие предметы и действия с большой амплитудой движения. В акустическом отношении, передние гласные имеют более высокие тоновые составляющие, чем задние гласные; огубленность, свойственная в английском языке только гласным заднего ряда, также понижает общий собственный тон гласных. Поскольку предметы маленького размера резонируют с высокой частотой, а предметы большого размера – с низкой, гласные переднего ряда и особенно высокого подъёма, то есть гласные типа [i], могут ассоциироваться с чем-либо маленьким, а гласные заднего ряда – с чем-либо большим.

Лексический состав языка БДВ содержит довольно представительный список слов (26 существительных, прилагательных и глаголов), в семантической структуре которых присутствует сема «маленького размера»:

(12) *titchy, whiffswiddle, hipswitch, swiggle, snitching, twiddly, chittering, fibbling, snipsy, winkle, twitch-tickling, squibbling, squimpy, snitchet, pitsqueak, pibbling, fizzwinkel, winky, squeakpips, mintick, thingalingaling, twiglet, midgy, prunty, gobbit, scrumplet.*

Обращает на себя внимание тот факт, что 83% из них имеют в звуковом составе ударный гласный /i/, а если учесть, что некоторые слова являются двуударными, то окажется, что передние гласные составляют 92% ударных гласных в этом списке. Представляется, что действие фонетической мотивированности при образовании этих слов бесспорно. Только последние три неологизма в примере (12), по всей видимости, демонстрируют другие виды мотивировки. При этом существительное *scrumplet* может служить прекрасным иконическим знаком для «маленького лохматенького и чумазенького существа», но его размер мотивирован вторично, при помощи суффикса *-let*.

В вокабуляре БДВ лексические единицы, обозначающие что-либо большое, представлены в меньшем количестве, их всего 10:

(13) *whoppsy, jumbly, wonky, bumblehammers, bundongle, swashboggling, gropeflunking, whunking, bootle, dillions.*

Примечательно, что в звуковом составе 85% из них содержатся гласные /ʌ/ и /ɒ/, оба низкого подъёма и непереднего ряда (первый – центрального, второй – заднего). Эти гласные составляют 86% от общего количества ударных гласных в звуковой форме данных неологизмов, что ещё раз подтверждает их иконический характер. Единственное слово в этом ряду, мотивированное вторичным способом, *dillions* является фонетическим искажением или рифмой к слову *millions* «миллионы» и сленгизму *zillions* «огромное количество».

6.4. Выражение эмоционального отношения

Фонетическая мотивированность выражений эмоционального отношения также неоднократно была показана на материале разных типов модальности, разных языков и с применением разных исследовательских методов. Изучение звуковой природы пейоративов и мелиоративов английского, а также других европейских языков и проверка полученных фонотактических данных в перцептивных экспериментах по восприятию иностранных эмотивных слов и приписыванию им пейоративного или мелиоративного значения [Шамина, 2013] убедительно свидетельствуют об иконических отношениях между их звучанием и значением. При этом звуковая форма мелиоративных наименований обычно подчиняется существующей в данном языке фонотактической норме с незначительным превышением частотности переднеязычных согласных и гласных переднего ряда. Следует предположить, что несколько более свойственные звуковой форме мелиоративов, чем экспонентам нейтральной лексики, артикуляции

в передней части ртовой полости с нейтральными или растянутыми губами служат звуковым жестом улыбки. Звуковая форма пейоративов, наоборот, демонстрирует существенное, статистически достоверное превышение частотности губных и заднеязычных согласных, а также огубленных гласных заднего ряда, то есть гласных типа [u]. Таким образом, их артикуляция оказывается близка к имитации мимики неодобрения: презрительного искривления губ, резкого выдоха и плеванья, и даже позыва на рвоту. Следует отметить также, что акустически пейоративы оказываются ниже, чем мелиоративы, а низкие звуки чаще связываются в сознании с чем-либо неприятным, чем приятным.

В сказке Р. Дала неологизмы-мелиоративы распределяются на две равные по объему группы. Мелиоративы первой из них мотивированы вторично реально существующими английскими словами, модифицированными при помощи традиционных или экспрессивных способов словообразования:

(14) *wondercrump* (от *wonderful*), *gloriumptious* (от *glorious*), *delumptious* (от *delicious*), *dory-hunky* (от сленгизма *hunky-dory* «счастливый, беззаботный»).

Мелиоративы из второй группы основаны на фонетической мотивированности: все ударные гласные в их звуковом составе переднего ряда:

(15) *spliffing*, *squiffing*, *phizzwizard*, *winksquiffler*, *razztwizzler*.

В звуковой форме неологизма-мелиоратива *scrumdiddlyumptious* со значением «вкусный» представлены обе тенденции.

Неологизмы-пейоративы были обнаружены в сказке Р. Дала в гораздо большем количестве, и их семантика довольно разнообразна. Вообще говоря, преобладание слов отрицательной оценки над словами положительной оценки среди эмотивной лексики представляется вполне закономерным, равно как и широкий спектр конкретных значений, им присущих [Шамина, 2001]. Очень небольшое их количество оказалось мотивировано вторично, путём добавления типичных английских аффиксов к реально существующим английским лексическим единицам:

(16) *rotsome* (от *rot*), *disgusterous* (от *disgusting*), *filthing* (от *filthy*).

Однако большинство пейоративов в речи БДВ мотивировано фонетически, что можно продемонстрировать примерами из двух семантических подгрупп, которые оказались наиболее многочисленными. В первую подгруппу были отнесены неологизмы с общим значением «обманутый, лох»:

(17) *slopgroggled*, *crodsquinked*, *bopmuggered*, *fluckgungled*, *goosegruggled*, *flushbunkled*, *biffsquiggled*, *gungswizzled*, *swishfiggler*, *squiff-squiddled*.

Вторую подгруппу образовали неологизмы с общим значением «чепуха, ерунда»:

(18) *pigspiffle*, *swatchwallop*, *crodswoogle*, *rubsquash*, *rommytot*, *glubbage*, *pilffleffizz*, *bugswallop*, *buzzburgers*, *gobblefunk*, *moocheling* and *footcheling*.

Звуковая форма пейоративов в речи БДВ чрезвычайно богата губными и заднеязычными согласными, которые в совокупности составляют около половины (46%) всех согласных в корневых морфемах неологизмов. Частотность губных согласных оказалась выше ожидаемой (т. е. регистрируемой в нормативной нейтральной лексике – ср. [Шамина, 1988]) в три раза. Почти половина переднеязычных согласных представлена фрикативными. Гласные

в звуковом составе неологизмов-пейоративов демонстрируют ещё более разительные иконические свойства. Из 19 возможных в ударном положении английских гласных, только три гласных: /u:/, /ɒ/ (оба огубленные гласные заднего ряда) и /ʌ/ (исторически восходящий к огубленному заднему гласному) – составляют 68%. Всё это свидетельствует о несомненной фонетической мотивированности данных образцов литературного словотворчества.

6.5. Звукоподражания

Такие бесспорно фонетически мотивированные единицы, как звукоподражательные слова, также обнаруживаются в лексиконе БДВ. Ономато-пея, лежащая в основе слов, имитирующих звучания, сопровождающие природные явления, или крики животных, привлекала внимание учёных с незапамятных времен. В последние десятилетия глубокое исследование звукоподражаний на материале целого ряда родственных и неродственных языков было предпринято С.В. Ворониным [Воронин, 2004; Voronin, 2005 a], которому удалось создать универсальную классификацию онома-топов, объясняющую основные закономерности отображения в языковых знаках внеязыковых звучащих явлений.

В речи БДВ встречаются неологизмы-онома-топы разных классов. Так, его речь изобилует глаголами движения, а в них такой оттенок значения, как «высокая скорость», передается фрикативными согласными (/s/, /z/, /ʃ/, /f/), имитирующими свист или шум разрываемого при быстром передвижении воздуха:

(19) *zipfizz* «быстро убежать», *switchfiddle* «резко повернуть», *splatch-winkle* «быстро передвигаться», *bish* «толкнуть, ударить», *rushing and bushing* «толкаться, передвигаться толпой».

В отдельных случаях звуковая форма глаголов движения из лексикона БДВ передаёт также другие звуки, это движение сопровождающие. В неологизмах *scumper* и *flushbunk* с основным значением «бежать» гласный /ʌ/, встречающийся также в неологизмах, обозначающих большие предметы (ср. пример (13)), указывает на тяжёлую поступь неуклюжих великанов, на их топот. В слове *splashplunk* «столкнуть в воду», не только первая часть является звукоподражательной (*splash* – реально существующий английский онома-топ, обозначающий плеск жидкости), но и вторая, имитирующая сначала удар предмета о поверхность воды, а затем булькающий звук, издаваемый, когда он тонет. Глагол *wackcrackle* «внезапно напасть» имитирует громкий удар оружия по твёрдой поверхности и, вполне возможно, хруст ломающихся костей.

Слова, описывающие поглощение пищи, также довольно интересны с точки зрения изучения фонетической мотивированности. Они могут представлять собой онома-топы, имитирующие звуки, сопровождающие процесс еды (жевание, глотание, чавканье, чмоканье и прочие), а также звуко-символические образования, указывающие при помощи речевых звуков, производимых в той или иной части артикуляционного аппарата, на путь, который проходит пища от ложки до желудка. Поэтому в звуковой

состав экспонент неологизмов с общим значением «принимать пищу» или «еда» входят, в качестве звуковых жестов, губные согласные и огубленные гласные, указывающие на губы как начало этого пути, переднеязычный щелевой сонант /l/, указывающий на работу языка, и заднеязычные согласные, имплицитующие горло:

(20) *swollop, swallow, swobble, gollop, grabble*.

7. Экспериментальное изучение фонетической мотивированности литературных неологизмов

Так как фонетическая мотивированность или звукоизобразительность основывается на нейрофизиологических феноменах синестезии и синестемии, она не может быть строго индивидуальной. Она с необходимостью должна быть универсальной, хотя может быть отчасти ограничена фонотактикой данного языка. Если неологизмы Р. Дала мотивированы фонетически, они должны восприниматься принципиально одинаково, как минимум, носителями английского языка и, как максимум, носителями других языков. Для оценки объективности фонетической мотивированности литературных неологизмов было проведено экспериментальное исследование.

В нем в качестве аудиторов принимали участие носители английского и русского языка, по 30 человек в каждой группе, мужчины и женщины, в возрасте около 20–30 лет. Им предлагалось прослушать студию запись некоторых слов языка БДВ, сделанную носителем английского языка, и выбрать для каждого слова подходящее значение из предложенных, например, «двигаться быстро / двигаться медленно». Опрос осуществлялся преимущественно удалённо, по сети Интернет. Инструкции и опросные листы предъявлялись информантам на их родном языке, но они не содержали неологизмов в письменной форме. Результаты экспериментов подтверждают высказанные выше предположения.

Так, 75% информантов-носителей английского языка и 90% информаторов-русских правильно угадали значение неологизма *zipfizz* «двигаться быстро». По всей вероятности, звукоизобразительность гласных переднего ряда и переднеязычных согласных при обозначении высокой скорости движения является очевидной для обеих групп аудиторов, то есть предположительно универсальной.

С другой стороны, итеративное значение [l] было релевантно только для носителей английского языка, 75% которых приписали неологизму *skididdle* значение «постоянно двигаться», в котором оно и употребляется в языке БДВ. Русские участники эксперимента его не восприняли, их мнения относительно значения этого глагола практически поровну распределились между антонимическими «постоянно двигаться» и «подпрыгнуть». Тот факт, что информанты-русские предпочли значение «букашка, постоянно производящая звуки» значению «букашка, которая никогда не производит звуки» для неологизма *buzzwangle* почти столь же уверенно, как и информанты-носители английского языка (в 75% случаев против 80%, соответственно), скорее всего, объясняется не итеративностью [l] в его звуковом

составе, а ассоциацией части *buzz* с жужжанием. Часть данного неологизма *buzz* совпадает по форме с реально существующим в английском языке ономотопом, мотивированным примарно, и его звукоизобразительный характер представляется универсальным.

8. Выводы

Анализ языка, который Роалд Дал придумал для своего персонажа-великана из сказки «The BFG», приводит к выводу, что также как и в естественном языке, отношения между означаемым и означающим в литературных неологизмах не могут быть абсолютно конвенциональными. Чтобы быть понятыми читателями, структура и слова искусственного языка должны быть хотя бы в основных чертах мотивированы языком, на котором написано литературное произведение. Эти основные черты включают фонотактические, синтаксические и морфологические модели. Семантика же литературных неологизмов может быть успешным образом мотивирована примарно, то есть фонетически, с опорой на ассоциативные связи между звуковой формой слова и его значением. Такие звукоизобразительные ассоциативные связи позволяют, услышав (или прочитав) слово, догадаться о его значении. Звукоизобразительные закономерности, лежащие в основе успешного литературного словотворчества, в большинстве своём универсальны, так как являются следствием общих иконических принципов, однако в отдельных случаях оказываются ограниченными системными характеристиками данного языка и могут быть специфически языковыми, то есть типичными только для одного языка.

Благодарности

Автор выражает признательность всем участникам экспериментов и особенно Ксении Ислентьевой и Анне Носыревой за помощь в их организации и проведении.

Список литературы

1. Бартко, Н. В. Английские итеративные RL-глаголы и категория глагольной множественности [Текст] / Н. В. Бартко // Категории глагола и структура предложения: материалы международной конференции. – СПб: Изд-во СПбГУ, 2001. – С. 15–18.
2. Воронин, С. В. Основы фоносемантики [Текст] / С. В. Воронин. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1982. – 244 с.
3. Воронин, С. В. Английские ономотопы: фоносемантическая классификация [Текст] / С. В. Воронин. – СПб: Геликон Плюс, 2004. – 190 с.
4. Журавлев, А. П. Фонетическое значение [Текст] / А. П. Журавлев. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1974. – 160 с.
5. Леонтьев, А. А. Внутренняя мотивированность языкового знака как лингвистическая и психологическая проблема [Текст] / А. А. Леонтьев // Материалы семинара по проблеме мотивированности языкового знака. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1969. – С. 51–53.
6. Шамина, Е. А. Дистрибуция лабиальных в фонетическом и фоносемантическом отношении [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук 10.02.19 / Шамина Елена Анатольевна; Ленингр. гос. ун-т. – Ленинград, 1989. – 16 с.

7. Шамина, Е. А. Семантические поля американских и русских пейзаживов [Текст] / Е. А. Шамина // Материалы XXX межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Секция общего языкознания. – Вып. 21. – Часть 1. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2001. – С. 57–61.
8. Шамина, Е. А. Пупсик, Суок и другие [Текст] / Е. А. Шамина // Этюды по поводу. Сборник статей, посвященных 60-летию зав. каф. англ. филологии СПбГУ проф. А. В. Зеленщикова. – СПб. : Изд-во Конвенция, 2008. – С. 106–111.
9. Шамина, Е. А. Восприятие эмоционально-оценочной лексики неродного языка: универсальные и частноязыковые факторы [Текст] / Е. А. Шамина // Proc. of the 10th International Congress of the International Society of Applied Psycholinguistics. Moscow : ISAPL, 2013. – P. 272–273.
10. Arnold, I. V. The English Word [Text] / I. V. Arnold. – Москва : Высшая школа, 1973. – 303 с.
11. Dahl, R. The BFG [Text] / R. Dahl. – London : Penguin Books, 1982. – 240 p.
12. Fischer-Jørgensen, E. On the Universal Character of Phonetic Symbolism with Special Reference to Vowels: Signs and Sound [Text] / E. Fischer-Jørgensen // Studia Linguistica. 1978. – N 32. – P. 80–90.
13. Fudge, B. Phonological structure and «Expressiveness» [Text] / B. Fudge // Journal of Linguistics. – 1970. – N 6. – P. 161–179.
14. Jespersen, O. Symbolic Value of the Vowel I [Text] / O. Jespersen // Linguistica. – 1933. – P. 283–303.
15. Marchand, H. Categories and Types of Present-Day English Word Formation: A Synchronic-Diachronic Approach [Text] / H. Marchand. – München : Beck, 1969. – 545 p.
16. Peirce, C. S. Pierce on Signs: Writings on Semiotic [Text] / James Hoopes (ed). – Chapel Hill, NC : University of North Carolina Press, 1994. – 294 p.
17. Voronin, S. V. The Universal Classification of Onomatopes Twenty-five Years On [Text] / S. V. Voronin // Iconicity. Glottogenesis. Semiosis. – St. Petersburg : St. Petersburg University Press, 2005 (a). – P. 30–38.
18. Voronin, S. V. Towards a Phonosematic Typology of RL-Multiplicatives (a Case Study of Iconicity in Grammar) [Text] / S. V. Voronin // Iconicity. Glottogenesis. Semiosis. St. Petersburg : St. Petersburg University Press, 2005 (b). – P. 40–48.

References

1. Bartko, N. V. Anglijskie iterativnye RL-glagoly i kategorija glagol'noj mnozhestvennosti [Tekst] / N. V. Bartko // Kategorii glagola i struktura predlozhenija: materialy mezhdunarodnoj konferencii. – SPb : Izd-vo SPbGU, 2001. – S. 15–18.
2. Voronin, S. V. Osnovy fonosemantiki [Tekst] / S. V. Voronin. – Leningrad : Izd-vo LGU, 1982. – 244 s.
3. Voronin, S. V. Anglijskie onomatopy: fonosemanticheskaja klassifikacija [Tekst] / S. V. Voronin. – SPb : Gelikon Pljus, 2004. – 190 s.
4. Zhuravlev, A. P. Foneticheskoe znachenie [Tekst] / A. P. Zhuravlev. – Leningrad : Izd-vo LGU, 1974. – 160 s.
5. Leont'ev, A. A. Vnutrennjaja motivirovannost' jazykovogo znaka kak lingvisticheskaja i psihologicheskaja problema [Tekst] / A. A. Leont'ev // Materialy seminaru po probleme motivirovannosti jazykovogo znaka. – Leningrad : Izd-vo LGU, 1969. – S. 51–53.

6. Shamina, E. A. Distribucija labial'nyh v foneticheskom i fonosemanticheskom otnoshenii [Tekst]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk 10.02.19 / Shamina Elena Anatol'evna ; Leningr. gos. un-t. – Leningrad, 1989. – 16 s.
7. Shamina, E. A. Semanticheskie polja amerikanskih i russkih pejorativov [Tekst] / E. A. Shamina // Materialy HHH mezhvuzovskoj nauchno-metodicheskoj konferencii prepodavatelej i aspirantov. Sekcija obshhego jazykoznanija. – Vyp. 21. – Chast' 1. – SPb. : Izd-vo SPbGU, 2001. – S. 57–61.
8. Shamina, E. A. Pupsik, Suok i drugie [Tekst] / E. A. Shamina // Jetjudy po povodu. Sbornik statej, posvjashhennyh 60-letiju zav. kaf. angl. filologii SPbGU prof. A. V. Zelenshhikova. – SPb. : Izd-vo Konvencija, 2008. – S. 106–111.
9. Shamina, E. A. Vosprijatie jemocional'no-ocenochnoj leksiki nerodnogo jazyka: universal'nye i chastnojazykovye faktory [Tekst] / E. A. Shamina // Proc. of the 10th International Congress of the International Society of Applied Psycholinguistics. Moscow : ISAPL, 2013. – P. 272–273.
10. Arnold, I. V. The English Word [Text] / I. V. Arnold. – Moskva : Vysshaja shkola, 1973. – 303 s.
11. Dahl, R. The BFG [Text] / R. Dahl. – London : Penguin Books, 1982. – 240 p.
12. Fischer-Jørgensen, E. On the Universal Character of Phonetic Symbolism with Special Reference to Vowels: Signs and Sound [Text] / E. Fischer-Jørgensen // Studia Linguistica. 1978. – N 32. – P. 80–90.
13. Fudge, B. Phonological structure and «Expressiveness» [Text] / B. Fudge // Journal of Linguistics. – 1970. – N 6. – P. 161–179.
14. Jespersen, O. Symbolic Value of the Vowel I [Text] / O. Jespersen // Linguistica. – 1933. – P. 283–303.
15. Marchand, H. Categories and Types of Present-Day English Word Formation: A Synchronic-Diachronic Approach [Text] / H. Marchand. – München : Beck, 1969. – 545 p.
16. Peirce, C. S. Pierce on Signs: Writings on Semiotic [Text] / James Hoopes (ed). – Chapel Hill, NC : University of North Carolina Press, 1994. – 294 p.
17. Voronin, S. V. The Universal Classification of Onomatopes Twenty-five Years On [Text] / S. V. Voronin // Iconicity. Glottogenesis. Semiosis. – St. Petersburg : St. Petersburg University Press, 2005 (a). – P. 30–38.
18. Voronin, S. V. Towards a Phonosematic Typology of RL-Multiplicatives (a Case Study of Iconicity in Grammar) [Text] / S. V. Voronin // Iconicity. Glottogenesis. Semiosis. St. Petersburg : St. Petersburg University Press, 2005 (b). – P. 40–48.

УДК 372.881.111.1
UDC 372.881.111.1

Шуйская Татьяна Викторовна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Tatiana V. Shuiskaya
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
e-mail: T.Shuiskaya@mail.ru

**ОПЫТ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В МАГИСТРАТУРЕ
НА НЕЯЗЫКОВЫХ ФАКУЛЬТЕТАХ
THE EXPERIENCE OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING
IN MASTER'S PROGRAM AT NONLINGUISTIC DEPARTMENTS**

Аннотация

В статье излагается опыт организации учебного процесса по иностранному языку в магистратуре. Особое внимание уделяется коммуникативному подходу обучения иностранному языку. Подчеркивается значимость самостоятельной работы в образовательном процессе в магистратуре и таких важных составляющих текстологического направления обучения, как реферирование и аннотирование научного текста по специальности и перевод.

Abstract

The paper describes the experience in organizing a study process as a part of Master's courses. Special attention is paid to the important role of the communicative approach in foreign languages teaching. The importance of self-work in Master's Program is indicated. Important components of textual teaching such as annotation, abstract, essay and translation are considered.

Ключевые слова: методика преподавания английского языка, реферирование и аннотирование научного текста, коммуникативный подход.

Keywords: English language teaching, annotation, abstract, essay of a scientific text, communicative approach.

1. Введение

Обучение иностранному языку в магистратуре на неязыковых факультетах должно соответствовать целям и задачам магистрантов. Основной целью освоения дисциплины «Иностранный язык» является овладение английским языком как иностранным в объёме, достаточном для решения коммуникативных задач, связанных с деятельностью специалиста в конкретной области.

Целевая группа магистрантов обладает рядом характеристик, отличающих её от целевых групп бакалавров и специалистов, как в профессио-

нальном аспекте, так и с точки зрения постановки задач обучения иностранному языку.

Основные отличия магистрантов от других целевых групп заключаются в следующем:

1) магистерская подготовка предполагает формирование не общих знаний, а навыков и умений;

2) в отличие от бакалавров, магистранты обладают, высоким уровнем компетенций в конкретной области знаний, что подтверждено дипломом.

В связи с ограниченным количеством времени, отводимом в курсе магистратуры на иностранный язык, перед преподавателем встаёт трудная задача в выборе эффективных методов обучения иностранному языку.

В современной методике преподавания иностранного языка господствует коммуникативный подход. На практике, однако, преподаватели используют два противоположных подхода. С одной стороны, это использование грамматико-переводного метода в качестве основы преподавания, а с другой – полный отказ от данного метода. Совершенно очевидно, что для достижения указанной цели в преподавании иностранного языка у магистрантов необходимо сочетание этих двух методов.

Преподавание английского языка в магистратуре предполагает, что у поступивших в магистратуру уже сформирован определённый уровень владения иностранным языком – не ниже уровня В1 по общеевропейской шкале оценки [Общеевропейские..., 2003]. Однако, поскольку в бакалавриате вузов неязыковых специальностей студенты изучают иностранный язык по моделям с небольшим количеством отводимых на них аудиторных часов и с однонаправленным подходом к методике преподавания дисциплины, то часто их знания иностранного языка сводятся к умению читать и переводить со словарём. Магистрантам важно не только уметь читать и понимать научные тексты, но и уметь представить доклад на иностранном языке, обменяться контактами с иностранными коллегами, составить аннотацию к научной статье и многое другое. Таким образом, в программу подготовки магистрантов важно включать задания, направленные на одноязычную языковую тренировку и речевую практику.

2. Тематическое содержание рабочей программы

В рамках реализации Федерального образовательного стандарта третьего поколения высшего профессионального образования нами была разработана образовательная программа по изучению и преподаванию иностранного языка на экономическом факультете. Данная программа включает в себя современные технологии обучения иностранным языкам и учитывает специфику профессиональной деятельности выпускников.

В таблице 1 приводится пример содержания тем дисциплины «Иностранный язык» для направления подготовки 38.04.02 «Менеджмент» по образовательной программе «Стратегическое управление».

Т а б л и ц а 1. Содержание тем рабочей программы

№	Раздел	Лексико-грамматический материал
1.	Представление, знакомство. Запрос и предоставление информации об электронном адресе, месте жительства, номере телефона.	Настоящее время (Present Simple). Утвердительные, вопросительные и отрицательные предложения. Лексика по теме.
2.	Общая информация о деятельности компании (филиалы компании, головной офис, кол-во сотрудников, основные конкуренты).	Настоящее время (Present Simple). Утвердительные, вопросительные и отрицательные предложения. Лексика по теме.
3.	Презентация структуры компании с названиями отделов и обязанностей.	Структуры: report to, supervise, oversee, be responsible for, deal и др. Лексика по теме.
4.	Описание истории компании.	Event-purpose-result chain. Лексика по теме.
5.	Составление презентации компании, состоящей из профиля, структуры и истории компании.	Структура презентации.
6.	Описание графиков с различным содержанием.	Структуры: increase, decrease, sharply, stabilize at, prepositions.
7.	Отработка структур для краткого изложения статьи.	Структуры: deals with, emphasize, point out и др.
8.	Работа с научными статьями. Доклад по теме диссертационного исследования.	Структура презентации и реферирования. Лексика по теме.

Предложенная программа позволяет сформировать необходимые компетенции, и максимально приближена к профессиональным потребностям магистрантов. Очевидно, что в данной программе превалирует коммуникативный подход к обучению иностранному языку. Вместе с тем, уделяется особое внимание переводу, который является неотъемлемым составляющим профессиональной подготовки магистрантов.

3. Использование перевода в качестве дополнительного метода обучения

В связи с относительно невысоким уровнем владения иностранным языком и большим количеством часов, отводимых на самостоятельную работу магистрантов по сравнению с аудиторной нагрузкой, особое внимание должно уделяться переводу научной литературы.

Самостоятельная работа не может сводиться к заучиванию нового вокабуляра или выполнению грамматических упражнений и, тем более, переводу с использованием компьютерных программ. Внеаудиторная работа

должна быть направлена на развитие языковых навыков и, в то же время, способствовать становлению специалиста в определённой научной области.

Весьма эффективной представляется модель обучения, предложенная Р. С. Рашитовой. Автор предлагает методику, которая способствует эффективному усвоению и применению знаний по иностранному языку, именно в области научных интересов магистрантов.

Внеаудиторная работа состоит из четырёх этапов.

1. Подбор статьи англоязычного учёного по теме диссертационного исследования.

В процессе выполнения этого задания магистранты просматривают множество статей иностранных авторов, которые работают в области схожих научных интересов. «Они видят и запоминают имена зарубежных учёных и темы их исследований в изучаемой области. Магистранты осуществляют, так называемое, просмотровое чтение статей до тех пор пока не найдут статью, содержание которой их заинтересует» [Рашитова, 2015]. Как отмечает автор методики, не требуется дополнительная мотивация к обучению, так как магистрант сам заинтересован понять точку зрения зарубежного ученого и, в последствии, использовать данный литературный источник в своей работе.

2. Работа со статьей.

Данный этап состоит из двух частей: аннотационный перевод и составление глоссария. «Эта деятельность направлена на то, чтобы приучить специалиста работать с терминами по его специальности. В глоссарий предлагается выписать не только отдельные слова, но и сочетания в которых они встречаются в тексте» [Рашитова, 2015]. Данный вид работы требует от магистранта самостоятельности и приведёт к отказу от использования электронных переводчиков в качестве основных инструментов своей работы.

3. Творческий этап.

Магистранту предлагается составить свой рассказ по изученной статье. На данном этапе используется методика «картография памяти». В основе методики – открытия в области изучения человеческого мозга, сделанные американским психологом Тони Бьюзенем. При составлении карты памяти включаются все ментальные навыки человека: слова, воображение, ритм, образы, цвета и пространство.

Предложенный метод представляется интересным, но стоит отметить, что для того, чтобы актуализировались ментальные навыки, необходимо вначале эти навыки заложить. Различные уровни системы языка в речи сосуществуют вместе. Знание отдельных слов без грамматических структур не приведёт к составлению монолога. Знание грамматических правил и их отработка только на отвлечённом лексическом материале не сможет обеспечить их активное использование в речи. Таким образом,

данный метод возможен при наличии у магистрантов определённых коммуникативных навыков.

Важным этапом, на наш взгляд, предваряющим составление собственного монологического высказывания, является обучение реферированию, аннотированию научного текста по специальности и перевод (реферативный и полнотекстный).

В практике многих специалистов часто возникает необходимость устного или письменного представления на родном языке краткого содержания иноязычных материалов. Многие исследователи публикуют научные статьи в журналах на родном языке с реферативным изложением их основного содержания на иностранном языке. Поэтому одной из задач обучения английскому языку в магистратуре на неязыковом факультете является формирование умений работать с иноязычной литературой по специальности и, в частности, формирование навыков реферирования и составления аннотаций. В процессе работы над рефератом магистрант, отрабатывает знания иностранного языка, в то же время изучает свой предмет, поскольку анализирует различные точки зрения. Помимо реферирования англоязычной литературы на английском языке важно использовать и такие виды работы, как реферирование англоязычной литературы на русском языке и русскоязычной литературы на английском. Составление же реферата на английском языке на основании русскоязычной литературы подготовит магистранта к различным выступлениям на научных конференциях в других странах и к общению с иностранными коллегами. С этой целью наиболее приемлемым представляется такое задание на реферирование, как изложение магистрантом основного содержания своей диссертации на изучаемом иностранном языке, что отражено в предложенной нами программе (п. 8, табл. 1).

Кроме того, если позволяет количество отводимых на изучение дисциплины часов, возможно использование реферативного перевода профессионально-ориентированных статей для подготовки магистрантов к написанию своих диссертаций на русском языке. «Реферативный перевод представляет собой сокращённый перевод текстов, построенный на смысловой компрессии излагаемого материала. Грамотное свёртывание фактографической информации при сохранении наиболее существенных содержательных аспектов – это основная цель данного вида перевода, который стал сейчас весьма распространённым [Пахомкина, 2013]».

4. Презентация статьи перед группой.

Цель данной формы работы состоит в том, чтобы студенты научились представлять темы своих научных исследований и обсуждать их в англоязычной среде. Перед выступлением магистранту следует ознакомить аудиторию с основными терминами, которые прозвучат в докладе, а затем представить доклад. После выступления остальные магистранты задают вопросы по теме доклада. Данный вид задания является финальным, поскольку предполагает наличие определённых навыков в англоязычной коммуникации, а также составлении научных докладов.

4. Выводы

Таким образом, при разработке программ по иностранному языку для магистрантов следует придерживаться важного соотношения заданий на перевод с речевой практикой при ведущей роли последней. Переводные методы обучения бывают неэффективными главным образом потому, что при их использовании на перевод возлагаются не свойственные ему функции обучения единицам изучаемого языка и их употреблению в речи на этом языке. Следует помнить, что уметь говорить на иностранном языке и понимать иноязычную речь не менее важно, чем читать и переводить со словарём.

Список литературы

1. Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, преподавание, оценка [Текст]. – М. : МГЛУ, 2003. – 256 с.
2. Рашитова, Р. С. Эффективная модель обучения иностранному языку в магистратуре на неязыковых факультетах [Текст] / Р. С. Рашитова // Инновационная наука. – 2015. – № 3. – С. 111–113.
3. Пахомкина, М. Е. Роль перевода в преподавании иностранного языка в магистратуре [Текст] / М. Е. Пахомкина // Известия Южного федерального университета. Технические науки. – 2013. – № 10. – С. 99–103.

References

1. Obcheevropeiskie kompetenzii vladenija inostrannym jazykom: Izuchenie, prepodavanie, ozenka [Tekst]. – M. : SpbGU, – M. : МГЛУ, 2003. – 256 s.
2. Rashitova, R. S. Jeffectivnaja model obuchenija innostrannomu jazyku v magistrature na neyazykovyh fakultetah [Tekst] / R. S. Rashitova // Innovazionnaja nauka. – 2015. – № 3. – S. 111–113.
3. Pahomkina, M. E. Rol' perevoda v prepodavanii innostrannogo jazyka v magistrature [Tekst] / M. E. Pahomkina // Izvestija Juzhnogo federalnogo universiteta. Tehnicheskie nauki. – 2013. – № 10. – S. 99–103.

УДК 81'255
UDC 81'255

Бурькин Алексей Алексеевич
Институт лингвистических исследований
Российская Академия Наук
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
Alexis A. Burykin
Institute for Linguistic Studies
Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation
 e-mail: albury@rambler.ru

**ЕЩЁ О НЕПЕРЕВОДИМОМ В ПЕРЕВОДЕ,
 ИЛИ ЕСЛИ НЕЛЬЗЯ, НО ОЧЕНЬ ХОЧЕТСЯ – ТО МОЖНО!
 ОПЫТ РАБОТЫ НАД АНГЛИЙСКИМ ПЕРЕВОДОМ
 ПЕСНИ А. ГОРОДНИЦКОГО «ПЕРЕКАТЫ»
 (К 55-ЛЕТИЮ НАПИСАНИЯ РУССКОГО ТЕКСТА)
 AGAIN ABOUT UNTRANSLATABLE IN TRANSLATION OR IF IT IS
 FORBIDDEN BUT MOSTLY DESIRABLE – THEN IT IS POSSIBLE!
 THE EXPERIENCE OF TRANSLATING A. GORODNITSKIY'S
 BARD SONG «RIFTS»
 (to the 55th anniversary of the Russian words of the song)**

Аннотация

Несмотря на многочисленные утверждения об обратном, переводческая практика продемонстрировала, что утверждение о неперевоидимости следует поставить под сомнение. Об этом свидетельствует, в частности, появление переводных фразеологических словарей и словарей «неперевоидимой» лексики. В настоящей работе через обращение к английскому переводу русской бардовской песни «Перекааты» доказывается гипотеза о том, что любой текст может быть переведён с любого языка на любой другой язык. Показаны возможности преодоления проблем безэквивалентности и несовпадения метрического рисунка в русском и английском языках, связанного с разным количеством слогов в словах, при помощи технологий сжатия и расширения смысла и различных фонетических манипуляций, в частности аллитерации и элизии.

Abstract

The experience of translation demonstrated that the statement of untraslatability should be doubted in spite of numerous arguments for it. Emerging of phraseological dictionaries and dictionaries of «untranslatable» lexical units point to that. The current paper addresses the English translation of the Russian bard song «Riffts» to prove the hypothesis that any text can be translated from any language to any other language. The possibilities to meet the challenges of the differences and discrepancies in poetic meter in Russian and English due to different number of syllables in words by applying the technology of contracting and expanding meaning and various phonetic modifications including alliteration and elision.

Ключевые слова: неперево́димость, бардовская песня, метрика, рифма, аллитерация, элизия, приращение смыслов.

Keywords: untranslatability, bard song, poetic meter, rhyme, alliteration, elision, enlarging the meaning.

Сколько всего написано о неперево́димом в переводе! И хотя авторы вышедшей 35 лет назад книги с таким названием начали её словами «Теорию неперево́димости опровергла живая переводческая практика...» [Влахов, Флорин, 1980, V] и показали, что практика переводчика, и тем более практика перевода как коллективного опыта, всегда одерживает верх над любой безэквивалентностью и неперево́димостью, рекомендации по которой по разным причинам не даются в двуязычных словарях, все же понятие неперево́димого не покидает объёмной литературы по проблемам перевода. Одна из причин этого в отечественной науке – активное развитие лингвокультурологии в приложении к русскому языку, выражающееся в бесконечном анализе и комментировании национальных реалий и всевозможных комплексных номинаций – устойчивых словосочетаний, фразеологии, «ложных друзей переводчика» и так далее. Хотя давно уже стали реальностью и переводные фразеологические словари, и словари «неперево́димой», например, жаргонной или обсценной лексики, все же кому-то из тех, кто занимается лингвокультурологией на русском материале, ещё долго будет казаться, что вот есть в русском языке что-то такое, что невыразимо на европейских языках. Те авторы, которые обращаются к данной проблеме, признают: «Обращение к проблеме «неперево́димого» необходимо для решения конкретных переводческих задач...» [Нагуманова, 2015, с. 146]. В целом к перечню языковых универсалий можно добавить следующую – **Любой текст может быть переведён с любого языка на любой другой язык** – и это будет справедливо как по отношению к естественным языкам, так и по отношению к искусственным языкам или технически ориентированным языкам как новой реальности.

Итак, знаменитые «Перека́ты» Александра Городницкого, скрыто радующие лингвокультурологов-русистов и бросающие вызов тому, кто пытается осмыслить текст на ином языке: «послать бы их по адресу», «А где-то бабы живут на свете, Дру́зья сидят за водкою», «И если есть там с тобою кто-то...» – национальные реалии в динамике и сложная, не образная идиоматика.

Вопрос: зачем это надо? Ответы – рассматривая стихотворные оригиналы и переводы, иногда хочется поделиться с коллегами своим опытом, своим восприятием текста, своей его передачей в виде нового перевода [Бурыкин, 2002, 2007]. И ещё – в нашем бесконечно шельмуемом по поводу культуры обществе есть и такой социум, который ценит не только собственные сочинения, но и переводы, особенно для хорошо знакомых оригиналов, соположенные рядом с этими оригиналами, будь то двуязычное издание или исполнение песни сначала на родном, потом на другом

языке. Появился даже жанр парных разноязычных текстов, представляемых одним автором [Бурькин, 2004] – но об этом как-нибудь в другой раз... В общем, имеет смысл сделать такой перевод хотя бы для своих» – однокашников, коллег, единомышленников.

Что же, итак, вызов принят. Всмотримся в текст, и отдельные фрагменты сразу же слово в слово укладываются в английский перевод: *Владеют камни, владеет ветер Моей дырявой лодкою. Possessed by stones, possessed by snowstorms¹, My old holed clipper-boat drifts – И подавать я не должен виду, Что умирать не хочется – I shouldn't show That I don't want to die at all.* Что же, задача уже не так страшна, кое-где даже порядок слов сохранится.

Проблема оценки английского стиха на русский слух – трудно одолжимое желание посчитать слова с дифтонгами за двусложные. Придётся следить внимательнее – перед *holed* вставим *old* (раз *клипер-бот*, то есть резиновая лодка (о чём писал сам автор в другом стихотворении с той же темой – «И мы клипер-бот нашли на мыске») дырявый, то уж наверное старый, и к *storms* добавим *snow*, снежные заряды на Севере и летом не в диковинку. Между *boat* и *drifts* ничего не ставится – жанр бардовской песни оставляет некоторую свободу в метрике.

Ехидный вопрос коллеги: – А как по-английски «перекаты»? – *Rifts*, естественно. А как передать «Всё перекаты да перекаты..»? – Ну да, понятно, в русском слове четыре слога, а в английском один. – Ответ экспромтом на экспромт: *Rifts roar and roar, roar more and more* – с сохранением фонетики.

Послать бы их по адресу – кому что придёт в голову, но *damned* в данном случае для английского языка достаточно. Заполнение строки *Oh, damned deadly roaring rifts* – где добавленное *deadly* приоткрывает для англоязычного читателя посвящение этой песни памяти молодого геолога Станислава Погребицкого, погибшего на одном из перекатов (см. [Городницкий, 1991 а, 1991 б, 1993, 2013]). Рифма *rifts – drifts* подсказывает решение перенести строки из второго четверостишия в первое, тем более что дальше там свои нюансы, мы же стремимся к точности передачи текста, а не отдельных строк.

Вот и сплошные безэквивалентные обороты: *А где-то бабы живут на свете, Друзья сидят за водкою...* Русское *бабы*, действительно, очень многозначно, как и *друзья*. Водка в виски не переделается, но английский глагол *to drink* без указания напитка сам по себе выражает то, что нужно – пить крепкие спиртные напитки. *Друзья* – ну, конечно, для автора и однокашники по институту, и те, кто с ним в поле. Тут уже понятно, что за бабы должны быть в их компании (из макаронического анекдота: то ли леди, то ли ляди) – честно, слово из синонимического ряда выбиралось долго, но им ещё и комплимент напросился – *pretty*. Но надо возвращать долги

¹ Некоторая неточность конечной рифмы, если она вообще слышна, здесь компенсирована внутренней рифмой, расставленной по третьим строчкам третьего и четвертого куплетов

самому себе – это две строки первой строфы про карты и абрисы. В микродискурсе текста они связаны не только с героем-автором, для которого на них не нанесён маршрут, но и с тем, что их нет – как будто бы они и не нужны. И опять шанс вернуться к теме, стоящей за текстом – а зачем они нужны, разве что пометить место гибели друга-геолога, и никому не ведомо, кто следующий на том же пути... Лаконичное *I'd* скрывает выбор – *could, should, would*. Итог размышлений:

***My friends and fieldmates, they drink and chatter,
They have their pretty broads around,
They have no mappings, they need no chartings
To cross the point where I'd be drowned.***

Следующая строфа требует следования заданной имеющимся фрагментом точности. После некоторых колебаний между *flow* и *row* предпочтение отдано последнему: хватит дрейфующего клипер-бота ранее. Рифма подсказывает выбор – *fall*, а не *autumn* ну и лето – *summer* – сохранить надо. Остаётся половина строки – чем же герой не должен подавать вида, что умирать не хочется? А вот чем – ещё и с аллитерациями, характерными для автора и для бардовской песни:

***To a larger river at dawn I'll row,
The end of summer, start of fall...
I shouldn't shiver, I shouldn't show
That I don't want to die at all.***

Тут без элизии гласного в первом слоге первой строки не обойтись, но такое встречалось – например, у Р. Киплинга. Но, все же, не хочется ставить апостроф.

Мы, кажется, забыли про характер рифм в оригинале – редкое, изысканное чередование женских рифм с дактилическими – рифм с ударением на втором и третьем слоге от конца. Вообще-то известно. Что такой рифмический рисунок в английских переводах не передаётся – не то, чтобы вообще, но с ним возникают сложности, и его воспроизведение считается избыточным. Отчасти мы его компенсировали словами с дифтонгами в финале строк. Ох уж этот – действительно труднопереводимый «кто-то» – интересно. А как этот «кто-то» по-французски или по-немецки? И «до поворота» – выглядит как-то по-шоферски, будучи оторванным от реки. И ещё – как выразить, что «с тобою» относится к даме, мы же не на арабский переводим, где мужское и женское «ты» различаются, а с английским того хуже – это сколько же должно быть «вы» у героя? – в этой среде если четыре – он ещё не бабник. Попробуем заменить второе лицо, не различающее ни числа, ни пола – на третье, различающее и число, и пол. Обращение заменится на размышления героя, но смысл останется. Наверное, он думает о той, которая могла бы ему спеть «Не дари, прощаясь, мне ни цветов, ни брошек, Подари мне на прощанье Тихий океан» – но таких в при-

роде нет, поэтому автор потом и напишет это сам, и будет петь перед такими же, как он. Если у нас упомянут наступающий день – наутро, *at dawn* – пусть у героя будет ещё один день на размышления, те самые «а дальше как получится», но и он волен принимать решения. Что-то вместе с найденной парой вполне бардовских рифм остаётся на приращение смыслов – *if they are happy, and what will happen...* Сложим все вместе:

*If she's found someone, if they are happy,
I've no mood to sorrow,
Today I love her, and what will happen –
I shall decide tomorrow.*

Тут воспроизвёлся даже рисунок рифм: женские рифмы на своих местах, и женские же рифмы с дифтонгом в последнем слоге – аналог дактилических.

Последняя строфа в «Перекатах» повторяет первую. Однако, во-первых, мы первую строфу немного изменили, поменяв порядок двустиший в первых двух куплетах и несколько изменив как раз те строки, которыми должен завершаться текст. Во-вторых, и сам автор, что известно его поклонникам, иногда в песенном исполнении изменяет часть текста, которая должна бы повторяться. Надо опять возвращать долг самому себе, но уже есть подобранная лексика, причём даже с найденными рифмами.

На какое же место в начале и здесь у героев нету карты? На реку с берегами, конечно, но *bank* тут явно неуместен – как говорится в известном романе «над вами потешаться будут» – понятно. *Shore*, ещё и в рифму, геологи и по морю плавали. Что же, этот одинокий клипер-бот плывёт и будет плыть осмысленно, поэтому вместо *drifts* тут появится *shifts*. Хорошая была головоломка, даже жаль расставаться:

*Rifts roar and roar, roar more and more,
You, damned deadly roaring rifts!
There's no this shore in my map-store
Where lonely clipper-boat shifts.*

Теперь можно сравнить два текста целиком:

Перекаты

Всё перекаты да перекаты –
Послать бы их по адресу!
На это место уж нету карты, –
Плыву вперёд по абрису.

А где-то бабы живут на свете,
Друзья сидят за водкою...
Владеют камни, владеет ветер
Моей дырявой лодкою.

Rifts

Rifts roar and roar, roar more and more,
Oh, damned deadly roaring rifts!
Possessed by stones, possessed by snowstorms,
My old holed clipper-boat drifts.

My friends and fieldmates, they drink and chatter,
They have their pretty broads around,
They have no mappings, they need no chartings
To cross the point where I'd be drowned.

К большой реке я наутро выйду,
 Наутро лето кончится,
 И подавать я не должен виду,
 Что умирать не хочется.

To a larger river at dawn I'll row,
 The end of summer, start of fall
 I shouldn't shiver, I shouldn't show
 That I don't want to die at all.

И если есть там с тобою кто-то,
 Не стоит долго мучиться:
 Люблю тебя я до поворота,
 А дальше — как получится.

If she's found someone, if they are happy,
 I've no mood to sorrow,
 Today I love her, and what will happen -
 I shall decide tomorrow.

Всё перекаты да перекаты –
 Послать бы их по адресу!
 На это место уж нету карты, –
 Плыву вперёд по абрису.

Rifts roar and roar, roar more and more,
 You, damned deadly roaring rifts!
 There's no this shore in my map-store
 Where lonely clipper-boat shifts.

Вот итоги размышлений, плоды многократного повторения текста про себя и слушания в наушниках во время странствий – кстати, и мне предлагали показать могилу автора «Перекатов» под Магаданом – подумалось: Не дождётесь! Вспоминаются картинки услышанных в детстве отрывков – как-то, где-то, от кого-то, потом – авторское исполнение всего текста, и тут откроется, что это не анонимный шансон, а бардовская песня, и что автор этого текста вообще-то доктор геолого-минералогических наук, геофизик, который написал множество хороших стихов, песен, книг.

Итак, как в детстве: что хотели, то купили, «Да» и «Нет» не говорили, чёрного и белого не покупали, и, как в юности, как в известном фильме – если нельзя, но очень хочется, то можно. Все-таки непереводаемого в переводе в самом деле нет².

Список литературы

1. Бурыкин, А. А. «Сапоги» Киплинга [Текст] / А. А. Бурыкин // Studio. – 2002. – № 3–4. – С. 94–96.
2. Бурыкин, А. А. Параллельные разноязычные версии стихотворного экспромта как предмет языковой практики и как проблема перевода [Текст] / А. А. Бурыкин // VI Международная конференция по переводоведению «Федоровские чтения». Тезисы докладов, Санкт-Петербург, 21–23 октября 2004 г. – СПб., 2004. – С. 13–14.
3. Бурыкин, А. А. Юрий Визбор по-английски [Текст] / А. А. Бурыкин // Studio. – 2007. – № 1–2. – С. 98–100.
4. Влахов, С. Непереводаемое в переводе [Текст] / С. Влахов, С. Флорин. – М. : Международные отношения, 1980. – 352 с.
5. Городницкий, А. М. Деревянные города. – М., 1991.

² Автор выражает глубокую благодарность проф. В. И. Карасику (Волгоград), одному из первых читателей данного перевода, за его плодотворное обсуждение и ценные замечания.

6. Городницкий, А. М. И вблизи, и вдаль: Мемуарная проза и песни. – М. : Полигран, 1991.
7. Городницкий, А. М. След в океане : док. повествование; проза и песни. – Петрозаводск : Карелия, 1993.
8. Городницкий, А. М. Атланты. Моя кругосветная жизнь. – М. : Яуза, Эксмо, 2013. – 207 с.
9. Нагуманова, Э. Ф. "Непереводимое" в переводах стихотворений татарских поэтов начала XX века на русский язык // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 2. – С. 143–147.

References

1. Burykin, A. A. «Sapogi» Kiplinga [Tekst] / A. A. Burykin // Studio. – 2002. – № 3–4. – S. 94–96.
2. Burykin, A. A. Parallelnye raznojazychnye versii stihotvornogo jekspromta kak predmet jazykovej praktiki i kak problema perevoda [Tekst] / A. A. Burykin // VI Mezhdunarodnaja konferencija po perevodovedeniju «Fedorovskie chtenija». Tezisy dokladov, Sankt-Peterburg, 21–23 oktjabrja 2004 g. – SPb., 2004. – S. 13–14.
3. Burykin, A. A. Jurij Vizbor po-anglijski [Tekst] / A. A. Burykin // Studio. – 2007. – № 1–2. – S. 98–100.
4. Vlahov, S. Neperevodimoe v perevode [Tekst] / S. Vlahov, S. Florin. – M. : Mezhdunarodnye otnoshenija, 1980. – 352 s.
5. Gorodnickij, A. M. Derevjannye goroda. – M., 1991.
6. Gorodnickij, A. M. I vblizi, i vdali: Memuarnaja proza i pesni. – M. : Poligran, 1991.
7. Gorodnickij, A. M. Sled v okeane : dok. povestvovanie; proza i pesni. – Petrozavodsk : Karelija, 1993.
8. Gorodnickij, A. M. Atlanty. Moja krugosvetnaja zhizn'. – M. : Jauza, Jeksmo, 2013. – 207 s.
9. Nagumanova, Je. F. "Neperevodimoe" v perevodah stihotvorenij tatarskih pojetov nachala HH veka na russkij jazyk // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2013. – № 2. – S. 143–147.

Наши авторы

Бурькин Алексей Алексеевич, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Словарного отдела Института лингвистических исследований Российской Академии Наук, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: albury@rambler.ru

Кравец Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, e-mail: t_kravetc@mail.ru

Наумов Владимир Викторович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: vladimir_naumov@mail.ru

Пиотровская Лариса Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: larisa11799@yandex.ru

Трифонов Александр Сергеевич, аспирант кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Дальневосточного Федерального Университета, г. Владивосток, Российская Федерация, e-mail: aleksander.s.t@live.com

Шамина Елена Анатольевна, кандидат филол. наук, доцент, доцент кафедры фонетики и методики преподавания иностранных языков филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: elena_shamina@hotmail.com

Шуйская Татьяна Викторовна, кандидат филол. наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, e-mail: t.shuiskaya@mail.ru

Our authors

Alexis A. Burykin, Doctor of Philology, senior researcher, Department of Lexicography, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation, e-mail: albury@rambler.ru

Tatyana V. Kravets, PhD in Philology, associate professor, Department of Foreign Languages, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, e-mail: t.kravetc@mail.ru

Vladimir V. Naumov, Doctor of Philology, professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, St.-Petersburg State Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation, e-mail: vladimir_naumov@mail.ru

Larisa A. Piotrovskaya, Doctor of Philology, professor, Department of the Russian Language, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation, e-mail: larisa11799@yandex.ru

Alexander S. Trifonov, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation, e-mail: aleksander.s.t@live.com

Elena A. Shamina, PhD in Philology, associate professor, Department of Phonetics and Methods of Foreign Language Teaching, Faculty of Philology, St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russian Federation, e-mail: elena_shamina@hotmail.com, e.shamina@spbu.ru

Tatiana V. Shuiskaya, PhD in Philology, associate professor, Department of Foreign Languages, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, e-mail: T.Shuiskaya@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Научные статьи

<i>Бурькин А. А.</i>	Электронный ресурс для исследований в области русской лексикологии и лексикографии «библиотека лексикографа»: опыт работы, перспективы пополнения, возможности использования	5
<i>Кравец Т. В.</i>	Средства реализации речевых актов прощания в этикетно-речевой коммуникации Германии	29
<i>Наумов В. В.</i>	И душа с душою говорит...	40
<i>Пиотровская Л. А.</i>	Интонация текста и речевая деятельность: психолингвистический анализ	52
<i>Пиотровская Л. А.</i>	Монотонная vs выразительная устная речь	64
<i>Трифонов А. С.</i>	Критерии отбора терминов для словника терминологического словаря	76
<i>Шамина Е. А.</i>	Фонетическая мотивированность как основание литературного словотворчества (на материале сказки Р. Дала «The BFG»)	85
<i>Шуйская Т. В.</i>	Опыт обучения иностранному языку в магистратуре на неязыковых факультетах	99

К обсуждению

<i>Бурькин А. А.</i>	Ещё о непереводаемом в переводе, или если нельзя, но очень хочется – то можно! Опыт работы над английским переводом песни А. Городницкого «Перекаты» (к 55-летию написания русского текста)	105
----------------------	---	-----

Информация об авторах

CONTENTS

Original Papers

<i>Burykin A. A.</i>	Electronic resource for studies in the field of Russian lexicology and lexicography “lexicographer's library”: experience, outlook for enlarging, possibilities of using	5
<i>Kravets T. V.</i>	Means of realization of speech acts of parting pattern in the etiquette-verbal communication of Germany	29
<i>Naumov V. V.</i>	And a soul talks to a soul...	40
<i>Piotrovskaya L. A.</i>	Text intonation and language behaviour: the psycholinguistic analysis	52
<i>Piotrovskaya L. A.</i>	Monotonous vs expressive oral speech	64
<i>Trifonov A. S.</i>	Criteria for terminology selection for the LSP dictionary	76
<i>Shamina E. A.</i>	Phonetic motivation as a foundation for literary neologisms (based on R. Dahl's fairy tale «The BFG»)	85
<i>Shuiskaya T. V.</i>	The experience of foreign language teaching in Master's program at nonlinguistic departments	99

Discussion

<i>Burykin A. A.</i>	Again about untranslatable in translation or if it is forbidden but mostly desirable – then it is possible! The experience of translating A. Gorodnitskiy's bard song «Rifts» (to the 55 th anniversary of the Russian words of the song)	105
----------------------	--	-----

Our authors

Теоретическая и прикладная лингвистика. Выпуск 1, No 4, 2015.
Издательство АмГУ.

Подписано к печати 25.12.15. Редактор – С. В. Андросова.
Компьютерная вёрстка – Е. Ю. Андросов.
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 13,48. Тираж 500. Заказ 675.
Отпечатано в типографии АмГУ.